ЗАПИСКИ

НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢЕВА

(1780—1809).

Рукопись изъ собранія Андрея Александровича Титова.

Изданіе редакціи историческаго журнала

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1889.

Екатерининскій кан., д. 78.
№ 2858.

Въ 1887 году Андрей Александровичъ Титовъ, извѣстный любитель отечественной старины и знатокъ отечественной исторіи, сообщилъ намъ изъ обширнаго собранія своихъ рукописей Записки Никиты Ивановича Толубѣева, для помѣщенія ихъ въ „Русской Старинѣ“[1]). Опасеніе, что сообщенная намъ рукопись, въ виду обширности нашего архива и множества въ немъ имѣющихся записокъ и матеріаловъ, довольно долго пролежитъ въ немъ, ожидая времени появленія на страницахъ нашего изданія, заставило насъ предложить почтенному нашему сотруднику издать помянутыя записки отдѣльною книгою.

А. А. Титовъ съ удовольствіемъ на то согласился—и вотъ Записки Толубѣева явились отдѣльнымъ выпускомъ.

Никита Ивановичъ Толубѣевъ, потомокъ старинной русской дворянской фамиліи, небогатый помѣщикъ Орловской губерніи и уѣзда, сынъ „бѣднаго, но высокой честности дворянина“, родился

---

[1]) Рукопись куплена на толкучкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ярмаркѣ въ 1886 году. Это тетрадь мелкаго письма съ помарками и переправками, въ листъ, на 84 листахъ. Начинаются записки припискою другой руки: „Пріятель мой Н. И. Т. оставилъ мнѣ свои записки о слѣдующемъ“... далѣе текстъ Записокъ. А. Т.

[1]) Андрей Александровичъ Титовъ — состоитъ членомъ-сотрудникомъ археограф. коммиссіи и дѣйств. членомъ императорскихъ обществъ московскаго археологическаго, русскаго; московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей россійскихъ; онъ одинъ изъ основателей ростовскаго музея церковныхъ древностей и ревностныхъ дѣятелей къ упроченію и развитію этого превосходнаго музея. Въ III-мъ выпускѣ „Охраннаго каталога собранія рукописей А. А. Титова“ можно видѣть длинный списокъ изданныхъ имъ трудовъ въ области исторіи, археологіи и этнографіи—преимущественно ярославскаго и ростовскаго края. М. С.

не позже 1780 года и написалъ, представляемую нынѣ въ печати, рукопись своихъ записокъ не ранѣе, какъ въ концѣ 1830 годовъ. Какъ можно видѣть изъ этихъ записокъ, онѣ составлены авторомъ исключительно для себя и для своихъ близкихъ, при чемъ писаны съ полною искренностью, безъ малѣйшихъ прикрасъ и увлеченій, писаны на досугѣ, послѣ тревожно проведенной жизни военно-служилаго человѣка.

Предки Толубѣева были военные люди; родной братъ его палъ въ бою на Кавказѣ, другой братъ былъ жестоко израненъ тамъ-же, самъ Никита Ивановичъ былъ участникомъ кровавой войны 1805—1807 годовъ съ французами и похода 1809 года въ Австрію. Въ кампаніи 1807 г., въ бою съ французами подъ Гельсбергомъ, Никита Ивановичъ потерялъ двухъ лошадей, смертельно подъ нимъ раненыхъ, и самъ былъ контуженъ. Женившись около 1808 года, онъ вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ; затѣмъ участвовалъ въ формированіи ополченія и служилъ два трехъ-лѣтія засѣдателемъ въ Совѣстномъ судѣ, кажется въ Нижегородской губерніи, гдѣ у него за женой было маленькое имѣньице. Затѣмъ служилъ, засѣдателемъ же, въ гражданской палатѣ. Семью онъ имѣлъ большую, семеро дѣтей, потерялъ жену; средства къ жизни были самыя ничтожныя. Жизнь вообще довелась ему весьма и весьма тяжелая. Умеръ Никита Ивановичъ не ранѣе конца 1830 годовъ и не моложе 57 лѣтъ.

Записки Толубѣева не представляютъ ни живости и картинности изложенія, ни богатства содержанія, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ значеніе, какъ записки бытоописательныя русскаго народа и военнаго служилаго люда конца XVIII-го и перваго десятилѣтія XIX-го столѣтій. Въ нихъ,—что рѣдко встрѣчается въ подобныхъ запискахъ русскихъ людей прошлаго вѣка,—читатель найдетъ довольно подробное описаніе крестьянскаго быта, его забавъ и увеселеній, предразсудковъ русскихъ людей и повѣрій. Затѣмъ авторъ, по прохожденіи маленькаго курса наукъ въ только что образовавшемся въ городѣ Орлѣ народномъ училищѣ, имѣлъ неудачный дебютъ канцелярской службы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, послѣ чего поступилъ въ военную службу, въ кавалерійскій полкъ; отсюда начинается описаніе тогдашняго суроваго военнаго быта съ характеристикой шефовъ, полковниковъ, товарищей, типичныхъ представителей полка, унтеръ-офицеровъ и

нѣкоторыхъ солдатъ, отношеній военнаго люда къ помѣщикамъ, описаніе нѣкоторыхъ городовъ и такихъ вельможныхъ пановъ южной Россіи, каковы были: Судіенко, графиня Браницкая, графъ Разумовскій и другіе. Весь тонъ разсказа мѣстами отличается самымъ добродушнымъ юморомъ, а личность составителя записокъ все болѣе и болѣе вырисовывается въ весьма симпатичныхъ чертахъ. Предъ вами чисто русскій человѣкъ, типъ добраго стараго времени, со всѣми хорошими его качествами: религіозный, смѣтливый, скоро сознавшій необходимость дополнить и довершить свое образованіе и уже въ офицерскомъ чинѣ продолжавшій таковое, въ высшей степени исполнительный по службѣ, любившій свою родную семью, т. е. мать, весьма рано скончавшуюся, и затѣмъ своего отца, отъ котораго онъ, при вступленіи въ жизнь, кромѣ благословенія, получилъ лишь 50 рублей, такъ какъ отецъ по бѣдности не могъ дать больше. И эти завѣтные 50 рублей Толубѣевъ, не смотря на свои молодые годы, имѣлъ силу воли сберечь долгое время, какъ зеницу ока, вплоть до производства своего въ офицеры, когда на эту сумму онъ съ головы до ногъ и экипировался. Тяжелую, воловью работу вынесъ Толубѣевъ въ рядахъ кавалерійскаго полка, который въ разное время былъ то кирасирскимъ, то драгунскимъ, то, наконецъ, гусарскимъ, мѣняя свои названія, вмѣстѣ съ своею формою, крайне стѣснительною по массѣ мелкихъ принадлежностей и необходимости чистки всѣхъ этихъ приборовъ и уборовъ, для военнаго дѣла вовсе не нужныхъ. Мы застаемъ въ этомъ полку Н. И. Толубѣева то бравымъ ординарцемъ почти безсмѣнно у различныхъ шефовъ и ревизующихъ командировъ, то аудиторомъ, квартермейстеромъ, а не то шефскимъ или полковымъ адъютантомъ, наконецъ, бригаднымъ адъютантомъ. Никита Ивановичъ былъ грамотнѣе своихъ товарищей-офицеровъ, писалъ красивѣе, а, главное, былъ расторопнѣе и исполнительнѣе другихъ, вотъ почему имъ чрезвычайно дорожили его непосредственные начальники; это не помѣшало, однако, Толубѣеву однажды чуть не погибнуть по капризу одного изъ своихъ, не въ мѣру раздражительныхъ и самолюбивыхъ, полковыхъ шефовъ.

Весь разсказъ отличается замѣчательною, при передачѣ всѣхъ тяжелыхъ дней своей жизни, незлобивостью до такой степени, что даже составитель записокъ не позволяетъ себѣ называть по

фамиліямъ главнѣйшихъ лицъ своего разсказа: онѣ спрятаны у него подъ буквами; но все, что хорошее встрѣчалось ему въ жизни, въ лицахъ-ли, въ событіяхъ-ли, Никита Ивановичъ отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. По нравственнымъ своимъ качествамъ составитель записокъ во многомъ напоминаетъ намъ Андрея Тимоѳеевича Болотова, маіора Данилова и вообще тѣхъ русскихъ людей, которые, составляя плоть отъ плоти, кровь отъ крови русскаго народа, являются носителями всѣхъ его лучшихъ качествъ. Избыткомъ этихъ качествъ и объясняются тѣ чувства расположенія, а со стороны низшихъ и подчиненныхъ чувства беззавѣтной преданности, которыя привлекали къ себѣ лица, подобныя Никитѣ Ивановичу Толубѣеву.

Изложеніе записокъ тяжеловато: въ нихъ надо вчитаться, чтобы найти тотъ ароматъ, ту прелесть старины, отдаленной отъ насъ почти на цѣлое столѣтіе, которая такъ привлекательна для каждаго, кто любитъ переноситься въ жизнь и бытъ нашихъ предковъ.

Записки Н. И. Толубѣева обрываются на 1809 году. Были ли онѣ продолжаемы—намъ неизвѣстно, равно и неизвѣстенъ годъ кончины почтеннаго автора, вполнѣ русскаго человѣка, достойнаго представителя хорошаго военно-служилаго дворянскаго сословія добраго стараго времени. Записки Никиты Ивановича Толубѣева, какъ мы увѣрены, займутъ подлежащее мѣсто въ библіотекѣ каждаго, кто собираетъ сказанія русскихъ людей минувшаго времени.

Напечатали мы рукопись по точной копіи, сообщенной А. А. Титовымъ, раздѣливъ ее лишь, для удобства чтенія, на главы.

Михаилъ Семевскій,

Ред.-изд. „Русской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

[1780—1809].

Стран.

Глава I. Предувѣдомленіе. — Мѣсто рожденія. — Гора Кудояра — Утрата документовъ. — Занятія отца. — Мать. — Леченіе крестьянъ. — Ученье. — Надзоръ дяди. — Катанье на конькахъ. — Шалости. — Учитель танцевъ. — Праздникъ Троицы. — Ярмарка. — Гулянье. — Катанье на лодкахъ. — Народныя пѣсни — Разсказы. — Святочныя игры. — Масляница. — Великій постъ. — Пасха. — Повѣсти Антипа. — Игра танки. — Завиванье вѣнковъ — Качели. — Сѣнокосъ. — Жатва. — Барщина . . . . . 1— 30

Глава II. Женитьба брата и замужество сестры. — Неправильный раздѣлъ имѣнія. — Смерть брата и матери. — Оригинальный костюмъ повытчика. — Служба въ казенной палатѣ. — Исполненіе рѣшенія суда. — Болѣзнь отца. — Великодушіе дяди. — Опредѣленіе въ военную службу. — Солдатское житье. — Мой менторъ. — Верховая ѣзда. — Служебные успѣхи. — Перемѣна полка. — Свиданіе съ отцемъ. — Брянскіе лѣса. — Витебскъ. — Полоцкъ. — Замки. — Муза гр. Палена. — Кончина Павла I-го. — Море. — Якобштадтъ. — Судъ надъ медвѣдемъ и казнь его. — Сватовство. — Походъ въ Лубны . . . . . 30— 59

Глава III. Жизнь въ Лубнахъ. — Служебныя занятія. — Ученье въ походѣ. — Новгородъ-Сѣверскъ. — Командировка въ Петербургъ. — Спускъ кораблей Рафаила и Уріила. — Представленіе въ государю. — Преображенецъ Мельниковъ. — Отъѣздъ изъ Петербурга. — Дорога. — Первый офицерскій чинъ. — Саранча. — Суевѣрныя примѣты. — Стряпческое лакостничество. — Новый шефъ. — Стрѣльба въ цѣль. — Добрый совѣтъ князя Волконскаго. — Директоръ Холинскій. — Старый панъ Судіенко. — Усадьба Очкино. — Капитанъ-стихотворецъ. — Кіевъ. — Мѣстечко Бѣлая церковь. — Графиня Бравицкая. — Польскій медъ. — Панъ Твардовскій. — Шутка 1-го апрѣля . . . . . 59— 98

Глава IV. Суевѣрная примѣта.—Непріятность шефу полка.—Пріемъ англійскаго посланника.—Случайная неизгода.—Горе отъ бѣдности.—Какъ составляются богатства.—Отвѣтъ оракула.—Вблизи Пултусской бит ы.—Сраженіе.—Бивуаки у м. Остроленки.—Смерть товарища.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Благодарность побѣдителю.—Награда ему отъ прусскаго короля.—Болѣзнь.—Лѣченіе.—Неудачная перемѣна квартиры.—Благодѣтель Грицко.—Добрая хозяйка.—Выздоровленіе.—Походъ . 98—128

Глава V. Дѣло при Гутштадтѣ.—Отступленіе маршала Нея.—Страданія раненыхъ.—Неудавшійся отдыхъ.—Сраженіе подъ Гельсбергомъ.—Превосходство непріятельской артиллеріи.—Храбрость С.-Петербургской милиціи.—Потеря лошади.—Аттаки на батарею.—Рукопашный бой.—Сраженіе при Фридландѣ.—Подвиги Александрійскихъ гусаръ.—Опасный лѣсокъ.—Переправа черезъ р. Алле.—Отвѣтъ генерала.—Заплатка орудій.—Удачный выстрѣлъ.—Городъ Вейлау.—Тильзитское свиданіе.—Ловкость башкировъ.—Смотръ государя Александра I-го.—Благодарность государя . . . . . 128—142

Глава VI. Прибытіе въ Оршу.—Дѣла.—Походъ на Могилевъ.—Опять болѣзнь.—Лѣченье музыкой.—Назначеніе въ квартирмейстеры.—Война съ Швеціей.—Лагерь въ Великихъ Лукахъ.—Въ гостяхъ у бригадира.—Любовь.—Бракъ.—Ревность.—Отставка.—Князь Грузинскій.—Свиданіе съ племянникомъ.—Негодяй кучеръ.—Несчастный случай на улицѣ.—Частный приставъ.—Откупщикъ.—Жалоба губернатору.—Послѣдствія ушиба . . . . . 142—157

Примѣчаніе отъ издателя Записокъ Толубѣева . . . . . 157—158

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢЕВА.

I.

Предувѣдомленіе. — Мѣсто рожденія. — Гора Кудояра. — Утрата документовъ. — Занятія отца. — Мать. — Леченіе крестьянъ. — Ученье. — Надзоръ дяди. — Катанье на конькахъ. — Шалости. — Учитель танцевъ. — Праздникъ Троицы. — Ярмарка. — Гуляньe. — Катанье на лодкахъ. — Народныя пѣсни. — Разсказы. — Святочныя игры. — Масляница. — Великій постъ. — Пасха. — Повѣсть Антипа. — Игра тапки. — Завиванье вѣнковъ. — Качели. — Сѣнокосъ. — Жатва. — Барщина.

Между перемѣнами жизни, которыхъ исчислить очень трудно, нѣкоторыя и меня, въ разныя времена, постигали со всѣми ихъ свойствами. Возрастъ младенческій—и далѣе не могъ замѣтить никакихъ перемѣнъ, сколь бы оныя хороши или худы ни были, да и юношамъ не всякому въ удѣлъ дано дѣлать подробное разбирательство того, что неисповѣдимыми судьбами предопредѣлено. Такъ и я провелъ жизнь мою,—видя различныя перемѣны, ни мало не обращалъ на то вниманія,—хотя и теперь не знаю: что тому препятствовало. Итакъ, жизнь текла съ того времени, когда судьбѣ угодно было доставить мнѣ время обозрѣть и, по винѣ вложеннаго въ меня понятія, обсудить и сдѣлать посильныя заключенія. Сіе произвело то, что предсказали прежде жившіе мудрые люди, особенно—на землѣ. Всякъ человѣкъ ложь, и только удалясь отъ земли онъ явится по дѣламъ его. А какъ послѣдній видъ перемѣны жизни моей былъ свойства такого, что изъ дѣятельнѣйшихъ занятій очутился я въ праздности, то пріемлемыя въ замѣну перваго средства оставались безъ успѣшности. Разные пріемы по хозяйственной части весьма ограниченнаго

имѣнія не пагражда̀ли всего времени дѣятельности, а изъ того родились по порядку скука со всѣми принадлежностями. Плотничество, столярничество и проч., какъ занятіямъ посильныя, казались недостаточны, а прекращеніе новой службы еще болѣе заставило искать занятія. Въ то время хотя и явился простой токарный станокъ, однако-же, и онъ мало сократилъ время праздности, а потому остающееся отъ занятій на ономъ время доставляло средства обозрѣть прошедшее — относящіяся собственно ко мнѣ событія и записать въ пособіе памяти, которая, будучи сбивчива, иногда мѣшаетъ части одного происшествія съ другимъ и ставитъ прежде бывшее послѣдующимъ. Предпріятіе сіе, по ограниченному моему разсужденію, признано начать описаніемъ жизни съ начала, т. е. когда я прибылъ погостить между живыми—между которыми и теперь еще гощу, пока не вытащитъ общая проводница въ другое бытіе. Таковое разсужденіе прежде всего тупой мой мысленный взоръ обратило на тотъ предметъ, гдѣ я, по общему правилу, прежде обозрѣнія жизни, долженъ видѣть свое происхожденіе, которое и путь жизни состоитъ въ слѣдующемъ.

Мѣсто, на которомъ явился я въ число гостей безчисленнаго собранія, безпрерывно перемѣняющихся, коимъ природа предлагаетъ различныя, по временамъ и качествамъ, угощенія и занятія, состоитъ отъ губернскаго города О..а, на сѣверъ, въ пятнадцати верстахъ. Рѣка Н.....дь, излучисто изгибаясь направо, образуетъ оное полуостровомъ, который, начавшись съ юго-запада возвышенною поляною, огражденною съ обѣихъ сторонъ по скатамъ къ рѣкѣ, молодыми рощами, почти непріятнымъ скатомъ снизился до того, что весною рѣка заливаетъ оный на немалое пространство. Мѣсто же, на которомъ были предковъ моихъ дома и теперь остались слѣды, есть прекрасный пригорокъ. Передъ домами лугъ, разрѣзанный рѣкою, составляетъ двѣ длинныя полосы. За оными продолговатая гора, на которой расположены крестьянскіе дома. На правой сторонѣ деревни, по скату той же горы до самаго луга, роща; въ серединѣ деревни оврагъ, съ садами и репейниковыми цвѣтами, раздѣляетъ оную на двѣ половины; а на лѣвой—оврагъ же, съ прекрасными родниками и орѣховымъ кустарникомъ. Лѣвую сторону сего оврага образуетъ опирающаяся на дно рѣки утесомъ, гора, весьма похожая

на тѣ горы, на которыхъ, въ древности, строили земляныя крѣпости и первая она загнула направо рѣки, до сего мѣста почти прямо между господскими и крестьянскими домами, посреди луга текущую. Отъ сей горы начинается гора же, съ различными крутизнами и отложинами, съ востока, вмѣстѣ съ рѣкою обогнувшая часть полуострова. По всему обгибу сей горы и на поверхности оной, по ровняди, слишкомъ на двухъ квадратныхъ верстахъ, прекрасная заказная роща, которая лѣвымъ краемъ стоитъ противъ самыхъ господскихъ садовъ и представляетъ прекрасный видъ, особенно во время восхожденія солнца, котораго лучи, проникнувъ чащу деревъ и преломясь на рѣкѣ, отбрасываются прямо на сады и прочія хозяйственныя заведенія. Миновавъ сады, рѣка загибается налѣво. Правый берегъ ея составляетъ взгорокъ съ лѣсомъ, начинавшимся почти отъ садовъ, который, каменистою, утесистою срединою, прибѣгаетъ къ протоку, отдѣлившемуся отъ рѣки и омывающему небольшой островъ, произращающій пеньку и капусту. Ниже сего, растущій на семъ взгоркѣ лѣсъ почти накрываетъ строенія, устроенной на соединившейся снова рѣкѣ, водяной мельницы и противъ всего того, на лѣвомъ берегу, луга; далѣе: съ лѣвой стороны съ лѣсомъ гора, а съ правой—луга. Вообще же, смотря отъ садовъ въ сію сторону по теченію рѣки, изогнувшейся въ различныхъ направленіяхъ въ лугахъ между рядами взгорковъ съ лѣсомъ, на довольное пространство между собою какъ будто раздвинутыми, представляется довольно пространная долина, чрезъ которую видны двѣ горы, по тамошнимъ преданіямъ замѣчательныя. Первая—по находимымъ на ней признакамъ древняго жилища, а другая—яко бы по обитанію на ней разбойника Кудояра. Сія послѣдняя гора покрыта, по всему крутому ея скату, лѣсомъ, отдѣлясь отъ первой небольшимъ оврагомъ, хребтомъ протягиваясь слишкомъ на версту, какъ будто на обзоръ представляется отъ садовъ въ ту сторону смотрящимъ. Прочія мѣсто рожденія моего окружающія части имѣнія, съ деревнями, лѣсами и лугами, составлявшими нѣкогда одно цѣлое, представляютъ пріятные виды, а всего замѣчательнѣе, что природа размѣстила по оному хорошую воду такъ, что на которомъ бы мѣстѣ сего имѣнія ни былъ, вездѣ можетъ найти воду не далѣе полуверсты. Рѣка изгибами своими приближается къ большей части мѣстъ, а прочія въ долинахъ имѣютъ родники съ хорошею водою.

Мѣсто сіе предку моему пожаловано; но за что и когда— покрыто неизвѣстностію. Изъ пожалованнаго вмѣстѣ съ симъ имѣніемъ ничего въ родѣ нашемъ не осталось, кромѣ иконы съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, на окладѣ коей вычеканено, славянскими литерами, что оная пожалована предку моему и имя его. Не знаю также и того, въ какомъ смыслѣ оная икона пожалована: такъ ли, какъ нынѣшніе ордена или какъ благословеніе? Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе потому, что изъ преданій извѣстно, что жалованный оною предокъ мой былъ изъ черкесъ, коего фамилія между князьями кавказскихъ горъ была извѣстна уже въ то время, когда братья мои служили на Кавказѣ, на Моздокской линіи, въ Ростовскомъ конно-карабинерномъ полку. Прочіе документы или истреблены пожарами, кои, какъ пересказываютъ, нерѣдко посѣщали жилища предковъ моихъ, или растасканы замужними ихъ дочерьми, предполагая оныя средствомъ имѣть вліяніе на права братьевъ, состоящихъ въ военной службѣ, отдалявшей ихъ отъ родителей и разстояніемъ, и временемъ. Таковыя дѣйствія огня и потомства въ женскомъ колѣнѣ произвели то, что когда повелѣвалось жалованною россійскому дворянству грамотою записываться въ родословныя книги, родъ нашъ принужденъ былъ, о выдачѣ прямыхъ къ составленію родословной доказательствъ, кланяться потомкамъ отъ дочерей предковъ моихъ, кои племени своему неправильно доставили въ храненіе сколь имъ ненужныя, столь нашему роду при томъ обстоятельствѣ необходимыя доказательства. Почему дядя мой, какъ тогдашняго времени маіоръ, считая низкимъ выпрашивать возврата, неправильно при удобныхъ случаяхъ заграбленныхъ, роду нашему принадлежностей, рѣшился, при ясныхъ и достаточныхъ современныхъ доказательствахъ, представить, хранившійся у отца моего предлинный, на подобіе холста, свертокъ на одной сторонѣ писанной бумаги, названной выписью, и потому внесенъ родъ нашъ въ шестую часть родословной книги.

На семъ-то мѣстѣ предки мои жили. Каждый изъ нихъ сперва служилъ въ военной службѣ (въ придворной никто не служилъ), а въ штатской хотя и служили, но уже по отставкѣ изъ военной, изъ которой не всѣ возвращались на мѣсто рожденія, а потому и оставались у нихъ наслѣдницами дочери,

коихъ они, выдавая въ замужство, придавали за ними: сперва деревнями, а потомъ дворами; почему и та деревня, гдѣ они сами жили, раздѣлялась на многихъ разнофамильныхъ владѣльцевъ мелкими частями, такъ что, впослѣдствіи, отцу моему досталась частица только съ пятнадцатью душами крестьянъ. Впрочемъ, они жили безъ недостатка; сіе, кажется, потому, что крестьяне, какъ оставшіеся во владѣніи рода нашего, такъ и выбывшіе въ разныя владѣнія, довольно зажиточны; такъ что, въ случившійся на моей памяти голодный годъ (кажется, тотъ самый, въ который взятъ Очаковъ), когда во всѣхъ окружныхъ селеніяхъ ѣли хлѣбъ съ прибавкою желудей, мякины и т. п., они ѣли чистый хлѣбъ и не уменьшали количества скота, каковаго у нѣкоторыхъ тогда было по десяти, двѣнадцати и восемнадцати одрѣхъ лошадей; изъ нашихъ крестьянъ, въ двухъ дворахъ состоящихъ, одинъ имѣлъ тогда пятнадцать лошадей, а другой—восемь. Безнедостаточное предковъ моихъ пребываніе подтверждаютъ старинные крестьянокъ наряды, каковыхъ при нужной жизни имѣть нельзя, а всего вѣрнѣе доказывалъ прежнее житье лучше настоящаго полуторастолѣтній дяди моего крестьянинъ Антипъ.

Какъ текла жизнь моихъ родителей до того времени, съ котораго началъ я помнить, мнѣ неизвѣстно; также и то, какъ они выдали старшую сестру мою въ замужество и старшихъ трехъ братьевъ моихъ отправили въ россійскій конно-карабинерный полкъ на службу, изъ коихъ первую я началъ знать уже съ дѣтьми ея, а изъ послѣднихъ одного, вышедшаго за ранами въ отставку; только на моей памяти жили они сообразно доходамъ маленькаго своего имѣнія и безъ долговъ. Отецъ мой обучалъ меня и дѣтей не дальнихъ нашихъ сосѣдей грамотѣ, частію занимался по имѣнію дяди моего, который покупкою возвратилъ отъ разнофамильцевъ нѣкоторыя части имѣнія нашихъ предковъ и оттого оно сдѣлалось въ нѣсколько разъ больше части отца моего, и по винокурнѣ его, а также и по вотчинѣ князя Бѣлосельскаго, который посему велъ съ нимъ переписку, но не такъ, какъ управитель, а потому и не пользовался отъ той вотчины, какъ управители или опекуны. Мать моя исполняла свои должности хозяйки и матери,—обучала сестеръ моихъ различнымъ рукодѣльямъ: шить, вышивать, различнымъ вязаньямъ

чулокъ, колпаковъ: изъ бѣли, бумаги и пряжи козьяго пуху; красить разное въ различные цвѣта и, сверхъ того, лечила различныя наружныя болѣзни, и нерѣдко удавалось ей вылѣчивать и болѣзни лихорадочныя, и тому подобныя. Рѣдкій день проходилъ, въ который бы не пришелъ къ ней кто нибудь съ чѣмъ либо порѣзаннымъ или порубленнымъ, обожженнымъ или обваренымъ, съ ногтоѣдою или другою какою раною или опухолью. Латинскій языкъ она не учила, а потому и съ аптекою у ней сношеній не было. Различныя травы и корешья, въ разныя времена лѣта заготовленныя, служили средствами вылѣчиванія, также лукъ, масла постныя и скоромное, льняное сѣмя, сѣпная труха, кожа растерзаннаго орломъ зайца, различные пластыри, которые она составляла весьма скоро, и въ одинъ изъ нихъ входило растеніе: болиголова. Изъ ископаемаго только одинъ синій купоросъ употреблялся въ застарѣлыхъ ранахъ, составленный съ различными, смотря по болѣзни, веществами, а иногда и одинъ толченый на присыпку или кускомъ, какъ, напримѣръ, помазать на языкѣ прыщики, которые отъ него, съ истеченіемъ слюны, совершенно пропадаютъ. Мази составлялись изъ коровьяго масла, а болѣе изъ стараго встчиннаго сала, которое болѣе всего употреблялось толченое съ полынью; для уничтоженія жара въ глазахъ употреблялся яичный бѣлокъ, который, кускомъ квасцовъ будучи растираемъ, получалъ видъ творога и, завернутый въ ветошку, прикладываемъ былъ къ глазамъ. Въ другихъ глазныхъ болѣзняхъ дѣлались примочки, а въ согнаніи бѣльмовъ употреблялся синій купоросъ, не знаю въ какой пропорціи воды разводимый.

Никому изъ больныхъ отказу не было въ посильныхъ пособіяхъ и изъ нихъ нѣкоторые на нѣсколько времени оставались у насъ и размѣщались, вмѣсто больницъ, въ амбарѣ и проч. Такое занятіе хотя и отнимало у нея время отъ занятій хозяйственныхъ, иногда со всею маленькою прислугою, изъ которой: кто, разводя огонь, варилъ пластырь или грѣлъ припарку; кто обмывалъ застарѣлыя раны, которыя сама уже примазывала или прикладывала, или присыпала; кто надиралъ ветошки и перевязывалъ вмѣсто корявыхъ на больныхъ перевязокъ. Но за всѣмъ тѣмъ, никогда не было ни предварительныхъ, ни послѣдственныхъ за труды сдѣлокъ, каковыя впослѣдствіи сдѣлались мнѣ

извѣстны подъ названіемъ визиты и какъ масштабъ разсчетливой дѣятельности. И это, можетъ быть, потому, что сіи сами къ больнымъ ѣздятъ, а къ ней больныхъ привозили или сами они приходили. Почему все возмездіе состояло въ двухъ видахъ: первое, „спасибо, матушка, В. Б.“, и второе, что лекарственные запасы у ней не переводились. Вылеченные собирали оные подобнымъ образомъ въ назначенныя времена и сносили къ ней, иногда съ прибавкою ягодъ, какія въ тѣ времена были въ зрѣлости.

Ученіе мое въ деревнѣ стало казаться по тогдашнему уже времени недостаточнымъ, а потому стали помышлять объ опредѣленіи меня въ учрежденное незадолго передъ тѣмъ въ губернскомъ городѣ народное училище, въ которомъ обучались уже двое изъ сыновей почтеннаго дяди моего, упомянутаго маіора. Сей незабвенный для меня благодѣтельный родственникъ взялъ меня къ себѣ въ домъ, изъ коего я по опредѣленіи ходилъ въ училище съ тѣми его сыновьями. Общественное учебное заведеніе и городская жизнь вывели меня нѣсколько изъ деревенской дикости, а надзоръ строгаго дяди удерживалъ отъ послѣдованія товарищамъ въ тѣхъ поступкахъ, которые только неопытному малолѣтству нравились. Но за всѣмъ тѣмъ и при всемъ моемъ стараніи не преступать приказанія дяди моего, въ одно время, идучи изъ училища и переходя по мосту чрезъ рѣку, на которой по гладкому льду—только снѣгомъ натрушенному, нѣкоторые ученики катались на конькахъ, дѣлая различные вензеля,—я, соблазнясь любопытствомъ, остановился на мосту и, долго смотря, горѣлъ желаніемъ: умѣть такое искусство, съ каковымъ товарищи мои немного больше и старше меня, какъ на крыльяхъ, летали, на желѣзныхъ крючкахъ. Въ такомъ расположеніи достаточно было одного слова втораго брата моего двоюроднаго, чтобы сойти на ледъ; а какъ онъ былъ во всемъ по возрасту его хватище, то, взявъ у кого-то коньки, началъ на нихъ прекрасно плавать — подавая примѣръ мнѣ за нимъ слѣдовать. Опасеніе употребить въ удовольствіе такое незнакомое орудіе, которое требуетъ постояннаго навыка, заставило меня рѣшительно отказаться, по упрекъ, что ученику народнаго училища трусость неприлична, достаточенъ былъ отстрапить весь страхъ, до того меня удерживавшій. Подвязали мнѣ коньки, разсказали правила ихъ употребленія,

но за всѣмъ тѣмъ я, сдѣлавъ небольшое движеніе, потерялъ балансъ и ударился затылкомъ объ ледъ. На другой день не могъ я идти въ училище, почему дядя мой, разсматривая—что болитъ, заключилъ, что я простудился. Столько былъ я обрадованъ такимъ заключеніемъ о моей болѣзни, что затылокъ мой какъ будто чувствовалъ облегченіе отъ ушиба,—хотя ненадолго, ибо усилившійся во мнѣ жаръ заставилъ пригласить въ пособіе лекаря. Тутъ возникло у меня помышленіе и надежда, что лекарь скоро сдѣлаетъ меня здоровымъ, не узнавъ, также какъ дядя, истинной причины моей болѣзни, но въ этомъ весьма ошибся. Онъ, ощупывая пульсъ и жаръ головы, доискался и опухоли на затылкѣ и хотя, разспрашивая: гдѣ, когда и какъ ушибся, увѣрялъ меня, что о семъ не скажетъ дядюшкѣ, однако же, сказалъ ему, хотя съ уговоромъ, чтобы онъ до выздоровленія моего подавалъ мнѣ вида, что онъ знаетъ мое преступленіе благихъ его наставленій. Дядюшка въ отношеніи ко мнѣ исполнилъ совѣтъ лекаря, но въ отношеніи ко всѣмъ намъ, еще до выздоровленія моего, сдѣлалъ нѣкоторую перемѣну и именно: прежде мы въ училище ходили одни, а съ сего времени приказано парикмахеру провожать насъ туда и обратно. Долго надзоръ сей такимъ образомъ продолжался, наконецъ, позволено намъ было паки ходить однимъ, а дабы увѣриться, что мы на пути ничего неприличнаго намъ не дѣлаемъ и нигдѣ напрасно не останавливаемся, тому же парикмамеру Степану приказано, чтобы онъ только глазами провожалъ насъ, а самъ намъ не показывался. Сіе послѣднее дѣйствіе произвело въ насъ то, что когда оное давно уже было отмѣнено, мы все думали, что Степанъ откуда нибудь смотритъ на насъ, а потому старались поступками нашими внушить ему для донесенія дядюшкѣ хорошія мнѣнія. Однако-же, дѣтство наше, привязанное къ дѣйствіямъ возрасту свойственнымъ, не научилось еще изъ сихъ предостерегательныхъ средствъ. Мы не умѣли еще различить какъ важность преступленій и какъ дѣлаются виновными за одно только зрѣніе или слухъ, почему и осмѣлились быть хотя издалека участниками такихъ соучениковъ нашихъ дѣйствій, какія намъ казались рѣдкостію. Двое изъ нихъ, какъ впослѣдствіи вышедшихъ въ хорошіе музыканты, замѣтя на двухъ колокольняхъ голоса колоколовъ, предположили, что на одной можно играть москов-

скаго голубца, а на другихъ камаринскаго — и даже съ нѣкоторыми варіаціями. Первый опредѣлилъ на то среду святой недѣли, а другой всепощную наканунѣ воскресенья, когда забудутъ о голубцѣ, на первыхъ играномъ. Въ назначенное время явился между прочими и я—за рядами, откуда слышны были всѣ колоколами выражаемыя поты всеселаго голубца. Произведенная тамъ тревога почтеннаго священника ни мало насъ не коснулась, но во второй экспедиціи, когда вмѣсто третьяго звона былъ камаринскій, соучастіе наше почти обнаружилось. Дядюшка, узнавши, что мы были въ той церкви во всепощной, и подозрѣвая участниками, наказалъ насъ тѣмъ, что, толкуя важность преступленія игроковъ на инструментѣ, опредѣленномъ на тотъ предметъ, на который Давидъ пророкъ употреблялъ свои гусли, довелъ до слезъ раскаянія и запечатлѣлъ въ памяти нашей всегдашнее благоговѣніе ко всему, къ богослуженію принадлежащему.

Замѣченный однажды въ какомъ либо дѣлѣ въ другой разъ подозрѣвается и въ томъ, въ которомъ онъ и соучастникомъ не былъ. Дядя мой, желая упрочить внушенное намъ, рѣшился сколько можно сократить время нашей праздности. Онъ опредѣлилъ времена старшему брату (который, однако-же, не участвовалъ ни въ катаньи на конькахъ, ни въ слушаніи колокольной музыки) учиться на скрипкѣ и всѣмъ намъ учиться танцевать. Въ искусствѣ, къ которому мы были довольно холодны, былъ весьма малый успѣхъ, потому болѣе, что мы не понимали, что выйдетъ изъ выворачиванія и вытягиванія въ разныя стороны ногъ, но за всѣмъ тѣмъ добились кое какъ до минуэта. Сей танецъ отнялъ у насъ послѣднюю охоту учиться, ибо мы, смотря другъ на друга, хотя и видѣли только смѣшныя движенія, но извиняли то неискусствомъ, но когда самъ танцмейстеръ съ лаверже-томъ въ пудрѣ и кошелькомъ на косѣ, въ кафтанѣ (нынѣшнемъ фракѣ) съ лифомъ вершковъ на шесть ниже пояса и съ полами не длиннѣе четырехъ вершковъ, когда онъ въ такомъ костюмѣ, заклонивъ назадъ голову и плечи въ видѣ саннаго полоза, дѣлалъ подобныя движенія, то мы не въ силахъ были удерживаться отъ смѣху и тѣмъ заставили его отказаться отъ преподаванія намъ наставленій, получа отъ него невыгодные аттестаты: не хотящихъ образовать свои способности.

При занятіяхъ науками хотя часто видался я съ моими роди-

телями, но это не уничтожало во мнѣ желанія пробыть съ ними нѣсколько времени на мѣстѣ моего рожденія. Для чего между прочими временами былъ опредѣленъ праздникъ Троицы. Къ сему празднику пріѣзжалъ я наканунѣ или цѣлымъ днемъ прежде и это время употреблялъ я на вырываніе маленькихъ дикихъ яблонокъ и березокъ, отправляясь за ними необыкновеннымъ образомъ. Роща, въ которой находились изрѣдка маленькія яблоньки, отдѣлялась отъ садовъ рѣкою сажень около сорока ширины и на срединѣ болѣе двухъ сажень глубиною. На ней была только одна лодка и та по большей части находилась при мельницѣ, отстоящей на версту отъ нашей переправы. Дабы не тратить время въ ходьбѣ за лодкой и пригонѣ оной къ мѣсту нашей переправы, молодой нашъ крестьянинъ, который всегда меня въ рощу провожалъ, забравъ мое и свое платье себѣ на голову и меня взявъ подъ мышки, безъ труда переплывалъ рѣку, не употребляя въ плаваніи ни одной руки. Такимъ же образомъ была и обратная переправа съ деревцами, которыя потомъ я разсаживалъ въ саду, обѣщая, когда выростутъ, съ яблоней плоды сестрамъ, а изъ березокъ, которыя прежде выростутъ, сдѣлать нянѣ моей донце.

Между тѣмъ наступилъ и праздникъ Троицы. Въ тотъ день, верстахъ въ трехъ отъ нашего жилища, при такъ называемомъ святомъ колодцѣ, собирался родъ маленькой ярмарки. Съ самаго утра начиналъ собираться туда народъ изъ селеній, даже верстъ за десять отъ того колодца отстоящихъ. Не видавши никогда прославленнаго, посѣщавшими, того сборища, я просилъ видѣть хотя одинъ разъ оное. Но какъ главный развалъ онаго происходилъ до полудня, то отецъ мой требовалъ, чтобы я былъ у обѣдни лучше, нежели тамъ, а послѣ оной говорилъ, что на томъ гульбищѣ видѣть нечего. Ибо посѣщающіе оное, принося съ собою вино и напившись, нерѣдко производили драки, что въ отстраненіе таковаго безпорядка и чтобы заставить собиравшійся тамъ народъ, вмѣсто ранняго пьянства въ столь великій праздникъ, молиться Богу, предположить то сборище уничтожить. Потому на слѣдующій годъ всѣ тѣ ленточники, колечники, сережники и прянишники вмѣсто колодезя явились верстахъ въ трехъ отъ онаго при церкви съ позволеніемъ продавать ихъ товары не прежде какъ по окончаніи обѣдни. Но какъ начальная при-

чина сборища при колодезѣ была та, что изъ онаго умывалися для исцѣленія или укрѣпленія глазъ, а изъ того уже впослѣдствіи непримѣтно сдѣлалось сборище родъ ярмарки, то оставя ищущимъ исцѣленіе ходить туда когда угодно, а ходившимъ туда веселиться всѣмъ позволено: послѣ обѣдни собираться для сельскихъ увеселеній въ нашей заказной рощѣ, на прекрасной среди оной полянкѣ величиною десятины въ полторы; поляпка та окружена съ трехъ сторонъ двадцатилѣтними дубами и березами съ кустарникомъ орѣшника, съ четвертой, чрезъ открытое полосою мѣсто видомъ горы Кудояра разбойника съ протекающею при ней по лугамъ рѣкою, отъ сей же поляпки недалеко начинается вѣнецъ горы, прилегающей къ рѣкѣ, жилище наше обогнувшей. Съ сего то мѣста чрезъ лѣсъ, по крутизнѣ той горы растущей, и черезъ рѣку представляется красивый видъ мѣстоположенія нашего жилища, обогнутаго рѣкою, въ которой какъ въ зеркалѣ видны всѣ прилегающіе къ ней предметы. Позволеніе сіе было со строгимъ запрещеніемъ приносить туда вино. Сюда то по принятіи мѣръ благочинія и насъ, т. е. меня, пріѣхавшаго на тотъ праздникъ съ моими двоюродными братьями, отпускали посмотрѣть: какъ дѣвицы завивали вѣнки, какъ разставлены хороводы каждой деревни особо, какъ изъ одного хоровода подходили къ другому послушать гудковъ, балалаекъ и дудокъ, особенно къ хороводу нашей деревни, которая тогда отъ прочихъ отличалась: опрятностію, искусствомъ употреблять наряды, мастерствомъ во всѣхъ сельскихъ увеселеніяхъ и самою веселостію; какъ отдѣльные хороводы юношества подъ рожки пѣли удалыя русскія пѣсни; какъ одаренные силою и искусствомъ употребляютъ то и другое въ борьбѣ въ одноручку или на перекосокъ съ уговоромъ, что если поборовшій допуститъ побороннаго коспуться земли не только головою, но хотя плечемъ, то поборовшему ставилось: или въ безсиліе или неискусство его; какъ они съ пренебреженіемъ отвергали предложенія бороться въ охапки или за пояски, называя такой манеръ медвѣжьею борьбою, не заключающею въ себѣ кромѣ силы никакого искусства, и напоминая, что въ таковой борьбѣ многіе сдѣлались на всю жизнь калѣками; какъ старики и пожилые люди утверждали и отвергали правила веселья или отличныя каждаго дѣйствія, поставляя въ примѣръ свои или другихъ, молодыхъ лѣтъ, товарищей

поступки, а старухи напоминали послѣ чего въ увеселеніяхъ ихъ чему должно слѣдовать.

Все то, въ трезвой веселости производимое, намъ, малолѣтнимъ, было занимательно, ибо добрые и преданные наши крестьяне, желая показать намъ все, что для нихъ было пріятнаго и любопытнаго, водили и на рукахъ носили насъ отъ одного зрѣлища къ другому, объясняя по своему, что другаго кажется имъ лучше. А всего болѣе понравилось намъ: расхожденіе гульбища, когда каждое селеніе, составя особый хороводъ, въ одно время двинувшись съ мѣста гульбища во всѣ стороны, выносили во всѣ голоса каждый хороводъ свою пѣсню. При томъ занимала насъ пріятная картина хоровода нашей деревни, когда оный, идя съ гульбища по отлогому косогору, который между большими и малыми круговинами лѣса, покрывался площадками и бугорками, покрытыми зеленью, между коими двигавшаяся группа попеременно то закрывалась, то показывалась, когда они, пройдя то мѣсто, растянувъ свой хороводъ по одиночкѣ или по двое въ рядъ, по узкимъ тропинкамъ проходили прилегающую къ глубокому мѣсту рѣки крутизну горы, удобной для построенія крѣпости; когда они, пройдя оную, непримѣтно составляли паки хороводъ и проходили по ровному лугу, прилегающему отъ рѣки ко взгорку, на которомъ дома ихъ, и когда отъ двигавшейся съ пѣснями по селу группы начали отдѣляться каждые противъ домовъ своихъ и тѣмъ испещряли зеленый взгорокъ, на которомъ дома ихъ.

У малолѣтнихъ хотя и остается надолго въ памяти что либо видѣнное, но занимаетъ ихъ только до того времени, когда кончится. Такъ и мы занимались картиною гулявшаго народа, пока оный скрылся въ дома и скоро пашли другія приличныя возрасту занятія; въ число таковыхъ одно доставилъ намъ Петръ, полякъ, вывезенный покойнымъ старшимъ дядею моимъ (у отца моего было два брата: первый ротмистръ, а второй упоминаемый маіоръ, оба кавалеристы; первый былъ мой крестный отецъ, но я его не помню, а второй мой благодѣтель). Полякъ тотъ, подошедъ прямо съ гульбища къ мельницѣ и пригнавъ оттуда лодку собственно ему, какъ рыбаку, принадлежавшую, катать на оной насъ по рѣкѣ, въ которой вода, будучи подпружена мельничною плотиною, какъ сама никуда не двигалась, такъ и вѣтромъ во

время заката солнца не колебалась и представляла въ себѣ, какъ говорятъ, точно въ зеркалѣ всѣ предметы, то мѣсто окружающіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что мы плавасмъ надъ облаками, которыя и свѣтившіяся между и сквозь нихъ звѣзды видны были также какъ и надъ нами. Хотя мы малы еще были, чтобы чувствовать красоту той многосложной и величественной картины, однако-же, не ѣвши послѣ обѣда, ни чаю не пивши, отказались отъ ужина для того, чтобы еще поплавать надъ облаками. Между тѣмъ снова услышали пѣсни, которыми, бывшій въ рощѣ, народъ началъ вечернее свое игрище. Они послѣ ужина, который въ то время года у нихъ бываетъ засвѣтло, на тотъ разъ собрались на возвышенной площадкѣ близъ того мѣста, гдѣ собираются они для игрищъ въ дождливое время, которое состоитъ между винокурнею и амбаромъ съ большимъ на одну сторону навѣсомъ, подъ которымъ не переводился заготовленный лѣсъ, для пилки на тесъ или доски, и который служилъ имъ сѣдалищемъ. И тутъ мы снова видѣли и слышали почти все то, что въ рощѣ, исключая народа другихъ селеній, вѣнковъ и нарядовъ, въ которыхъ они тамъ были, потому что это собраніе принадлежало къ ежедневнымъ ихъ собраніямъ и игрищамъ. Итакъ, веселый народъ сей насъ, для плаванія ужиномъ пожертвовавшимъ, занялъ до того, что мы непримѣтно пожертвовали и большею частію сна.

Не зналъ я причины тому, что народъ того небольшаго селенія тогда отличался отъ всѣхъ на большое пространство окружающихъ сосѣдей своихъ другихъ селеній своею веселостію. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ Россіи и сопредѣльныхъ государствъ, не случилось мнѣ видѣть, гдѣ бы подобные имъ поселяне такъ искусно и охотно выдѣляли между трудовъ и необходимаго покоя особые часы для увеселеній, не довольствуясь тѣмъ, что и въ трудахъ во всякое удобное время не пропустятъ они минуты употребить въ свое увеселеніе и что одни только немногіе часы, закрывъ глаза, силы ихъ подкрѣпляющія, предавъ ихъ неисповѣдимому состоянію души и тѣла, разлучаютъ ихъ со врожденною ихъ любимою склонностію, сопровождать все веселостію. Если взять началомъ года первое октября, время рабочее, въ которое у нихъ производятся затопки конопляныхъ стеблей для вымачиванія, чтобы взять съ нихъ пеньку, которая

тогда по добротѣ своей отправлялась чрезъ разныя мѣста въ Англію, и молотьба разнаго хлѣба, которую они всегда старались сократить къ зимѣ, когда необходимо расчищать на токахъ снѣгъ, иногда выше человѣческаго роста навѣяннаго; въ то время они, вставши за нѣсколько часовъ до свѣта, обмолачиваютъ каждый по овину, а семьянистые по два. Весь день мущины и женщины въ безпрерывной работѣ до самаго сумерка, но не смотря на то, окончa все и помолясь Богу на мѣстѣ окончанія трудовъ, они не преминутъ хотя на короткое время собраться на улицѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и нерѣдко и въ одномъ, и хотя не поютъ уже пѣсень, но за то тамъ у нихъ другія занятія: рѣзвости малолѣтнихъ, разсказы стариковъ, непримѣтный отчетъ въ дневныхъ трудахъ взрослыхъ и тому подобное, замѣняя всегдашнее ихъ для веселостей опредѣленное время замѣщаетъ промежутокъ прервавшаго единственно по краткости свободнаго времени всегдашняго ихъ игрища. Послѣ сего каждое семейство, собравшись въ избы и засвѣтя огонь, каки работаетъ: кои прядутъ, кои починиваютъ мѣшки или веретья, кто поправляетъ хомуты, приготовляясь по первому зимнему пути пуститься на нѣсколькихъ лошадяхъ въ извозъ, въ которомъ работаютъ до прекращенія саннаго пути, послѣ котораго они нанимаются въ работу на водоходныхъ судахъ, кто дѣлаетъ цѣпы, грабли или завостриваетъ вилы, иные плетутъ лапти, а всѣ вообще поютъ какую нибудь старинную или изъ современныхъ какую либо военную, или молодецкую пѣсню, и окончa ту, начинаютъ другую, кѣмъ либо изъ старшихъ семейства предложенную. Пѣсни у нихъ разсортированы на военныя, молодецкія, уличныя, хороводныя, свадебныя, разныя величальныя: для стариковъ и старушекъ, для заслуженныхъ, для женатыхъ и замужнихъ, для дѣвицъ, для холостыхъ и для вдовыхъ мужчинъ и женщинъ съ обозначеніемъ во всѣхъ каждаго величаемаго лица состоянія, даже и поповъ величать есть у нихъ особыя пѣсни, а также и относящіяся къ монахамъ и монахинямъ; особыя также на разные случаи: свиданій, разставаній, отправляющихся на войну, о разной участи, постигшей ихъ тамъ, — сіи особенно съ претрогательными голосами, о возвращающихся съ войны, радостныя, печальныя и даже плачевныя. И во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ голоса такъ искусно приноровлены къ воспѣваемымъ въ нихъ предметамъ и обстоятельствамъ оныхъ,

что не меньше самыхъ словъ дѣлаютъ выраженія. Имѣя въ памяти по множеству на всякій предметъ или случай однородныхъ пѣсенъ, они искусно выбираютъ такія, которыя почти совершенно объясняютъ свойства и обстоятельства воспѣваемаго предмета или лица, даже и образъ жизни онаго прошедшаго и настоящаго времени—особенно въ отсутствіи тѣхъ лицъ, ибо въ присутствіи они поютъ такія, въ которыхъ мсньше выражается образъ житія величаемаго, дабы не оскорбить онаго вмѣсто величанія ни полусловомъ, которое могло-бы напомянуть какой непріятный, хотя ему одному извѣстный поступокъ или случай, ни излишнею лестью. Сговорныхъ и свадебныхъ пѣсенъ у нихъ такъ много, что они, пѣвши безпрестанно при всѣхъ многоразличныхъ свадебныхъ обрядахъ приличныя каждому пѣсни, за безчестье себѣ считаютъ: спѣть на одной свадьбѣ два раза одну пѣсню. А какъ по тамошнему (а можетъ быть и по повсемѣстному) обычаю невѣсты какъ будто должны при нѣкоторыхъ обрядахъ плакать, то они въ предшествіи таковыхъ обрядовъ поютъ такія пѣсни, коихъ слова и голоса невольно приводятъ въ слезы не одну невѣсту, которая и безъ того оплакиваетъ разлуку съ родителями и будущую еще неизвѣстную свою участь; но даже всѣхъ посторонннхъ, тутъ находящихся, сколь-бы ни былъ кто одаренъ дубовыми чувствами, ибо и изъ самихъ пѣвицъ, при всей привычкѣ къ голосамъ и словамъ тѣхъ трогательныхъ пѣсень, многія продолжаютъ пѣніе, какъ говорится, сквозь слезы. Такъ они проводятъ вечера за работою, какъ будто затверживая множество пѣсенъ, отъ старыхъ къ молодымъ передаваемыхъ, часу до девятаго, которое время, равно какъ и всѣ прочія времена почи, знаютъ они по звѣздамъ, а въ пасмурное время, не знаю уже почему, знаютъ, и такъ вѣрно, что иногда посрамляютъ не весьма исправныя хронологическія машины. Для сна они употребляютъ не болѣе четырехъ часовъ: во время молотьбы до перваго, а когда оной нѣтъ—отъ перваго до четырехъ, въ первомъ случаѣ они въ пѣтухи встаютъ молотить, а во второмъ продолжаютъ вечернюю работу до пѣтуховъ. Въ воскресенье или другой какой праздникъ они послѣобѣднее и вечерняго сидѣнья времени почти всѣ проводятъ на улицѣ: поютъ, играютъ, не смотря ни на стужу, ни па метель и даже самую вьюгу, которыя иногда пронимаютъ до того, что они, припрыгивая въ голосъ и тактъ

продолжаемой пѣсни, поютъ: что у нихъ озябло, но все до времени не оставляя мѣста своего веселья. За всѣмъ тѣмъ не просыпаютъ долѣе четырехъ часовъ, но встаютъ и при огнѣ работаютъ, также какъ съ вечера; только уже въ эти послѣполуночныя времена, равно и наканунѣ какого либо праздника, пѣсни не поютъ, а слушаютъ посильные разсказы одного кого изъ семьянъ, слышавшаго отъ попа или кого другаго: правила христіанской вѣры, житіе Іосифа прекраснаго или другаго изъ описанныхъ въ Четьминеѣ, изъ которой достигшіе зрѣлыхъ лѣтъ довольно многія статьи хотя вкоротцѣ помнятъ, также какъ и пѣсни, не смотря на то, что они слушаютъ изъ тѣхъ книгъ одно только въ году небольшое время, когда говѣютъ. Послѣ тѣхъ разсказывающіе непримѣтно вводятъ или разсказъ о комъ либо благочестиво и трудолюбиво проводившемъ или еще провождавшемъ жизнь человѣкѣ, о которомъ онъ слышалъ или самъ знаетъ и въ которой примѣры достойны подражанія слушающихъ, а изъ того выводятъ посильную похвалу трезвой и дѣвственной жизни и охужденіе противоположной козней, коихъ разнообразіе и ужасъ разсказывающій сообщалъ къ свѣдѣнію семьянъ своихъ, дабы при несчастной встрѣчѣ оныхъ охранялись нужными предосторожностями. Вотъ только времена, въ которыя умолкаютъ пѣсни, въ прочія же времена, иногда неся тяжелѣе себя бремя, хотя не звучно и не регулярно, но все что нибудь напѣваютъ.

Такимъ образомъ, доживъ до зимней дороги, они отправляли въ извозы лишнихъ по тогдашнему времени людей и лошадей, оставляя тѣхъ и другихъ столько, сколько необходимо нужно для домашняго вмѣстѣ съ женщинами обихода и отправленія работъ общественныхъ и тѣхъ, кои производятся по распоряженію земской полиціи, въ которыхъ они не мало времени не замедляли, не смотря на то, что они тогда уже были многихъ разныхъ владѣльцевъ, всякое общественное дѣло исполняли съ лучшею скоростію и точностію, нежели другіе одного владѣльца. Въ каждомъ владѣніи, хотя бы оное состояло только изъ одного семейства, были старосты, которые, сошедшись на улицѣ въ то время, когда прочіе веселятся, соглашались исполнять которымъ либо изъ нихъ предложенное: расчищать проруби, или исправить свои сельскія дороги, назначали время, въ которое, какъ машиною, назначенные на ту работу всѣ въ одно время выдвигались изъ

домовъ и, пришедъ на мѣсто работы, скидаютъ, сколь бы холодно ни было, всю одежду и работаютъ въ однѣхъ рубашкахъ, припѣваючи приличную трудамъ своимъ пѣсенку, въ числѣ коихъ въ одной молодецкаго напѣва есть слова: работай, ребятушки, не робѣйте, своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте. Хотя эта пѣсня есть изображеніе пѣкотораго водянаго военнаго и храбраго движенія, однако-же, они поютъ ее иногда между прочими въ своихъ работахъ. Если въ общей работѣ замѣтятъ кого недружно работающаго, то шутя разуваютъ его и заставляютъ работать на снѣгу босикомъ, а въ другія времена иными подобными сему, повидимому, шуточными способами лѣнивыхъ наказываютъ, какъ-то: насыпаютъ имъ вмѣсто прохладительнаго пыли или земли въ исподнее платье и тому подобныя употребляютъ средства, дабы и другіе въ работѣ, какъ они говорятъ, не выдавали. Возвратъ съ работы никогда не бываетъ безъ пѣсенъ, исключая тѣхъ, кои бываютъ поздно накапунѣ праздниковъ.

Такимъ же образомъ доживали они до святокъ, во время которыхъ у нихъ производятся: всѣ тѣ святочныя игры, какія въ старину бывали у большихъ и малыхъ бояръ. Каждый вечеръ собирались въ просторнѣйшую изъ всѣхъ избу, а иногда заблаговременно испрашивали у кого-либо изъ непроживающихъ въ селеніи помѣщиковъ позволенія производить святочныя игры въ порожнемъ ихъ домѣ, и начинали игры всегда гадательнымъ дѣйствіемъ. Они, склавши серьги, перстни и кольца въ большое блюдо, налитое водою, и поруча одной вынимать оттуда оныс по одной вещи, поютъ аллегорическія, хотя всѣ на одинъ напѣвъ, но разныя коротенькія пѣсни на каждую выемку особую, припѣвая за каждою: кому вынется, тому сбудется, тому сбудется, не минуется. Потомъ предложеніе и отгадываніе загадокъ, коихъ они знали очень много и между коими есть такія, кои въ простотѣ своей заключаютъ замысловатость и означаютъ не меньше другихъ басенъ. Живутъ у нихъ употребляется многоразличными манерами, а всего забавнѣе игра въ короли, которая у нихъ замѣняетъ всѣ различныя манеры игры въ фанты. Въ этой игрѣ нерѣдко бываетъ смѣсь: игры со слезами, когда юная дѣвица, передъ королемъ назвавшись его слугою съ обѣщаніемъ: что ни заставишь, то буду дѣлать, и получивши

приказаніе поцѣловать кого-либо изъ молодыхъ мужчинъ, отъ стыдливости затрудняяся исполнить назначенное ей дѣло, усердно просить перемѣнить, не смотря на то, что такая перемѣна иногда ставитъ ее еще въ большее затрудненіе и она со слезами приступаетъ къ исполненію; напротивъ того, бываетъ пріятная картина, когда удается ей склонить жалость на состояніе чувствъ своихъ и выпросить позволеніе исполнить назначенное ей дѣло, т. е. поцѣловать вмѣсто мужчины которую-либо изъ ея пріятельницъ, какъ она съ необтертыми слезами какъ стрѣла бросается, въ радости обхватываетъ и, сильно прижавъ, поспѣшаетъ вмѣсто назначеннаго одного поцѣловать нѣсколько разъ, какъ призываютъ ее къ отчету въ излишнихъ противъ назначенія поцѣлуяхъ, кои она въ пылу радости безъ счета отпустила, какъ она, оправдываясь, иногда приближается паки къ слезамъ, съ какими испрашивала себѣ желаннаго.

Во время масляной всѣ на горѣ, которая противъ нашего дома отъ природы такъ устроена, что устроемыя въ городахъ съ большими издержками искусственныя горы не имѣютъ такихъ удобностей, какія эта. На тѣхъ катаются по однимъ санкамъ, а на сей поставляютъ десятокъ или болѣе въ рядъ и, пустившись съ мѣста всѣ вдругъ, катятся около ста или болѣе сажень, и тѣ, у коихъ катчѣе санки и кои лучше ими правятъ, выпереживаютъ другъ друга — какъ въ скачкахъ верхомъ или на бѣгунахъ. Никто не сходитъ съ горы кромѣ тѣхъ, коимъ старшіе семьяне приказываютъ что-нибудь сдѣлать въ домѣ, но и тѣ, бѣгомъ съ горы и сдѣлавъ приказанное, обратно прибѣгаютъ и паки вступаютъ въ общее упражненіе. Въ это время можно слышать вдругъ многія пѣсни потому, что катающіеся, раздѣлясь на нѣсколько катовъ по столько санокъ, сколько можетъ помѣститься по ширинѣ расчищеннаго и политаго для катанья мѣста и въ одинъ разъ рядомъ скатиться, каждый таковой отрядъ запѣваетъ особую пѣсню. И какъ катящіеся отрядъ за отрядомъ съ горы поютъ и возвращающіеся тѣмъ же порядкомъ на гору также поютъ, то все пространство катальнаго мѣста усѣяно въ два ряда движущимися группами, поющими каждая свою пѣсню, стараясь не запѣть ту, которую уже поютъ или пѣла въ этотъ вечеръ которая-либо изъ катающихся партій. Сіе строго наблюдаютъ стоящія на горѣ у начала катальнаго мѣста старухи, а

старики смотрятъ затѣмъ, чтобы партія не смѣла катиться впереди той, позади которой она катилась. Наблюдая такимъ образомъ порядокъ, на основаніи ведущагося у нихъ издревле правила, нарушившихъ опое штрафуютъ, указывая на другую гору, чтобы онъ туда шелъ кататься, если хочетъ лишній противъ другихъ разъ скатиться. А болѣе наказываются они тѣмъ, что дѣвки и молодыя женщины, узнавъ о сдѣланномъ стариками ему выговорѣ, ни одна не садится на его санки и тѣ, кои предъ тѣмъ съ нимъ катались, искусно отказываются, выставляя какую-нибудь причину, заставляющую ее прекратить катанье, и, постоявъ нѣсколько, катаются съ другими. Подобные сему штрафы падаютъ на всѣхъ нарушителей порядка, въ какомъ бы то случаѣ ни было, кто, не въ ладъ запѣвъ, помѣшаетъ поющимъ, кто третій къ двумъ вмѣшался плясать, кто не умѣючи играть пристаетъ съ балалайкою или гудкомъ къ играющимъ, помѣшаетъ имъ особенно, когда уже пляшутъ. Невѣжливость противъ стариковъ и вообще противъ женскаго пола наказывается у нихъ запрещеніемъ невѣжѣ приближаться къ хороводамъ. Но обидныя на чей либо счетъ слова уже превышаютъ сію мѣру штрафовъ и подходятъ подъ разбирательство—родъ полицейскаго.

Съ перваго понедѣльника Великаго поста на всѣхъ мѣстахъ игрища и пѣсни на весь постъ умолкаютъ. Очень рѣдко случается, что какой нибудь мальчишка, работая гдѣ нибудь наединѣ, какъ котъ мурлычитъ сквозь зубы про себя какую нибудь пѣсенку и то оглядываясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ его преступленія. При такомъ строгомъ соблюденіи приличествующихъ посту правилъ не было у нихъ лицемѣрства, подобнаго раскольничьему, кои въ посты или праздники вмѣсто народныхъ пѣсенъ поютъ что нибудь на голоса церковные, какъ одинъ изъ раскольниковъ пѣлъ на.... гласъ: Волною морскою, поѣдемъ-ка, Анастасія, тройкою ямскою, ау, ау, яко прославимся. Дѣвки же сей деревни отъ маслянскаго заговѣнья до Ѳоминой недѣли считаютъ за грѣхъ смѣхомъ обнаружить зубы и всѣ безъ изъятія говѣютъ на первой недѣлѣ, а въ субботу оной причащаются, во всѣхъ своихъ лучшихъ нарядахъ,— расчесавъ назадъ по спинѣ волосы, которые, бывъ предъ тѣмъ въ косѣ заплетены и отъ того сдѣлавшись въ расческѣ волнистыми, будучи на головѣ перевязаны золотою повязкою или лен-

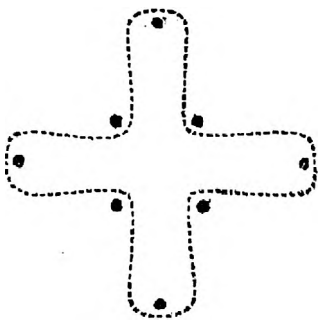
тою, составляли лучшее всѣхъ нарядовъ украшеніе дѣвицъ, съ благоговѣніемъ къ Страшной Тайнѣ приступающихъ. Такое смиренное провожденіе поста не производитъ въ нихъ жалѣнья о всесловстяхъ прошедшихъ, ни сильнаго желанія скорѣй дождать будущихъ, потому что онѣ въ безпрестанной работѣ: прядутъ, ткутъ, сучатъ нитки, бѣлятъ ихъ, мнутъ лепъ и пеньку и т. п., выпиваютъ къ Святой какую нибудь обнову. Но тягостное для женскаго пола: Святой недѣли часть до принесенія образовъ, кои иногда приносятъ къ нимъ въ пятницу или уже въ субботу, потому тягостное, что имъ въ это время и пока у всѣхъ отмолебствуютъ и унесутъ образа изъ деревни, ни работать, ни пѣть не позволяется, тогда какъ онѣ видятъ, какъ будто поддразнивающихъ ихъ, мужчинъ, съ самаго перваго дня катающихъ красными яйцами или въ другихъ какихъ безпѣсенныхъ играхъ, рѣзвое бѣганье или проворные повороты, или прыганье заключающихъ. Въ это время у нихъ всѣ уличныя забавы замѣняетъ одно только то, что онѣ, приступя къ старикамъ, просятъ изъ нихъ тѣхъ, кои болѣе и далѣе шатались по пространству земли, лучше помнятъ и хорошо разсказываютъ то все, что видѣли или слышали или съ самими или съ извѣстными имъ случалось, просятъ разсказать что нибудь. Въ этомъ случаѣ и мужской полъ, брося свои мадышки, палки, шипы, мячи и прочія игръ ихъ орудія—все предоставя однимъ маленькимъ ребятишкамъ, присоединяются къ старикамъ и женскому полу и всѣ со вниманіемъ слушаютъ повѣсти одного за другимъ. Съ особеннымъ вниманіемъ слушивали они повѣсти Антипа, когда онъ разсказывалъ имъ что либо изъ полуторастолѣтней своей жизни: какъ онъ на двадцать пятомъ году бѣжалъ изъ дому, когда хотѣли его женить на дѣвицѣ, ему не нравившейся; какъ и гдѣ захватили его разбойники въ свою шайку, какъ они его принудили выпить вина, котораго онъ до того не пилъ, и увидя, что оно ему вредно, послѣ уже не принуждали его къ тому и онъ во всѣ сто пятьдесятъ лѣтъ одинъ тотъ разъ выпилъ вина и то по принужденію, а по своей волѣ пилъ только воду и квасъ; когда и какъ разбойники затащили его съ собою грабить одну богатую нашу родственницу и онъ, видя жизнь ея въ опасности, вызвался отнести се бросить, задавивши въ рѣку, но вмѣсто того отнесъ ее въ другую ея же деревушку и, сдѣлавъ тамъ тревогу,

самъ бѣжалъ отъ разбойниковъ въ Москву; что онъ тамъ до шестидесяти лѣтъ дѣлалъ и проч. Много кое что разсказывалъ о волненіяхъ стрѣльцовъ, при чемъ не пропускалъ промолвить слушателямъ: царя надо слушать, онъ земной Богъ, вотъ стрѣльцы взбѣсились было, за то сами себя половину перерѣзали, добро бы на войнѣ такъ рѣзали враговъ, а то свою братію—это Богъ на нихъ прогнѣвался за Царя и они взбѣсились, вонъ какъ у насъ бѣсятся собаки, такъ собаку-то мы повернемся да убьемъ, а тѣ были своя братія и бить-то ихъ жаль, а словъ-то не слушали и то забыли они въ бѣшенствѣ, то, что безъ царя опять бы пришли мучить насъ: басурманы татары или Литва поганая. Въ продленіи разсказывалъ, какъ онъ попался въ Москвѣ къ какому-то князю, который хотѣлъ его сдѣлать по большому росту и силѣ скороходомъ и увидя, что тяжелъ, сдѣлалъ гайдукомъ, какимъ образомъ онъ изъ гайдуковъ скрылся и, возвратясь въ домъ шестидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, женился на дѣвицѣ, которую прадѣдъ мой за спасеніе родственницы предложилъ ему выбрать по его желанію въ своей или въ чужой деревнѣ, какъ онъ, уже женатый, снова попался въ Москву во время моровой язвы и употребленъ былъ таскать крюкомъ умершвленныхъ оною, у коихъ видѣлъ жемчугъ и прочія драгоцѣнности, но не смѣлъ брать, чтобы не пристала язва и чтобы не привязались надсмотрщики, которые все то собирали и клали въ уксусъ, а потому онъ кромѣ намоченной уксусомъ деревянной ручки желѣзнаго своего крюка, которымъ онъ таскалъ умершихъ, ничего въ руки взять не осмѣливался. Сей старикъ, иногда будучи призванъ, и намъ разсказывалъ подробности всего въ тѣ времена въ Москвѣ происходившаго, но какъ мы тогда почитали нужнымъ только знать одно книжное, то его повѣсти слушали безъ всякаго вниманія, а потому изъ нихъ почти ничего въ памяти моей не осталось.

Выпроводивши образа за околицу, отправляютъ общій или по ихъ околичный молебенъ и послѣ онаго молятся вслѣдъ понесеннымъ отъ нихъ образамъ, но только скроются оные за лѣсомъ, почти при самой той околицѣ находящемся, они немедленно приступаютъ къ началу игръ ихъ, которыя и открываютъ большимъ танкомъ, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ молились. Набравъ изъ ребятишекъ восемь, разсаживаютъ ихъ на землѣ такъ,

чтобы, обведши около нихъ цѣпь, взявшись рука за руку мужчинъ, женщинъ и пр., выходила фигура круглоконечнаго креста; потомъ, составя такую цѣпь, начинаютъ особую для сего изъ танковыхъ пѣсню и искуснѣйшая, будучи на правомъ крылѣ, ведя за собою всю цѣпь, обводитъ оную по предположенію и сомкнувъ оную съ находящимися на другомъ концѣ цѣпи, съ пѣснею ходятъ одинъ за другимъ по обведенной чертѣ въ ту сторону, въ которую при обводкѣ двинулись, или по данному знаку въ другую.

Фигура танка того

Танокъ сей представляетъ скромную и изъ всѣхъ ихъ игръ красивѣйшую картину - особенно, если смотрѣть съ какой-нибудь возвышенности, съ которой все изгибистое онаго движеніе въ разноцвѣтныхъ парядахъ мужчинъ и женщинъ вдругъ видѣть можно; при томъ общественный въ немъ всякій участвовать можетъ, даже дряхлый, слѣпой, не сдѣлавъ помѣхи общему, потому что предыдущій и послѣдующій, держа за руки, не допустятъ до того, равно и безголосый и нѣмой, потому что молча могутъ ходить между поющими: кромѣ всего того и самой фигурой танокъ сей заключаетъ что-то аллегорическое. Кажется, что сочинитель пѣсни и фигуры онаго имѣлъ цѣлью то, чтобы ежегодно при началѣ весны напомянуть каждому: чему въ теченіи оной или даже всей жизни слѣдовать и что обходить также, какъ и въ танкѣ обходятъ ребятишекъ, ибо въ пѣснѣ всѣ мѣста, на которыхъ посажены ребятишки, даны названья: которыя мѣстами непроходимыми, которыя плодоносными, а иныя удовольственными: вотъ цвѣты алые, тутъ же и лазоревы, вотъ поле 2 ... цвѣ-

тетъ колосистое, вотъ луга 2 съ муравой зеленою, вотъ гора 2 крутая, высокая, вотъ и дубравушка, густа, непроходная, озеро 2, озеро широкое, болото 2 топкое, травливое, вотъ и дороженка бойпа, путь широкая и тому подобныя слова, означающія предметы, кои человѣкъ долженъ обсрегать или самъ ихъ остерегаться. Послѣ сего они возвращаются въ деревню и, остановясь на сборномъ своемъ мѣстѣ, начинаютъ нѣкоторыя изъ всегдашнихъ ихъ весеннихъ игръ, а если время позволитъ—и всѣ.

Съ Ѳоминой недѣли начинаются у нихъ и работы, и игрища. Каждый день, начавши до восхожденія солнца, мужчины пашутъ, боронятъ, дѣлаютъ телѣги, колеса, городятъ, строятъ мосты, поправляютъ дороги и т. п., а женщины снуютъ и ткутъ, чего не успѣли сдѣлать до Святой, шьютъ бѣлье, бѣлятъ холсты, дѣвки же, сверхъ того: строчатъ, вышиваютъ крашеною бумагою, шелкомъ и золотомъ полотенца, платки, рукава, воротники и подолы мужскихъ и женскихъ рубашекъ и прочихъ нарядовъ, чѣмъ что приличпо. Изъ разноцвѣтнаго бисера разной крупнины и фигуры снизываютъ для ношенія на шеѣ, шириною въ вершокъ или уже цѣпочки, на коихъ послѣ видны двоякіе узоры: прозрачностію и разноцвѣтностію представляемыя рѣшеточки, рѣпейки, треугольники, четыреугольники и многоугольники малые и большіе, и въ нихъ другія какія что-либо представляющія фигурки. Пѣсни не разлучны съ ними ни въ какой работѣ,—вышивающей или нижущей, если надобно скусить нитку или шелковинку для вкладыванія въ иглу или бисерину (бисеръ они пизали не на иглу, по прямо па нитку, скусивъ и засучивъ конецъ опой на подобіе иглы), то хоть сквозь зубы пропоетъ слѣдующее. Изъ стригунка такимъ же образомъ спизываютъ себѣ бѣлые, такъ называемые, поднизи, которые подвѣшиваютъ подъ налобной золотой съ разноцвѣтными камнями нарядъ. Продолжая, такимъ образомъ, въ весслье работу до заката солнца, тогда они на мѣстахъ трудовъ помолясь Богу, оставляютъ оные; но послѣ ужина собравшись въ игрищахъ, веселятся иногда до полуночи, или какъ они означаютъ время: до пѣтуховъ, но не такъ шумно и весело, какъ бываетъ у нихъ по возвращеніи въ дома, работавшихъ на водоходныхъ судахъ холостой и женатой молодежи; съ прибытія ихъ бываетъ въ праздничные дни у нихъ столько различныхъ игръ, что отъ обѣда

до ужина переиграютъ оныхъ только малую часть, и посторонній, если имѣетъ время пожить и пересмотрѣть всѣ, едва ли можетъ все видѣнное вспомнить. Игры подъ разными названіями лапты, а еще больше названій и маперовъ играніямъ: шаромъ, клѣтками по подобіе игры кегельной, только въ сей вмѣсто шаровъ дѣйствуютъ палками и не на помостѣ, а просто на землѣ; различныхъ маперовъ и названій игры, сопряженныя съ прыжками, проворными оборотами и бѣганьемъ. Все сіе доставляетъ вообще имъ, кромѣ удовольствія, проворство, ловкость, свѣжесть и веселый видъ, а мужчинамъ какъ будто и придаетъ силы, съ каковою изъ нихъ: кто поднимаетъ пудовъ двѣнадцать одною рукою, кто ушатъ съ четырьмя или пятью ведрами воды, взявъ за перевясло зубами, ни мало руками не касаясь, взноситъ и ставитъ на печь, кто, легши лицомъ къ землѣ и поставя себѣ на шею большой ухватъ, поднимаетъ повисшихъ на ручкѣ опаго двухъ мужчинъ и становится подъ сею тяжестью, какъ можно идти съ нею, кто сороковую бочку, наполненную жидкостью, одинъ становитъ на которое нибудь дно и тому подобныя дѣйствія, превышающія обыкновенныя силы человѣческія. Да и вообще всякій можетъ носить на себѣ такую тяжесть, которая гораздо тяжелѣе самого его. Кромѣ всѣхъ тѣхъ общихъ и особенныхъ игръ, ведется обычай: въ опредѣленные ими весеннихъ праздниковъ дни ходить въ рощу, когда вѣнки завивать, когда развивать, когда кукушекъ крестить. Первыя два обыкновенія во многихъ или почти во всѣхъ мѣстахъ ведутся, но о послѣднемъ нигдѣ мнѣ не случалось и слышать, да и тамъ, какъ этотъ странный обрядъ производится, я порядочнаго объясненія не слыхалъ, ибо при разспросѣ нянька сказала мнѣ только, что что онѣ, раздѣлясь по двѣ дѣвицы, находятъ, съискиваютъ каждая пара себѣ травку, называемую ими кукушкою, и надъ ними кумятся, послѣ чего уже не называютъ покумившуюся по имени, не сказавъ прежде кума: кума Матрена, кума Феня и т. п. При томъ дѣйствіи не бываетъ съ ними ни самыхъ маленькихъ мужеска пола, осмѣлившійся же кто изъ взрослыхъ полюбопытствовать, посмотрѣть на нихъ въ томъ дѣйствіи, разрушаетъ все, хотя бы это случилось при самомъ началѣ, онѣ бросаютъ все и столько бываютъ огорчены, что, возвращаясь изъ рощи, и пѣсенъ не поютъ — напротивъ того, какъ онѣ по совершеніи

того безъ помѣхи возвращаются оттуда со всѣмъ возможнымъ весельемъ.

Такимъ порядкомъ въ веселостяхъ провождается у нихъ всякій не рабочій, послѣ обѣда, день, а въ рабочій вечеръ до Петрова дня, къ которому они ставятъ размашистыя качели, забаву самую старинную. Вкапываютъ аршина по два въ землю шесть толстыхъ слегъ, иногда болѣе пяти саженъ вышиною, вершины ихъ связываютъ по три вмѣстѣ, кладутъ на обѣ связки перекладъ, на который надѣваютъ два новыхъ обода, кои они имѣютъ для набивки на колеса, разпетливаютъ тѣ обода веревками, чтобы оные на перекладѣ не сдвигались и не раздвигались, привязываютъ къ симъ ободьямъ оба конца одного каната, кладутъ на оный доску вершка въ четыре или пять ширины, а длины такой, на которой можетъ сѣсть одинъ взрослый человѣкъ; по семъ уже качели готовы въ такомъ свойствѣ, въ какомъ вездѣ дѣлаютъ для маленькихъ, только въ нѣсколько разъ въ большемъ размѣрѣ. Сѣвшаго на положенную, на висящемъ отъ ободьевъ внизъ дугою канатѣ, дощечку, качаютъ въ двѣ веревки четыре человѣка, а чтобы выше залеталъ качающійся, то въ три веревки шесть человѣкъ. Сія ихъ забава постороннаго приводитъ въ ужасъ. Какъ человѣкъ, ничѣмъ ни къ канату, ни къ доскѣ не привязанный, держась только руками за канатъ, можетъ усидѣть, когда его, прилетѣвшаго съ высоты къ качальнымъ веревкамъ, кинутъ его оными изо всей, шести человѣкъ, силы обратно на высоту, столь быстро, что полетъ его сильный производитъ гулъ, подобный чему-то въ воздухѣ стонающему, а у женщинъ, если онѣ, садясь на качели, не прикрѣпятъ висящихъ концовъ лентъ своихъ, то оныя всѣ на нѣсколькихъ полетахъ перервутся. Сколько забава сія заключаетъ въ себѣ молодецкой отважности, столько для постороннаго ужаса, особенно тогда, когда качающійся, взлетѣвъ вверхъ сажени на четыре выше качающихъ, кажется висящимъ надъ рѣкою, саженъ пятнадцать ниже качели протекающею, ибо качели сіи иногда ставятъ на выдавшемся изъ горы параллельно рѣки протянувшемся бугрѣ, который, имѣя на верху ровную площадку величиною, только собиравшійся подъ качели народъ вмѣщающую, упирается въ рѣку утесомъ, близь котораго стоятъ качели и качающійся на длинномъ канатѣ, пролетѣвъ черту утеса, кажется надъ рѣкою вверхъ летящимъ при обратѣ полета, какъ

будто силящимся канатомъ своимъ свалить качели, и утащивъ ихъ съ собою, слетѣть на глубину рѣки. Но для удалыхъ сей ужасъ ничего не значитъ. Изъ нихъ нѣкоторые молодцы: сѣвши на качели и перевязавши передъ собою у пояса съ одной стороны каната на другой кушакомъ, на самыхъ быстрѣйшихъ полетахъ дѣлаютъ по нѣскольку перепрокидокъ какъ колесо на оси, въ коихъ ноги, гоняясь за головою, точно представляютъ большое сходство съ оборачивающимся на оси колесомъ. Жаль, что я не умѣю объяснить здѣсь той картины, которую и теперь какъ будто вижу со всѣми тѣми чувствованіями, какія имѣлъ, глядя на отважность удалыхъ и трезвыхъ весельчаковъ.

На третій или четвертый день Петрова дня, начинаются у нихъ сѣнокосныя работы и симъ всѣ ежедневныя ихъ уличныя игрища прекращались, а бывали только по праздникамъ. Эти трудныя и для глазъ пріятныя работы, съ веселъемъ какъ и прочія производимыя, выманивали иногда и насъ изъ города. Съ полуночи иногда начинаютъ мужики косить и до обѣда у нихъ не слышно ничего кромѣ шума косъ, который оныя подрѣзывая траву, подобно весламъ на шлюпкѣ, производятъ и звуки, когда косы точатъ; но послѣ обѣда у нихъ уже слышны особыя сѣнокосныя пѣсни, въ тактъ косныхъ рѣзовъ подпѣваемыя. До обѣда въ тѣ дни, когда сѣно поспѣетъ ворочать, женщины и дѣвицы приходятъ на сѣнокосъ во всегдашней одеждѣ и ворочаютъ оное безъ пѣсенъ, но на обратномъ пути не забудутъ построить голоса къ послѣобѣднему времени, пѣсенками двумя или сколько успѣютъ пропѣть до прихода въ дома. Послѣ обѣда женскій полъ выходитъ сгребать сѣно въ среднемъ нарядѣ и именно въ такомъ, въ какомъ они по воскресеньямъ и небольшимъ праздникамъ ходятъ въ церковь. Въ то время съ прекрасной картины людьми и сѣномъ изпещреннаго луга слышны сѣнокосныя пѣсни, подъ которыя они почти всѣ въ тактъ граблями подкидывая сѣно въ валы, которые, подвигая въ предположенную сторону, колеблятъ подобно валамъ на большихъ водяныхъ пространствахъ и почти съ подобною же онымъ быстротою катятъ тѣ валы, пока нагребаютъ въ нихъ сѣна достаточно для составленія копенъ—и тогда, мгновенно въ нѣсколькихъ мѣстахъ прервавъ валъ, составляютъ оныя. Свозка и кладка сѣна въ ометы, равно и путь съ сѣнокоса въ дома, не остается безъ пѣсенъ — труды и досужливость прославляемыхъ

(досужимъ и досужею называютъ они дѣятельныхъ, успѣшныхъ и искусныхъ; когда кто больше другихъ сдѣлаетъ или лучше что либо, то говорятъ: экій досужій парень или эка досужая дѣвка или баба).

Послѣ сѣнокоса начинается такая же трудная и продолжительная полевая работа, въ которой по ихъ дѣятельности въ трудахъ одна, кажется, веселость сохраняетъ отъ изнуренія. Начавъ вскорѣ послѣ полуночи, какъ только чуть свѣтъ пояснитъ предметы, работѣ предлежащіе, продолжаютъ оную до жестокаго иногда жара полуденнаго, когда наступаетъ время подкрѣпленія изнуренности пищею и отдохновеніемъ; но они и въ сіе между предъ обѣдними и послѣ обѣдними работами короткое время успѣютъ сходить покупаться въ рѣкѣ или по крайней мѣрѣ облиться у родниковъ и, кажется, этимъ подкрѣпляютъ себя болѣе, нежели пищею и спомъ, а потомъ паки въ поту работаютъ до сумерокъ. Тогда жнецы и жнеи, помолясь, на мѣстѣ работъ, Богу, собравъ все при нихъ въ полѣ находившееся, тронутся каждое семейство съ своей полосы, сходятся на дорогѣ, гдѣ къ нимъ присоединяются пахавшіе, боронившіе и сѣявшіе, кои, оставя при везомыхъ на телѣгахъ земледѣльческихъ орудіяхъ старичковъ или малолѣтковъ, начинаютъ пѣсенку и съ тѣмъ вмѣстѣ забываютъ попесенные въ минувшій день труды; не смотря на то, что въ семъ ходу каждая изъ нихъ что несетъ, которая посуду съ пищею и питьемъ къ нимъ на поле вынесенную, которая за плечьми въ колыбелькѣ груднаго ребенка, а которая уже отнятаго отъ груди, но ходить еще не могущаго на рукѣ, неся притомъ въ другой тоже что нибудь изъ посуды, но и сіи не отстаютъ ни въ ходу, ни въ пѣсняхъ и прочихъ забавахъ, какія можно употребить, идучи съ полями. Сію картину вмѣстѣ съ тою, которую они изображаютъ, разсыпавшись по полямъ каждый на своей полосѣ, поспѣшаетъ сдѣлать предположенное и приняться за другое, описать не умѣю, однако-же, она, оставшись въ моей памяти всегда, при взглядѣ на земледѣльческое семейство, напоминаетъ съ какимъ понятіемъ должно смотрѣть на земледѣльца.

Судя по неразлучной съ ними веселости, казалось-бы, что они и любятъ только одну веселость, а труды только собственно ихъ пользу составляющіе; напротивъ того, они любятъ и господъ своихъ, сколь бы онъ ни былъ не знатенъ и столько къ нимъ при-

вязаны, что я также какъ и веселости ихъ въ подобныхъ имъ приверженности нигдѣ не находилъ. Каждый готовъ былъ драться съ тѣмъ, кто осмѣлится сказать что либо къ осужденію господина его, хотя бы онъ и не видалъ его никогда, а потому они не только своихъ, но и чужихъ господъ не пересуживали, кромѣ тѣхъ, кои, ѣздя со псовыми охотами, истаптывали ихъ поля,— тѣмъ они пѣли пѣсни, выражающія занимающихся такою охотою въ самомъ невыгодномъ видѣ и разумѣніи. Но и изъ охотниковъ они сосѣда и хорошаго отцу моему пріятеля В. Н. П...ва любили, потому что онъ, не извѣстя въ видѣ просьбы позволенія батюшки моего въ общія наши рощи, не пріѣзжалъ притомъ по уборкѣ уже съ полей всего и не кидалъ гончихъ близь озими, дабы оную не топтать не только лошадьми, но даже собаками. При томъ онъ былъ не такой охотникъ, какіе въ пѣсняхъ ихъ описываются: крестьянъ продаютъ, собакъ покупаютъ, напротивъ, собакъ продавалъ, а крестьянъ покупалъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ хорошій заводъ собакъ и продавалъ по тогдашнимъ временамъ, когда дорогою цѣною за одну онъ взялъ пятьсотъ рублей, что нынѣ 2000, съ губернатора... Работу на господъ, которые почти всѣ жили въ другихъ мѣстахъ, не смотря на заочность, отправляли точно также какъ бы подъ личными ихъ распоряженіями и притомъ такъ много, что изъ числа разныхъ барщинъ одна, состоящая изъ восьми душъ одного семейства, обработывала по десятинѣ на душу, слѣдовательно каждый годъ по шестнадцати десятинъ для господина обработывалъ одинъ дворъ, который за всѣмъ тѣмъ былъ изъ числа богатѣйшихъ сей деревни и только жать присылалъ господинъ изъ другой деревни ему на помогу. Каждая барщина, сколь-бы ни была мала, поставляла себѣ въ преимущество, если которой удавалось сдѣлать что нибудь барское лучше другихъ и тогда надъ тѣми, кои по небреженію или упущенію время сдѣлали не хорошо для своего господина, и даже въ размолвкахъ попрекали: какіе вы крестьяне, что для барина своего сдѣлали хуже всѣхъ. Видя такую тщательность, и отецъ мой своимъ крестьянамъ не назначалъ для своей работы дней, ни раздѣлялъ съ ними по три, потому что маленькая его барщинка выбирала для господской работы лучшія времена и работала такъ, что и неотлучный надзоръ не могъ бы прибавить ничего лучшаго.

Трудно и, кажется, невозможно отыскать причины всему тому, что было въ семъ малочисленномъ народѣ необыкновеннаго и почему все то только однимъ имъ свойственно, а не всѣмъ, около ихъ селенія близко или далеко жившимъ. О веселости ихъ хотя и мелькаетъ нѣкоторое понятіе, что въ оную ввели ихъ пѣсни и игры, которыя, какъ господа съ ними жившіе, услыша въ Москвѣ или другомъ какомъ городѣ, или у сосѣдей своихъ, также отъуда нибудь получившихъ, передавали имъ чрезъ сѣнныхъ и дворовыхъ, также изъ нихъ самихъ, работавшіе въ извозахъ и на водоходныхъ судахъ каждый разъ всякій, какъ оброкъ, приносили по новой или старой, но до того имъ неизвѣстной, вмѣсто гостинца передавали, а они, разучивая голоса и слова, даже и за работою привыкли, при всякомъ случаѣ, вспоминать приличную каждому пѣсню и, занимаясь ими или для выучиванія, или уже для забавы, непримѣтно сдѣлали веселость неразлучною своею спутницею, притомъ-же и господа, въ старину, не имѣя музыки, призывали ихъ, подъ названіемъ игрицъ, на свадьбы свои и иногда, въ праздники, гостей позабавить, пріучали ихъ дарами также къ веселости и опрятности, а сіи уже, въ общемъ кругу жителей сей деревни, возрождали соревнованіе, также и въ работахъ дѣятельность, веселостью сопровождаемая, вводились, утверждались и поддерживались введеннымъ обыкновеніемъ наказывать лѣнивыхъ и даже дѣятельныхъ, но угрюмыхъ средствами, повидимому, шуточными, но какъ при всемъ этомъ, повидимому, только праздполюбивому народу свойственномъ, вселилась въ нихъ безпримѣрная къ господамъ приверженность, это мною не отгадано и, кажется, какъ тогда безпримѣрнымъ, такъ и нынѣ едва ли гдѣ подобными имъ подражаемымъ.

Вотъ только, что я со времени возникшей во мнѣ памяти до опредѣленія въ училище и въ пріѣзды оттуда къ моимъ родителямъ успѣлъ узнать о семъ немноголюдномъ, но особенностями богатомъ народѣ, изъ коего и родители мои имѣли хотя весьма малую часть и были довольны своимъ состояніемъ, пока стеченіе различныхъ обстоятельствъ, одно за другимъ слѣдовавъ, не разстроили во всемъ ихъ и всего нашего семейства.

II.

Женитьба брата и замужество сестры. — Неправильный раздѣлъ имѣнія.— Смерть брата и матери. — Оригинальный костюмъ новычника. — Служба въ казенной палатѣ.—Исполненіе рѣшенія суда.—Болѣзнь отца.—Великодушіе дяди.—Опредѣленіе въ военную службу.—Солдатское житье.—Мой менторъ.— Верховая ѣзда. — Служебные успѣхи. — Перемѣна полка. — Свиданіе съ отцомъ.—Брянскіе лѣса.—Витебскъ.—Полоцкъ.—Замки.—Мыза гр Палена.— Кончина Павла I-го.—Море.—Якобштадтъ.—Судъ надъ медвѣдемъ и казнь его.— Сватовство.— Походъ въ Лубны.

Женитьба брата моего и отдѣлъ его жительствомъ въ женино имѣніе хотя и сдѣлалъ убавокъ имѣнія моихъ родителей, но какъ событіе, въ правильномъ порядкѣ доходнее, сіе не предвѣщало грядущихъ горестей. Потомъ замужество второй сестры моей поставило ихъ въ необходимости впервые одолжиться деньгами. Незначительный долгъ тотъ, по ограниченности доходовъ, хотя и безпокоилъ ихъ, непривыкшихъ къ такому состоянію, но за то они утѣшались пріобрѣтеніемъ достойнаго сестры моей супруга. Онъ былъ одинъ сынъ у его родителей, владѣвшихъ небольшимъ, но прекраснымъ имѣніемъ, одаренъ былъ всѣмъ молодецкимъ отъ природы, а къ тому и со стороны свѣта нужнымъ по его званію и состоянію, притомъ былъ хорошій сынъ, супругъ и хозяинъ. Посему родители мои за такое пріобрѣтеніе счастія дочери, въ радостномъ упоеніи, приносили благодаренія Всемогущему, не имѣя въ виду ни малѣйшаго повода помыслить, что счастіе ея непродолжительно. Свекоръ и свекровь были еще не дряхлые и любили ее искренно, равно и мужъ, въ цвѣтѣ лѣтъ обладавшій отличнымъ здоровьемъ. Ничто не предвѣщало, что такое блаженное состояніе, чрезъ полтора или два года, не только разрушится, но и обратится въ ничтожество. Сперва скончался свекоръ, а потомъ и мужъ, оставя по себѣ наслѣдницею грудную дочь свою, которая, вскорѣ по его кончинѣ, за нимъ послѣдовала. Послѣ таковыхъ событій, входящихъ болѣе прочихъ направленій въ сугубленіе горестнаго состоянія сестры моей и свекрови ея, вдругъ обнаружились всѣ свойства почти шестидесятилѣтняго житія ея и она какъ будто спѣшить начала по слѣдамъ супруга своего, сына и внуки. Въ слабости здо-

ровья, оплакивая потерю супруга и сына, она одного только желала, чтобы жить до кончины своей въ присутствіи сестры моей. Это желаніе свекрови и собственное ея желаніе продолжать оплакиваніе горя своего на томъ же мѣстѣ, гдѣ оное постигло, притомъ неограниченная къ ней любовь той почтенной старушки, поставили сестру мою въ неотрицательномъ согласіи удовлетворить свекровино желаніе, какъ долгъ свой, еще со вступленія ея въ супружество, въ числѣ прочихъ семейственныхъ обязанностей возложенный. Въ такомъ расположеніи свекровь ея хотѣла, взявъ изъ наслѣдственнаго мужа ея имѣнія, седьмую часть отдать оную сестрѣ моей, а она седьмую же часть взяла бы изъ оставшагося затѣмъ мужу ея принадлежавшаго, но это сдѣлалось совсѣмъ не такъ. У свекра сестры моей былъ братъ, его жена, провождавшая жизнь свою не въ ладу со свекромъ сестры моей, и три ихъ сына, которые, особенно меньшій, любили сестру мою, какъ бы отъ однихъ отца и матери съ ними происшедшую. Они, обучавшіеся вмѣстѣ со мною въ губернскомъ городѣ, совершенно не знали, что мать ихъ употребила мужа своего для обогащенія ихъ заграбить всю собственность деверя, не отдѣля частей: ни по желанію невѣстки своей, ни, по закону, сестрѣ моей; а какъ увѣрена была, что мужъ ея, какъ честный человѣкъ, противъ закона не сдѣлаетъ такъ, какъ ей хотѣлось, то сама лично дѣйствовала. Она, когда видимо стала ослабѣвать свекровь сестры моей, собравши сосѣдей, пріѣхала будто навѣстить ее, между тѣмъ, подъ какимъ-то предлогомъ, описала всю движимость ея и покойнаго мужа ея, и сына и, еще при жизни ея, сдѣлала разсчетъ, чтобы сестрѣ моей отнюдь не давать седьмой части свекрови ея, а дать только собственно ей принадлежавшую и то вещами, совершенно ей не нужными, выставя имъ цѣну, которая равнялась бы настоящей цѣнѣ седьмой части имѣнія, послѣ свекра мужу ея принадлежавшаго. Таковой ея поступокъ сократилъ время бытія невѣстки ея, она, не могши перенесть таковой неожиданности, на третій день потомъ скончалась и потому сестра моя, исполня долгъ свой погребеніемъ свекрови, возвратилась къ моимъ родителямъ, получа вмѣсто седьмой части менѣе четырнадцатой, вещами, втрое или вчетверо дороже настоящаго оцѣненными, но и тѣ она оставила въ пользу жаждавшей всего

бывшей ея тетушки. Дѣти ея хотя и упросили отца своего поправить такой предосудительный поступокъ матери своей дополненіемъ истинной цѣны принадлежавшаго сестрѣ моей деньгами, но она, благодаря за такое благородныхъ родственниковъ достойное намѣреніе, кончиною своею и ихъ избавила отъ противодѣйствія матери, которая, какъ послѣ оказалось, все еще трудилась надъ стяжаніемъ и распредѣленіемъ по своему воображенію. Изъ дѣтей ея, всѣми знакомыми любимыхъ, средній скончался, меньшій, уже офицеромъ въ конной артиллеріи служившій, убитъ въ сраженіи, а старшій, поѣхавъ по дѣламъ куда-то, со слугою, неизвѣстно куда дѣвался; а потомъ и сама она, лишась ума, скончалась. Кому стяжанное ею досталось, не знаю.

Потомъ родители мои получили изъ Ростовскаго карабинернаго полка извѣстіе, что лучшій изъ насъ четырехъ братьевъ нашъ, надѣясь на силу и искусство въ ѣздѣ и рубкѣ, заскакалъ въ толпу черкесъ и, сваливъ нѣсколько изъ нихъ съ сѣделъ, самъ по влѣпленіи нѣсколькихъ пуль, обтекшею его толпою изрубленъ, а другой, увидя, что черкесы, сиявши съ изрубленнаго брата окровавленную куртку, выставляли какъ трофей свой, бросился туда же и, удовлетворивъ духу мщенія, возвратился съ шашковыми на шеѣ и на лѣвомъ бедрѣ зарубками, которыя и присоединившаяся къ нимъ горячка содержатъ его въ ненадежномъ на продолженіе жизни состояніи. Такое печальное извѣстіе, послѣдовавъ вскорѣ за судьбою сестры моей, до глубины сердца растрогало мать мою и она ни въ чемъ уже не находила утѣшенія, а потому, уговорясь съ одною сосѣдкою, отправилась искать его въ Кіевѣ при мощахъ св. угодниковъ. Нашедъ же тамъ нѣкоторое успокоеніе скорби своей, она на обратномъ пути занемогла, а потому и остановилась въ одномъ городкѣ, только съ небольшимъ за сто верстъ отъ дому. Пробывъ съ нею тамъ нѣсколько, товарищка ея, возвратясь, увѣдомила батюшку моего, который, не сказавъ семейству опасности, немедленно отправился за нею. Въ это время и я прибылъ въ наше семейство, чтобы встрѣтить маменьку, но какъ могу описать плачевную картину, когда, увидя батюшку, выбѣжавъ на встрѣчу, не видѣли при немъ маменьки, но только его, слезами обливающагося....

Такое послѣдованіе одно за другимъ горестей разстроило и здоровье моего отца, имѣвшаго еще двухъ дѣтей не опредѣлен-

ными: меня и младшую меня сестру мою, безъ матери и при недостаткѣ, и горестное сіе состояніе умѣрилось только нѣсколько прибытіемъ брата моего съ зарубками, не совсѣмъ еще зажившими. Онъ, какъ будто знавъ, что присутствіе его необходимо въ семействѣ, вышелъ въ отставку и, вступя въ домоправительство, нѣсколько какъ будто отстранилъ изъ виду ужасъ нашей будущности; но какъ горестныя приключенія рѣдко нападаютъ по одиночкѣ, то и наше семейство постигло цѣлою стаею.

Въ это время еще жива была бабушка наша (съ маменькиной стороны), лѣтъ девяноста старушка. Она жила у пріятельницы своей М. С. Ж . . . . . й и, уже по кончинѣ матери моей небольшое свое имѣніе, на которое и мы надежду полагали, какъ на вспоможеніе въ недостаткахъ нашихъ, укрѣпила той своей пріятельницѣ съ тѣмъ только, чтобы она похоронила ее и поминала, а о насъ сказала, что мы бѣдняки, хотя и имѣньице это отдамъ имъ, имъ будетъ мало и помянуть меня нечѣмъ будетъ. Но какъ людямъ въ удѣлъ дано знать только то, что каждый долженъ переселиться отсюда въ другое бытіе, по кто прежде кого, то сокрыто, то и бабушка моя въ плапѣ своемъ ошиблась. М. С. Ж. умерла прежде ея; два сына умершей еще были на службѣ, имѣніе ихъ матери принялъ дядя ихъ, слѣдовательно, и доходы съ него собиралъ онъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ уступленной бабкою моею части, съ которой и тогда, когда еще не укрѣплено было, собирала М. С. вмѣстѣ съ своими. Почему бабушка моя, оставшись безъ пріятельницы своей, безъ имѣнія и безъ денегъ, принуждена была присоединиться къ нуждамъ нашего семейства, а братъ мой, скорбію вынужденный тогда между нами, сказалъ: бабушка имѣніе отдала М. С., а умирать пріѣхала къ намъ, чѣмъ похоронить и поминать? Въ самомъ дѣлѣ, она скоро скончалась и мы, еще не совсѣмъ окупившіе помины матери, должны были отправить ея погребеніе приличію званію, то уже за поминъ ея братъ принужденъ былъ отдать попамъ одну изъ приведенныхъ имъ карабинерныхъ лошадей, по нынѣшней цѣнѣ рублей около двухсотъ стоющую.

Въ то же время двоюродныхъ моихъ братьевъ, съ которыми я учился и которые съ малолѣтства были записаны въ гвардію, потребовали на службу, которую и начали въ кавалергардахъ. Почему братъ мой, разсчитывая, что мнѣ недостатокъ не позво-

литъ быть въ военной службѣ, склонилъ батюшку согласиться опредѣлить меня въ статскую и я опредѣленъ былъ въ уголовную палату. По дальности присутственныхъ мѣстъ отъ дому дяди моего, я нѣсколько времени жилъ у своего повытчика изъ малороссіянъ Фил. Власьевича, который, хотя въ трескучій морозъ, ходилъ въ присутствіе въ одномъ фракѣ, башмакахъ и только руки всовывалъ въ преогромную бѣлую овчью муфту, которая длиною занявъ все мѣсто между локтей на рукахъ, только средними пальцами соткнутыхъ, а шириною почти земли касалась, а какъ онъ причесывалъ голову по тогдашнему, лавержетомъ, то дабы не помять его и пудры, огромную бобровую шапку его носили за нимъ до палаты, когда слуга, а когда служанка. Картина прелестная, жаль, что не умѣю рисовать.

Плохое усердіе оказывалъ я по службѣ въ уголовной палатѣ и если что дѣлалъ, то также, какъ нынѣшніе крестьяне на барщинѣ, особенно когда я увидѣлъ двухъ сыновъ сосѣда нашего, опредѣлившихся въ какой-то полкъ, въ мундирахъ съ галунчиками на красныхъ воротникахъ. Долго сѣтовалъ я, что не могъ съ ними слѣдовать и хоть бы уже въ полку преобразиться, но заключеніе брата моего, что въ военной службѣ потребенъ хотя небольшой достатокъ, заставили меня хоть съ горестію оставить мысль о военномъ мундирѣ, но за всѣмъ тѣмъ сильно подстрекалъ меня карабинерный, синій его съ красными отворотами и золотымъ эполетомъ, мундиръ, которымъ онъ хотя не болѣе двухъ разъ по отставкѣ прикрывалъ имъ сдѣланныя на немъ черкесами въ память свиданья зарубки.

Итакъ, я хотя плохой канцеляристъ, но былъ уже въ службѣ; отца моего здоровье поправилось, братъ, не видя надобности быть дома, отпросился у батюшки въ Москву и тамъ жилъ, занимаясь по дѣламъ суконной фабрики кп. В . . . . . о; имѣніе въ хорошемъ состояніи, ибо оно хотя было не велико, но много въ себѣ заключало. Отецъ мой изъ-за пятнадцати ихъ душъ не напималъ ни плотниковъ, ни бондарей, ни колесниковъ, ни шерстобитовъ, ни маслобоевъ, словомъ, въ нихъ, сверхъ хлѣбопашцевъ, все заключалось и ничто не останавливалось. Потому казалось семейныя наши дѣла нѣсколько умирились, но вдругъ неожиданное происшествіе, постигши многихъ изъ владѣльцевъ общей нашей деревни, большею частію пало на наше маленькое

имѣніе. Въ давнее время одинъ изъ предковъ нашихъ отдалъ за дочерью въ приданое деревню, изъ которой взята была во дворъ дѣвка и осталась у него. Ту дѣвку предокъ мой, забывши, что она принадлежитъ дочери, или надѣясь, что она какъ дочь, получа деревню, о дѣвкѣ хлопотать не станетъ (какъ бы она и въ самомъ дѣлѣ поступила), отдалъ за крестьянина въ деревнѣ, оставленной себѣ, но одинъ изъ потомковъ той предка моего дочери, какъ полагать надобно подъячій, въ свое время началъ о сей дѣвкѣ тяжбу, которая продолжалась столько времени, что отъ нея произошло тридцать ревизскихъ душъ, изъ коихъ по ведшемуся издавна раздѣлу и въ нашихъ пятнадцати душахъ было восемь. Сіе-то дѣло рѣшено тогда, когда у насъ еще не просохли слезы отъ минувшихъ горестныхъ событій. Этихъ крестьянъ отъ всѣхъ, кто изъ совладѣльцевъ нашихъ имѣлъ изъ племени той дѣвки, всѣхъ присуждено отдать во владѣніе истцовъ. Присуждено было отдать ихъ безъ земли, но со всѣмъ ихъ имуществомъ; почему при забираніи ихъ была ужасная картина, какую можно только видѣть на опустошительномъ пожарѣ, но и тамъ слезъ меньше. Истцы пріѣхали со всѣмъ земскимъ судомъ и командою солдатъ, пригнали около трехъ сотъ подводъ. Крестьяне, которыхъ забрать должно, не желая разстаться съ своими господами, всѣ разбѣжались, женщины и ребятишки попрятались въ конопляхъ, но когда начали, какъ въ пожаръ, раскидывать дома ихъ, раздался на всѣхъ сторонахъ деревни вопль, съ коимъ старые и малые вышли изъ закрывавшихъ ихъ мѣстъ и, остановясь на тѣхъ мѣстахъ, съ котораго кто увидѣлъ разворенное гнѣзда своего. Рыданіе и вопли ихъ привели въ соучастіе и прочихъ крестьянъ, изъ коихъ многіе были имъ родственники, почему вопль ихъ, сдѣлавшійся общимъ всей деревни, не знаю уже чему уподобляется. Нашей части крестьяне пришли къ батюшкѣ моему и, валяясь въ ногахъ, ползая на колѣняхъ, просили и предлагали, чтобы отдать все ихъ имѣніе претенденту, только бы ихъ хоть нагихъ оставить у себя, и что они не замедлятъ одѣться и построить дома, каково это было перенесть отцу моему, не могши исполнить столь плачевной просьбы справедливо любимыхъ крестьянъ своихъ? А потому и онъ не могъ ничего болѣе, какъ сдѣлаться участникомъ проливаемыхъ ими слезъ, а особенно своихъ, лишась половины столь достойныхъ своего званія и даже уваженія крестьянъ.

При стеченіи такихъ горестныхъ и разворительныхъ обстоятельствъ, обуяли сердца всего, хоть уже и небольшаго нашего семейства, коего глава отецъ мой, по перенесеніи таковыхъ событій, сдѣлался болѣнъ отчаянно, а потому попеченіе въ болѣзненномъ его состояніи и хозяйство осталось на десятилѣтней сестрѣ моей, на которую онъ, глядя, меньше утѣшался, нежели сокрушался, предполагая ее быть круглою сиротою. Братъ мой писалъ, что ему изъ Москвы нельзя оторваться, что принятое имъ на себя дѣло было въ такомъ состояніи, что передача онаго другому неминуемо бы сопряглась съ обоюднымъ убыткомъ и для князя, и для него. Одинъ почтенный дядя мой, хотя весьма рѣдко въ обыкновенныя времена у насъ бывавшій, не смотря на худое состояніе собственнаго его здоровья, взявши меня и лекаря, пріѣхалъ въ деревню къ отцу моему (не могу иначе выразиться какъ) въ видѣ ангела утѣшителя. Пріѣхавъ такимъ образомъ, застали мы больнаго, окруженнаго церковнымъ причтомъ, тутъ же были и отдѣльный братъ мой съ женою и дѣтьми, также нѣкоторые изъ сосѣдей, кои всѣ только напоминали больному приближеніе конца бытію его въ семъ мірѣ и рѣшительной минуты переселенія души его въ будущность, т. е. кто плакалъ, кто богословствовалъ, кто философствовалъ, выражая каждый свою мысль какъ напутствіе къ будущности и какъ утѣшеніе о оставляемомъ имъ въ разстроенномъ состояніи семействѣ, всѣ укрѣпляли душу, но никто не вздумалъ обратить вниманія поискать средства къ подкрѣпленію физическаго его состава. Почтенный дядя мой, видя, что духовное все уже исполнено, принялся за физическое. И первое предложилъ отцу моему, который былъ еще въ памяти, чтобы не заботился ни обо мнѣ, ни о сестрѣ моей, т. е. что онъ сіе на себя беретъ, ибо зналъ, что это была важнѣйшая изъ числа болѣзненныхъ отцу моему причинъ, которая даже препятствовала ему покойно встрѣтить ангела и вручить ему душу свою. Такимъ образомъ приступъ къ врачеванію безъ ошибки сдѣланъ съ того пункта, съ котораго и послѣдствія имѣли болѣе успѣха, ибо и лекарь, объявившій сперва безнадежность на продолженіе жизни, началъ находить жизненные признаки, возраждающіеся и хотя медленно возрастающіе, и онъ объявилъ, что могъ бы возвратить ему здоровье, если бы больной былъ въ городѣ. Хотя это обнадеживаніе по

двусмысленности своей не отстраняло прежде объявленнаго имъ опасенія, потому что больной не могъ выдержать пятнадцативерстнаго переѣзда въ осеннее сырое время, однако-же, оно подало дядѣ мосму мысль заставить лекаря поискать въ наукѣ его такихъ средствъ, которыя бы могли произвесть полезное больному въ деревнѣ. Между тѣмъ и самъ дядя началъ находить признакъ къ жизни, а лекарь нашелъ лекомое средство: лечить въ деревнѣ. Итакъ, посѣщеніе уважаемаго брата, который обезпечилъ со стороны сиротства дѣтей и обнадежилъ при помощи Всемогущаго возвратить здоровье, произвело въ больномъ то, что онъ подъ конецъ дня, при немъ проведеннаго, началъ свободно говорить и такъ охотно, что дядя пріискивалъ средства сокращать и прерывать разговоръ его, дабы чрезъ то не пришелъ онъ паки въ изнеможеніе. При такомъ поведеніи своемъ противъ больнаго брата, дядя мой сверхъ обыкновенія своего ночевалъ въ деревнѣ и при томъ не въ своемъ, но въ нашемъ домѣ, и не смотря на увѣренія лекаря, что въ больномъ уже нѣтъ опасности, нѣсколько разъ ночью подходилъ къ больному, когда онъ просыпался, и дѣлалъ наблюденія; увѣрившись же въ послѣднемъ заключеніи лекаря, по утру отправился въ городъ, взявъ меня съ собою, дабы въ отсутствіе его воззрѣніе на насъ съ сестрою не произвело въ больномъ паки худыхъ слѣдствій, каковыя Богу угодно было отстранить единственно его присутствіемъ. Онъ по прибытіи въ городъ призвалъ друга своего почтеннаго старца штабъ-лекаря К.....га, который, разспрося лекаря о состояніи больнаго, вмѣстѣ съ нимъ опредѣлилъ планъ леченія, исполненіе коего дядя возложилъ на старушку-няню дѣтей его, которая, получа лекарственные матеріалы и наставленія, отправилась въ деревню къ больному въ тотъ же день, въ который дядя разстался съ нимъ. При такомъ заботливомъ распоряженіи, въ точности старушкою исполненномъ, подъ наблюденіемъ пріѣзжавшаго по временамъ лекаря, отцу моему стало возвращаться здоровье, а потомъ и силы, но мысль о прошедшихъ убійственныхъ событіяхъ очень много препятствовала ему воспользоваться тѣмъ и другими такъ скоро, какъ бы слѣдовало послѣ одной тѣлесной болѣзни.

Такимъ образомъ исполня долгъ во время болѣзни отца моего, дядя мой приступилъ и къ исполненію принятаго на себя

обѣщанія благодѣтельствовать племяннику. Онъ, призвавъ къ себѣ секретаря уголовной палаты, спрашивалъ у него объ успѣхахъ моихъ по службѣ и, получа отзывъ, не удовлетворявшій его ожиданію, принялъ намѣреніе опредѣлить меня въ военную. Въ то время формировался въ губернскомъ городѣ кирасирскій полкъ, а въ немъ, между прочими, служилъ маіоръ Василій Силичъ— однофамилецъ, а можетъ быть и потомокъ келаря Сергіевской лавры, князю Пожарскому и гражд. Минину избавить отъ враговъ отечество содѣйствовавшаго. Сей въ полномъ смыслѣ отличный щеголь, ѣздокъ, рубака и преблагороднѣйшаго свойства штабъ-офицеръ, квартируя въ домѣ дяди моего, былъ болѣе похожъ на семьянина, нежели на постояльца его, почему дядѣ моему не трудно было сдѣлать съ нимъ нужное совѣщаніе о принятіи меня въ эскадронъ его. Онъ меня съ свидѣтельствомъ о дворянствѣ и просьбою о желаніи моемъ служить въ войскѣ, представилъ къ шефу своему Г. М. Ф., который въ то время, сидя въ пудромантѣ при завиваніи пуколь, слушалъ читающаго предъ нимъ бумаги адъютанта, коему приказалъ прочитать и и мою просьбу съ свидѣтельствомъ. Его превосходительству угодно было оглянуться на меня, а сіе было причиною разрушенія загнутой пукли, въ которой еще находился палецъ парикмахера. Онъ, оглянувшись на меня и видя, что я ростомъ и лѣтами соотвѣтствовалъ порядочному рекруту, сказалъ было опредѣлить меня въ его эскадронъ, но когда представившій меня маіоръ П. сказалъ, что онъ для того и ходатайствовалъ о моемъ опредѣленіи, чтобы я былъ въ его эскадронѣ, то его превосходительство согласился на его желаніе.

На третій день послѣ опредѣленія моего, маіоръ, призвавъ къ себѣ кирасира Клименка, сдѣлалъ его моимъ ментором и приказалъ было преподавать мнѣ маршировку и ружейные темпы на дому, но менторъ мой осмѣлился доложить, что мнѣ то попятнѣе будетъ между учащимися, нежели одному, а потому и препроводили меня въ эскадронъ.

Первый былъ мой на службу шагъ въ сборню, гдѣ впервые увидѣлъ я между всегдашними солдатскими работами претрудныя: растираніе жесткой ваксы на ботфортахъ и уборку головъ съ плетежками и пуклями, болѣе женщинамъ, нежели воинамъ приличествовавшую. Сіе меня, можетъ быть, привело бы въ ужасъ,

если бы не ошеломила меня туча дыма изъ тютюна, кирасирами куреннаго, которая мнѣ не только солдатскія занятія пристально разсмотрѣть, но и дышать препятствовала. Сколь ни велика была давнишняя моя охота служить въ войскѣ, по видѣнное мною на сборнѣ, а особенно неувѣренность, что и я современемъ буду подобно другимъ свободно дышать въ табачномъ дыму, нѣсколько меня опечалило. Однако-же, благодареніе Всемогущему, менторъ мой облегчилъ все, труднымъ мнѣ казавшееся. Для того, по дальности дома дяди моего отъ эскадроннаго расположенія, отведена была мнѣ квартира близь сборни и квартиръ товарищей моихъ, въ числѣ коихъ былъ сосѣдъ мой Б....въ, человѣкъ уже окуренный и уже обстрѣлянный, а прочіе хотя еще и не обстрѣляны, но дымкомъ дышали исправно. Менторъ мой совѣтовалъ мнѣ ходить къ нимъ знакомиться съ табачнымъ дымкомъ; а какъ они считались по службѣ знающими и исправными унтеръ-офицерами, то заниматься отъ нихъ всему, исключая того, что не есть необходимость для воина. Съ сего-то времени еще, достойный мой менторъ, между прочими, нижнимъ чинамъ принадлежащими правилами, началъ вселять въ меня понятіе объ обязанностяхъ офицера. Онъ, уча меня всему солдатскому, не говорилъ, что я такъ долженъ дѣлать, но что обязанъ хорошо умѣть и современемъ самъ учить. Онъ, выучивши меня чему либо, заставлялъ другаго дѣлать то-же предъ мною и спрашивалъ меня: хорошо ли тотъ дѣлалъ и если я просматривалъ ошибки, то совѣтывалъ пріучать глаза, чтобы все видѣть, говоря, что это для меня нужнѣе, нежели то, что я самъ то дѣлаю хорошо: „що пользы изъ того, що вы сами дѣлать будите хорошо, а не будите бачить, якъ подчиненные ваши робить будутъ худо“.

Такимъ образомъ непримѣтно познакомился я съ табачнымъ дымкомъ и при бдительномъ наблюденіи моего ментора съ правильнымъ понятіемъ о всѣхъ солдатскихъ дѣлахъ, обыкновеннымъ порядкомъ текущихъ дѣлахъ на опытѣ, а о случайно быть могущихъ на словахъ, ибо онъ дѣлалъ повѣрку: помню ли я и такъ ли попялъ преподанное имъ. А какъ онъ жилъ почти безотлучно со мною, то между преподаваемымъ имъ мнѣ просилъ, чтобы я читалъ ему который нибудь изъ уставовъ: Петра I-го или Павла. На этомъ дѣлѣ я сдѣлалъ важную ошибку. Я, не могши отгадать, что онъ, желая самъ слушать, хочетъ, чтобы сіи уставы и я зналъ,

заключилъ, что онъ любитъ слушать чтеніе, и потому, желая сдѣлать ему угожденіе, увидѣвшись съ Б., просилъ, чтобы онъ принесъ ко мнѣ какую нибудь изъ своихъ книгъ. По той просьбѣ Б. принесъ преисполненный нѣжнѣйшими выраженіями романъ и нѣсколько онаго прочиталъ у меня при моемъ менторѣ, который, слушая, все поплевывалъ и напослѣдокъ сказалъ мнѣ, что пора осматривать конюшни и велѣть надѣвать торбы. Какъ же скоро я ушелъ, то онъ не медля отнесъ романъ обратно къ Б., когда же я, возвратившись, хватился книги, то онъ сказалъ: не треба вамъ ее. Якъ бы она была ваша, то бы я ее изодравъ и запалилъ люльку, а остатки спаливъ на ваксу. Судя по сему и по набожности его, началъ было я читать ему найденную у жившаго рядомъ съ моею комнатою хозяйскаго прикащика тетрадку сопъ Пресвятыя Богородицы, но и на семъ осѣкся: онъ и про эту сказалъ: „якъ бы не было упомянута Матерь Божія, то и ее стоило бы изорвать, бо ни что другое якъ бредни стародубовскихъ кацаповъ раскольниковъ. Вамъ треба читать: свангеліе, апостолъ, библію, а изъ свѣтскихъ, дѣянія Петра Великаго, походы: Миниха, Румянцева, Суворова, а п....ы или романы ваши успѣете услышать или увидѣть на дѣлѣ; раскольничьихъ же книгъ и въ руки брать не треба!“ Такой нравственности былъ безграмотный мой менторъ.

Хотя я и обязанъ былъ прослужить три мѣсяца рядовымъ, по эта должность мнѣ только была преподаваема, а служеніе мое было унтеръ-офицерское, почему въ бытность мою дежурнымъ обязанъ я былъ осматривать нѣсколько разъ конюшни и проч. ночью, т. е. въ такое время, въ которое сказки нянюшекъ производятъ противопопятное дѣйствіе на того, кто ихъ наслышался. Въ числѣ таковыхъ былъ я, наслышавшійся сперва отъ моей няни, потомъ отъ няни же невѣстки моей, которая, разсказывая, гдѣ приходилось изобразить пѣніе или пляску героя или героини сказки, не смотря, что уже была сѣдая, беззубая старуха, пѣла и плясала по временамъ, когда то или другое приходилось въ сказкахъ. Хотя мы старуху сію упрашивали разсказывать такія сказки болѣе для того, что насъ забавляла ея пляска (бывшая когда-то искусная), въ которой тряслись ее полныя щеки и обширныя по природѣ тѣ мѣста, которыя прочіе тогда наполняли фижмами, и притомъ не меньше забавляла насъ на маленькомъ ея

лстребиномъ носѣ табачная капля; но при такомъ намѣреніи непримѣтно вселялось въ память нашу то, что разсказывала она злодѣйскаго и страшнаго, и до того вкоренилось, что я, уже зная небылицу всего ею разсказываемаго, не могъ принудить себя пробыть нѣсколько одинъ въ темнотѣ, не чувствуя сильнаго страха, не смотря на то, что разсудокъ даже во время самаго таковаго чувствованія представлялъ совершенную безопасность не только на мѣстѣ таковаго чувствованія, но и на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я быть обязанъ. Первыя изъ таковыхъ моихъ дежурствъ менторъ мой ходилъ самъ со мною для толкованія мнѣ моей обязанности, но увидя мое познаніе таковымъ, что я и одинъ уже могу исполнять мою обязанность, онъ рѣшился, предоставя мнѣ то право повѣрять ходя вскорѣ послѣ моего обзора по всѣмъ мѣстамъ, оному подлежавшимъ, почему въ первое по такому предположенію мое дежурство замѣтилъ онъ, что я уже нѣсколько минутъ пропустилъ начало моего обзора, напомнилъ мнѣ разъ, а на возраженіе мое, что ночь претемная и я не могу найти мѣстъ не только обозрѣвать, онъ далъ мнѣ объясненіе, что тутъ не лѣсъ и не степь, также и нѣтъ овраговъ, въ которые упасть можно и повредить что либо; а чтобы найти ворота, то я вамъ уже сказывалъ какъ (онъ, ходя со мною въ прежнія дежурства, заставлялъ считать шаги и помнить сколько ихъ отъ квартиры до первой конюшни, которыя всѣ были на постоялыхъ дворахъ, а отъ оной сколько до другой, и т. п.), но видя, что я и послѣ столь сильнаго его доказательства еще медлю, отгадалъ истинную причину моего заблужденія. Первыя слова его были: отъ се я бачу, шо вы якъ будто чего то боитесь. Якъ же вы будете служить, когда боитесь не знать чаго, а якъ зажужжитъ коло васъ пуля и хлынетъ противъ васъ изъ пушекъ огонь, то тогда шо будетъ.

Сей-то упрекъ однимъ ударомъ истребилъ изъ меня мнимый страхъ, видимаго я никогда не боялся, а потому сдѣлалъ привычку ничего не бояться, какъ пребылъ до того времени, пока начали возрождаться опасенія новаго рода уже въ гражданскомъ быту моемъ.

При такомъ ученіи общей службѣ, судя по времени, я оказалъ успѣха столько, что меня стали считать въ томъ ровнымъ съ находящимися уже давно въ службѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ

и лучшимъ, но въ верховой ѣздѣ я еще былъ рекрутъ, а потому и учился съ рекрутами на деревянной лошади, которая была сдѣлана по методѣ моего ротнаго командира, равняющейся съ самою большерослою лошадью; на ней-то началъ я берейторскую школу: какъ держать лошадь во фронтѣ, садиться на нее, сидѣть, держать и употреблять на ней оружіе. Скоро успѣлъ я научиться преподаваемому на деревянной лошади, такъ что ротный мой командиръ похвалилъ какъ фигуру всего тѣла моего, на деревянной лошади сидящаго, такъ и проворное искусство въ употребленіи палаша и пистолета. Это возродило во мнѣ самонадѣяніе, что я и на живой окажу такой же успѣхъ, какъ на деревянной, но въ самомъ дѣлѣ не такъ это было легко, какъ я воображалъ при похвалѣ на деревянной лошади. Въ полку, какъ новоформированномъ, выѣзженныхъ лошадей не было, почему я учился вмѣстѣ съ лошадьми, изъ коихъ мнѣ данъ былъ смирный и красивый, но претряскій конь. На немъ то я видѣлъ разность ѣзды противъ недвижимой лошади и я прежде, нежели сталъ, сидя на ней, вмѣсто палаша порядочно держать прутикъ, успѣлъ нѣсколько разъ содрать себѣ на шлюзахъ и выше оныхъ кожу, гдѣ сдѣлавшаяся болячка препятствовала не только ѣздить, но и ходить, одна молодость, хорошее здоровье и пособіе лекаря ускоряло времени мнѣ являться въ берейторскую школу. Неоднократное и частое возобновленіе растертыхъ на шлюзахъ ранъ начало было возрождать во мнѣ отчаяніе, что онѣ навсегда будутъ препятствіемъ мнѣ ѣздить, но какъ менторъ мой сказалъ, что ни одинъ ѣздокъ безъ подобныхъ моимъ ранъ не достигаетъ искусства кавалериста, то я потерялъ чувствительность боли и не пропускалъ ни одного манежа, хотя при нѣкоторыхъ изъ таковыхъ изъ растертыхъ ранъ наливалось по пол-сапога крови. Съ такимъ-то усиліемъ достигалъ я умѣнья ѣздить, въ чемъ уже и одобренъ былъ, но при всемъ томъ еще не заслужилъ одобренія одного Клименка, который говорилъ, что я хорошо ѣзжу по солдатски, но надобно умѣть ѣздить по офицерски, для чего и предложилъ мнѣ всматриваться въ ѣзду офицеровъ, кои въ то время переведены были въ нашъ полкъ изъ Кавалергардскаго: Сатиныхъ, Бешенцева, Диля, Жураковскаго, Шлиппенбаха; сей послѣдній былъ въ нашей ротѣ и, познакомясь съ дядею, принялъ меня къ себѣ и сообщалъ мнѣ своихъ свѣдѣній столько, сколь можно

было вмѣстить въ мое понятіе. Сей всѣми любимый офицеръ, изъявъ меня изъ общаго манежа, гдѣ я, слушая крикъ „держи фигуру, шлюзъ, носки къ лопаткамъ, каблуки вонъ“, долженъ былъ повторять что умѣю и затѣмъ упускать время учиться что еще умѣть долженъ. Онъ училъ меня на своемъ подъѣздкѣ, сообщая постепенно всѣ правила и фортели верховой ѣзды, даже и то—съ какимъ нравомъ лошади какъ поступать должно: пѣжно или средственно, строго или съ лѣнивою даже жестоко. Какъ держаться на рыси, галопѣ и карьерѣ, какъ при поворотахъ и заѣздахъ тихихъ и быстрыхъ и что въ каждомъ изъ тѣхъ случаевъ наблюдать должно. Благороднѣйшіе поступки Шлиппенбаха возродили во мнѣ столь сильное рвеніе къ достиженію познанія всего нужнаго конному исправному воину и навыку хорошо исполнять его обязанности, что я, занимаясь безпрестанно тѣми предметами на дѣлѣ и мысленно, многія ночи проводилъ безъ сна. Когда обозрѣвалъ сдѣланное въ прошедшее время, когда пріуготовлялъ что какъ долженъ я сдѣлать въ будущее, когда на пролетъ просиживалъ надъ уставами и военными описаніями и даже надъ полковыми приказами. Нерѣдко случалось, что я, ставши передъ зеркаломъ, чтобы повторить преподанное и сдѣлать собственными глазами повѣрку, точно ли все такъ хорошо я дѣлаю, какъ начальство и товарищи мои одобряютъ, нерѣдко проводилъ въ такихъ повѣркахъ напролетъ ночи, въ которыя не обязанъ былъ службою по ротѣ или взводу. Начавши повѣрку съ стоянья безъ ружья, потомъ съ опымъ, повороты, подходы съ рапортомъ или явку на ординарцы, но большее мое упражненіе было въ повѣркѣ темповъ ружьемъ и фехтовка палашемъ и шпагою. Такимъ образомъ достигъ я до того, что меня уже наряжали въ какой нибудь отличный караулъ, въ первые ординарцы, къ инспектору и къ губернатору (къ коему, не знаю почему-то, посылались тогда ординарцы), никого кромѣ меня не посылали. Сей почтенный генералъ полюбилъ меня до того, что удостоивалъ меня иногда быть участникомъ семейнаго стола его и тѣмъ познакомилъ со всѣмъ его семействомъ, изъ коего особенно ласкала меня супруга его и старшая дочь Катерина Ивановна, которую случай привелъ меня въ другомъ городѣ видѣть уже съ достойнымъ ея супругомъ П. М. П.... кимъ, окруженную премилыми дѣточками и которая, сдѣлавшись главою семейства, сохранила всѣ свои ангельскія

свойства, какія имѣла еще бывши только членомъ родительскаго семейства.

Попеченіе моего ротнаго начальника и Шлиппенбаха также и мое стараніе обратили па меня вниманіе всего полковаго начальства, черезъ которое стали было распространяться пріемы меня подобно губернаторскому и въ другихъ почтенныхъ семействахъ; но для родившагося претерпѣвать нужду и горести таковыя лестныя начала всегда бываютъ кратковременны, какъ призраки, съ которыми онъ, не успѣвъ порядочно обозрѣться, по неисповѣдимымъ судьбамъ долженъ невозвратно разстаться. Полкъ нашъ въ одно время съ другими расформировали. Генералъ Лендинеръ, прибывъ къ намъ и позволя подполковнику Каратаеву сперва выбрать людей и лошадей въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, который тогда именовался графа Салтыкова (всей кавалеріи инспектора), остальныхъ приказалъ назначить по спискамъ въ разные полки въ комплектъ и сверхъ онаго, Каратаевъ назначилъ въ числѣ прочихъ и меня въ свой полкъ и мою лошадь вмѣстѣ со мною, но когда узналъ, что я небогатъ, оставилъ и меня назначили въ Кирасирскій С. 3-го и симъ назначеніемъ разлучили меня со всѣми служившими со мною сосѣдами и прочими сотоварищами, съ которыми я до послѣдняго издыханія не желалъ разстаться. Сіе время было подножнаго корма; мнѣ пришлась очередь быть на отпасѣ, верстахъ въ десяти отъ города. Во время нахожденія моего тамъ назначено всѣмъ опредѣленнымъ въ С. полкъ выступить и слѣдовать въ оный, въ Курляндію; мнѣ дали знать поутру въ тотъ день, когда выступать, почему я, прибывши съ отпаса, нашелъ отрядъ, въ которомъ и я выступить долженъ, уже во фронтѣ, а вещи онаго на повозкахъ. Тщетно просилъ я ротмистра препроводить насъ назначеннаго, чтобы позволилъ мнѣ проститься съ отцемъ и догнать на первомъ ночлегѣ. Этотъ добрый офицеръ готовъ былъ исполнить мое желаніе, если бы не находившійся еще тутъ инспекторъ, при лицѣ коего мы тронулись съ мѣста. Почему мнѣ не только дожидать отца, не было время и свободы принести благодарность любившимъ меня начальникамъ, кои еще не разъѣхались къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Словомъ, ни съ кѣмъ не могъ проститься. Послѣ сего, ротмистръ, видя меня въ горестномъ состояніи и заплакавъ самъ, назначилъ меня къ обозу

и тѣмъ доставилъ возможность проститься съ дядею въ послѣдній разъ, ибо я послѣ того уже не видалъ его. Тутъ дядюшка увѣрилъ меня, что онъ уже далъ знать о выходѣ моемъ отцу моему, чтобы онъ догналъ благословить меня. Батюшка нагналъ меня въ одномъ изъ селъ фельдмаршала Каменскаго; родительская заботливость, обливающееся слезами лицо почтеннаго старца, воспоминаніе, что я изъ всѣхъ единокровныхъ съ однимъ имъ удостоился проститься, и предчувствіе, что это прощаніе послѣднее, довели меня до такого состоянія, что почтенный ротмистръ въ необходимости нашелся принять участіе въ горестной картинѣ нашего прощанія. Совѣтъ его, уповать на Бога, болѣе нежели сокрушаться, и обѣщаніе отцу моему принять на себя его обо мнѣ попеченія уменьшили нѣсколько горестныя страданія при разлукѣ отца съ сыномъ, но за всѣмъ тѣмъ невольно уже опустились руки наши, прижимавшія насъ другъ къ другу. Отецъ мой, какъ хотя небогатый, но высокой честности дворянинъ, при благословеніи, поруча меня Промыслу Божію, завѣщалъ мнѣ быть также, какъ онъ, честнымъ, усерднымъ и вѣрнымъ слугою государя, осторожно выбирать друга, а выбравъ, быть ему вѣрнымъ, какъ самъ себѣ, и чтобы я заслужилъ у новаго своего начальства такое же расположеніе, каковымъ удостоивало меня прежнее.

Не взвидѣлъ я свѣта, когда отрядъ нашъ тронулся съ мѣста, а отецъ мой поворотилъ повозку назадъ. Оглядывался, спотыкался и, напослѣдокъ, когда уже сокрылся отъ взора моего батюшка, я пустился съ однимъ изъ переведенныхъ со мною впереди всего отряда и непримѣтно отдалился отъ него на большое разстояніе. Ротмистръ, въ колескѣ нагнавъ меня, посадилъ съ собою, чтобы разговорить меня, но я не могъ ни о чемъ судить, какъ прежде, почему, на первомъ послѣ того привалѣ, выпросился паки идти впереди отряда. Такимъ образомъ, продолжая нѣсколько переходовъ безъ привычки къ продолжительной ходьбѣ, я не примѣтилъ, какъ у меня начали пухнуть ноги, а увидѣлъ уже тогда, когда просторные мои сапоги стали мнѣ тѣсны до нестерпимости. Узнавъ о семъ, ротмистръ взялъ меня въ коляску и, довезя до дневальныхъ квартиръ, велѣлъ истопить баню, самъ (почтенный и достойный высшаго начальства) лично распоряжалъ врачеваніе ногъ моихъ и, напослѣдокъ, растерши

спиртомъ, велѣлъ обвязать ветошками, въ которыхъ, повторяя растираніе и примочку, везъ меня съ собою нѣсколько переходовъ, пока я почувствовалъ совершенную возможность идти. Благодѣтельный ротмистръ, чтобы не дать мнѣ воли, идя впереди и сворачивая въ стороны для разсматриванія травъ, дѣлать лишніе противъ другихъ шаги и тѣмъ паки подвергнуть ноги мои еще худшимъ послѣдствіямъ, онъ сдѣлалъ меня главнымъ начальникомъ, на пути, отряда и тѣмъ заставилъ меня идти въ своемъ мѣстѣ и смотрѣть, чтобы и прочіе изъ своихъ мѣстъ не выходили. Съ того времени до нынѣ не чувствовалъ я усталости ногъ своихъ.

Въ продолженіе похода, пришлось намъ проходить брянскіе лѣса, гдѣ удивлялись, находя дубовые и ясневые пни, на которыхъ большаго роста кирасиры, положа темя у края, другой едва доставали ногами. А потомъ достигли и въ самый Брянскъ, гдѣ осматривали, недалеко отъ города отстоящій, Сивинскій или Свинскій монастырь, пушечный заводъ и рѣку Десну, которая тамъ еще не велика. Впрочемъ, идя до сего мѣста, недалеко отъ Трубчевска, солдаты между травами находили ту, коей корень совершенно ясно изображаетъ двѣ человѣческія правыя руки, во весь охватъ одна другую, приложа ладонь къ ладони, охватившія. Потомъ пришли въ историческій Смоленскъ поздно, а вышли рано, почему успѣлъ я замѣтить, входя, низменный каѳедральный соборъ, а выходя—крѣпостную кирпичную стѣну, коей подобной еще до того не видывалъ. Протекающая тутъ р. Днѣпръ напомнила мнѣ мысль: не отсюда-ли начинали плаванія въ Кіевъ Олегъ, Диръ, Аскольдъ и проч. Потомъ вступили въ Бѣлоруссію, тогда мнѣ показавшуюся и теперь кажущуюся унылѣйшею изъ всѣхъ странъ и мѣстъ Россіи; тутъ, впервые, увидѣлъ я плетеные калачи, жидовъ, поляковъ и проч., особенно въ Витебскѣ смѣсь сія представилась мнѣ въ большомъ видѣ. Въ сей городъ вступилъ я, не имѣя обыкновенной веселости, какъ будто предчувствовалъ, что я, во всю бытность въ немъ, не разстанусь безъ непріятности; въ самомъ дѣлѣ, такъ и сбылось. Въ этотъ разъ получилъ я въ Витебскѣ первый въ службѣ моей выговоръ, хотя онъ болѣе похожъ былъ на совѣтъ пріятельскій, за неопытность мою въ смотрѣніи за командою. Вступили мы въ этотъ городъ довольно поздно, на другой день

дневали, осматривали каѳедральный и прочіе костелы, мѣстоположеніе города и окрестностей; все шло должнымъ порядкомъ; наступила ночь, послѣ которой, рано, мы должны оставить Витебскъ и всѣ провели оную покойно. Но одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, занимавшій прежде должность, мною уже исполняемую, человѣкъ лѣтъ тридцати, живой, опытный и свѣдущій въ какихъ городахъ кто гдѣ живетъ, умѣющій скоро сводить знакомство вездѣ и со всякимъ, воспользоваться и въ Витебскѣ сими и прочими своими дарованіями, и какъ для того время дневки показалось ему не вполнѣ удовлетворительнымъ, то онъ, сказавшись больнымъ, выступилъ изъ города съ обозомъ и, отойдя нѣсколько верстъ, сѣлъ на дожидавшуюся его тутъ тройку, самимъ же имъ нанятую, воротился въ городъ, съ предположеніемъ, проведя тамъ по своему желанію день и ночь, а передъ разсвѣтомъ прикатить въ мѣсто нашего ночлега, въ чаяніи, что его до того времени не хватятся. Но на самомъ дѣлѣ сбылось не такъ. Ротмистръ нашъ, по дѣламъ, оставался на нѣсколько часовъ въ Витебскѣ, въ которомъ стоялъ тогда, не помню какой, пѣхотный полкъ и занималъ карауломъ заставы, гдѣ воротившійся мой сослуживецъ сказалъ, что ѣдетъ съ нужнымъ донесеніемъ къ ротмистру. Это было еще до вступленія новаго караула, почему, изъ смѣнившагося, одинъ офицеръ, увидясь съ ротмистромъ, спрашивалъ его: „какое нужное донесеніе привезъ вамъ пріѣхавшій на тройкѣ изъ вашей команды?“ Ротмистръ, сообразя время, въ которое, по словамъ того офицера, проѣхалъ назвавшійся посланнымъ къ нему, съ тѣмъ, въ которое онъ ему сказывалъ и до котораго посланный успѣлъ бы явиться, почелъ, что офицеру тому съ заставы донесли невѣрно, а потому, окончавши свои дѣла въ городѣ, выѣхалъ оттуда, не обратя вниманія на сказанное ему офицеромъ. Догнавши меня съ командою на походѣ, вмѣсто обыкновеннаго его ко мнѣ ласковаго вопроса о состояніи команды, первое отрывисто спросилъ: „всѣ-ли люди на лицо?“ Перемѣна его голоса и то, что я, послѣ выступленія изъ города, на семъ переходѣ не повѣрялъ, всѣ-ли они на лицо, смѣшали нѣсколько меня и я ничего не могъ отвѣчать, кромѣ, какъ просить позволенія оставить команду и сдѣлать повѣрку. Люди, шедшіе, всѣ оказались на лицо, а между ѣхавшими по болѣзни на повозкахъ не оказалось хвата, возвратившагося въ Витебскъ

съ донесеніемъ въ недополненное свое удовольствіе, а солдаты, на вопросъ, для чего не сказали они о возвратѣ его мнѣ, отвѣчали, что онъ и имъ сказалъ ту же причину, которую на заставѣ. О прочихъ случаяхъ, въ какихъ и отчего происходили въ Витебскѣ мнѣ непріятности, гдѣ придется, разскажу такъ же, какъ и о семъ первомъ.

Послѣ того прибыли мы въ Полоцкъ, гдѣ, побывавъ въ знаменитомъ тогда тамошнемъ костелѣ, ротмистръ водилъ меня въ состоявшую при немъ академію, въ коей показывали намъ физико-математическіе инструменты, со всею ихъ многостію и разнообразностію по фигурамъ и предметамъ ихъ употребленія, въ томъ числѣ трехъ различныхъ фигуръ электрическія машины и четвертой—гальваническую. Посмотрѣвъ сего, ротмистръ обратился къ монахамъ съ просьбою показать ему мѣсто, гдѣ былъ дворецъ Рогвальди, въ которомъ родилась Рогнѣда. Но сіи Іезуитскаго ордена монахи, показавъ ему высокую степень своей учености, не могли удовлетворить сего историческаго вопроса. Въ Динабургѣ тогда еще не была нынѣ знаменитая крѣпость. Отсюда начали въ глазахъ нашихъ нестрѣть лифляндскихъ рыцарей замки и, проходя городки и мѣстечки, при Двинѣ состоящіе, постепенно увеличивался въ слухѣ, непонятный мнѣ, лифляндскій языкъ. Напослѣдокъ, въ Крейцбургѣ, вступили мы въ квартиры полка, въ который по назначенію добирались служить. До сего времени видѣли мы замки издали, а здѣсь, Корфовъ, уже вблизи, удивляясь могуществу частнаго человѣка соорудить такую громаду, которая и въ государственныхъ издивеніяхъ была бы не малозначуща. Изъ дѣтей владѣльца сего замка, одинъ довольно охотно изъяснялся по русски; съ перваго раза обласкавъ меня, продолжалъ такое ко мнѣ расположеніе во все время квартированія нашего въ Якобштадтѣ, въ который часто пріѣзжая, всегда сыскивалъ случай видѣться со мною; хотя бы я былъ на ученьи или въ караулѣ, приглашалъ всегда къ себѣ въ замокъ, хотя я и не имѣлъ на то другаго времени, какъ только будучи на ординарцахъ у шефа, который былъ упрошенъ всегда, когда будетъ посѣщать замокъ, имѣть меня ординарцемъ при себѣ и тѣмъ доставить мнѣ случай бывать въ замкѣ у того молодаго человѣка, который туне ласкалъ меня. Ибо я по нѣмецки не зналъ ни слова и онъ, при объяснепіи съ его семьянами, припималъ на себя трудъ быть моимъ переводчикомъ

На другой день по приходѣ нашемъ въ Крейцбургъ всѣхъ людей нашей команды распредѣлили по ротно, гдѣ они сдѣлали пестроту между палевыми воротниками своими и синими, и удивлялись ей, пока не прибавили еще больше прибывшіе изъ разныхъ расформированныхъ полковъ съ оранжевыми, фіолетовыми и другихъ цвѣтовъ воротниками. Насъ же, юнкеровъ и унтеровъ, также грамотныхъ изъ кирасиръ, представили въ шефскую квартиру, гдѣ велѣли каждому что-нибудь написать. Меня, потому-ли, что я лучше другихъ писалъ, или потому, что написалъ я полный титулъ шефа, опредѣлили въ шефскую роту и велѣли быть въ канцеляріи для письма скопившихся къ тому времени вѣдомостей формулярныхъ всего полка штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и прочихъ нижнихъ чиновъ и для того, чтобы я пріучался къ порядку бумажныхъ дѣлъ полковой канцеляріи; а чтобы я не отсталъ, затѣмъ, отъ фронтовой службы, для того велѣно мнѣ очередоваться съ моими сверстниками въ караулахъ ординарцахъ и не пропускать ни пѣшаго, ни коннаго ученія, а чтобы побольше чего нибудь сдѣлалъ въ канцеляріи—велѣно сѣдлать и разсѣдлывать мою лошадь и чистить все на мнѣ и на лошади моей во фронтѣ бывавшее. Сверхъ того, былъ я назначенъ быть всегда готовымъ явиться на ординарцы къ какому нибудь пріѣзжему генералу. При помощи Всемогущаго все, что я, какъ волъ, тянулъ, чѣмъ и въ этомъ полку впослѣдствіи пріобрѣлъ многихъ начальниковъ хорошее ко мнѣ расположеніе, исключая одного, изъ прусской службы поступившаго, Ш. О., который не любилъ меня за мое свѣжее и нѣсколько смазливое лицо и всегда утверждалъ, будто бы я занимаюсь собою, чего во мнѣ никогда не было и если казалось ему что-либо на то похожее, то, кажется, не иное что, какъ задумчивость моя, возрожденная прежними горестными событіями и происходящими отъ нихъ послѣдственными обстоятельствами. Ибо всѣ, любуясь моимъ служеніемъ и всею моею наружностію, никто не обратилъ взора на состояніе моего сердца, а потому и не знали, какъ оно раздиралось при невозможности удовлетворить не глупымъ прихотямъ, но единственно службою требующимся необходимостямъ. Никто не зналъ, сколько я мучился, будучи безсмѣннымъ ординарцемъ, дабы во всемъ оправдать удостоеніе начальства. Одежда и обувь моя хотя дѣлалась, по приказанію начальства, изъ лучшаго

матеріала и съ лучшимъ противъ другихъ мастерскимъ искусствомъ, но часто, приходя къ срочному на перемѣну времени, дѣлалась неблагоприличною на моемъ мѣстѣ ординарцу, который, не смотря ни па что, обязанъ во всемъ оправдать выборъ на сей постъ начальства своего. Изъ пятидесяти рублей, данныхъ мнѣ при прощаньи отцемъ моимъ, мнѣ не хотѣлось начать до производства въ офицеры. Теперь каждый можетъ судить, какъ я могъ удержаться на хорошемъ замѣчаніи начальства при семи рубляхъ въ треть или 21 въ годъ и притомъ не потерять благороднаго онаго со мною обращенія, коимъ оно меня, по наружности, удостоивало. Король прусскій жаловалъ иногда своихъ недостаточныхъ чиновниковъ для содержанія ихъ одними мѣстами безъ жалованья, но у насъ въ полку искательство постороннеи къ жалованью прибавки, подъ названіемъ за труды, кромѣ законнаго запрещенія, считалось самою мерзѣйшею подлостью. Сіе и природная моя неспособность извлекать подобными средствами свои пользы заставляли меня распоряжаться своими семью рублями возможно внимательнѣе и разсчетливѣе, чтобы достало на все необходимое въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ: мыло, пудру, шпильки, ваксу и проч.

Изъ Якобштадта полкъ нашъ два раза ходилъ черезъ Митаву и Голдингенъ, первый—до Ренень мызы, а второй—до мызы Альтшванепъ. Въ двукратномъ семъ походѣ и возвращеніяхъ въ Якобштадтъ внѣ городовъ для нижнихъ чиновъ и лошадей не было другаго помѣщенія, какъ въ ригахъ, при мызахъ состоящихъ, которыя у тамошнихъ помѣщиковъ такъ устроены, что доставляли своимъ постояльцамъ спокойствія и квартирныхъ удобностей болѣе, нежели городовыя квартиры. При одной изъ таковыхъ мызъ, принадлежащей графу Палену, видѣлъ я рѣку, коей поверхность воды сажени на полторы выше прилегающихъ къ ней съ обѣихъ сторонъ сѣнокосовъ и пашенной земли, а на концѣ такого ея теченія—о нѣсколькихъ поставахъ мельница, ниже которой она впадаетъ въ обыкновенные берега. Рѣка сія составлена изъ болотныхъ мочажинъ, на которыхъ вода, стекаясь въ прокопанные канальцы, составляла въ нихъ ручейки, текущіе по тѣмъ канальцамъ, направленнымъ къ соединенію съ прочими, съ разныхъ сторонъ веденными, и по мѣрѣ увеличиванія отъ соединенія протоковъ расширенные и углубленные для

безпрепятственнаго теченія; на мѣстахъ же, которыя на пути къ проведенію теченія сихъ ручьевъ случались ниже тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя уже ручьи протекли и протекать должны, сдѣланы каналы изъ двухъ насыпныхъ валовъ, между каковыми уже и рѣка, такимъ образомъ составленная, доведена до мельницы, при мызѣ устроенной. Рѣка сія напомнила мнѣ Голландію, по описанію только видѣнную, и обратило вниманіе на дѣятельность человѣковъ, съ какими усиліями они изыскиваютъ средства обратить безполезное въ полезное. Рѣкою сею осушено большое пространство, болотами занятое, теперь все оно сдѣлалось удобнымъ къ засѣву хлѣбомъ, травою и лѣсомъ.

Въ Митавѣ въ первый разъ увидѣлъ я дворецъ при гнилой рѣкѣ Аа и башню, на которой вмѣсто кровли устроенъ былъ отводъ громовыхъ ударовъ; а подлѣ Гольдингена, на рѣкѣ Виндавѣ, водопадъ, который показался мнѣ превосходящимъ всѣ въ романахъ и путешествіяхъ выше истиннаго состоянія расписанъ, потому что я тѣхъ не видалъ, а читанное о нихъ казалось мнѣ не вполнѣ вѣроятнымъ. Въ первомъ походѣ полкъ нашъ, простоявъ послѣдніе три дня страстной недѣли, въ Свѣтлое Воскресенье, отправя въ расположенной въ господскомъ домѣ полковой церкви богослуженіе, до свѣта разговѣлись и съ первыми лучами солнца выступили въ походъ. Въ сей мызѣ я узналъ, что нѣсколько сотъ человѣкъ, однимъ случаемъ, въ одно время, всѣ въ одинаковой степени могутъ быть разсержены. Это случилось съ нашими кирасирами. Они наканунѣ праздника вычистились, приготовились встрѣтить опый, вдругъ получается повелѣніе наказать шпицрутеномъ одного къ тому присужденнаго уже не въ первый разъ. Какъ только они къ тому построились, вдругъ пошелъ пресильный дождь, который все, самымъ лучшимъ образомъ вычищенное: одежду, аммуницію и оружіе перемочило и какъ это было уже подъ вечеръ, то и вычистить снова до заутрени, раньше обыкновеннаго для объявленнаго въ походъ выступленія—начать назначенный, время оставалось совершенно недостаточно,—все сіе произвело то, что наказываемый, получа только треть ему опредѣленнаго, отправился въ лазаретъ и потомъ, не захотя служить съ огорченными имъ, отправился въ ту армію, въ которой ни мундира, ни оружія и никакой солдатской принадлежности ни чистить, ни хранить не надобно,

въ караулъ парядовъ нѣтъ, ученья не бываетъ, походовъ также, а главное преимущество въ томъ, что тамъ нѣтъ ни плетешковъ, ни косъ, ни пудры, ни пуколь, которыя тогда здѣсь составляли главную заботу.

Какъ походовъ нашихъ были причины—приближеніе къ берегу Балтійскаго моря, то мы дошли до мызы Альтшванснъ, недалеко отъ того берега состоящей, и впредь до повелѣнія остановились. Тутъ намъ повелѣніемъ объявлены—кончина государя императора Павла I-го и восшествіе на престолъ Александра I-го. Тутъ же я замѣтилъ, что и предчувствіе какого-нибудь важнаго событія можетъ быть общимъ такъ же, какъ гнѣвъ, однимъ случаемъ во всѣхъ возрожденный. Задолго предъ полученіемъ того повелѣнія старые кирасиры начали другъ другу говорить: „отъ се шось таке сердце мое чуе, тылько не каже шо, радость или тугу?“ Событіе объяснило ихъ предчувствіе и они, вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, всѣ безъ изъятія оросили слезами только что показавшуюся изъ земли травку въ находящейся при киркѣ той мызы земляной крѣпостцѣ, въ которой императорамъ дѣлали: усопшему поминовеніе, а восшедшему на престолъ присягу; то и другое, особенно первое, сопровождалось ручьями слезъ старыхъ офицеровъ и солдатъ, которые лучше насъ, молокососовъ, чувствовали важность сего событія. Изъ сего-то мѣста, мы, выпрося позволеніе, ѣздили посмотрѣть на море. Благоразумное начальство, принявъ въ уваженіе, что видѣвшимъ море на бумагѣ полезно видѣть и въ самой вещи, уволило насъ для просимаго любопытства. Когда мы прибыли туда и съ возвышеннаго берега увидѣли, что мы еще далеко отъ морской воды отдѣляемся низменною песочною плоскостью, пустились было къ самой водѣ, но случившійся тутъ латышъ, на своемъ языкѣ, который мы почти всѣ нѣсколько понимали, закричалъ, чтобы мы воротились. Презрѣли бы вопль его, къ сохраненію насъ относившійся, и погибли, если-бы не случился между нами офицеръ, видѣвшій дѣйствія Чернаго моря. Едва возвратились мы на возвышенность, то латышъ показалъ намъ на море, гдѣ корабль, со всѣми надутыми парусами, какъ нырокъ, изъ-за валовъ то показывался, то опять за онѣми отъ глазъ нашихъ скрывался, оставляя въ виду нашемъ одни верхніе паруса. Гдѣ мы стояли было тихо, а потому, засмотрясь на невидальщину, не видали, какъ морская вода

затопила уже болѣе половины той отлогой плоскости, которая насъ съ водою раздѣляла и, черезъ нѣсколько секундъ затопя всю, начала ударять валами въ ту возвышенность, на которой мы стояли.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля велѣно намъ возвратиться въ Якобштадтъ, въ которомъ я преобразовывался и переименовывался. Пришедши въ него, назывался унтеръ-офицеромъ и носилъ, между палевыми, синій воротникъ, потомъ стали называть меня юнкеромъ и вскорѣ потомъ сдѣлался я одноличкою съ прочими, въ палевомъ воротникѣ, потомъ еще послѣдовала переименовка: къ юнкерству моему прибавили предыдущее—эстандартъ, потомъ, въ кирасирскомъ мундирѣ, сталъ именоваться драгуномъ. Въ Якобштадтѣ же случилось мнѣ видѣть осужденнаго уголовнымъ порядкомъ на казнь безсловеснаго. Одинъ поводильщикъ, походя по городу съ медвѣдемъ, привязалъ его на постояломъ дворѣ, а самъ загулялъ. Мальчишки, приходя къ медвѣдю, одни кидали ему хлѣбъ, другіе камнями старались попасть въ кольцо, закованное у него чрезъ нижнюю челюсть, или какую-либо часть головы его; изъ послѣднихъ одинъ, мѣткій, попалъ ему во что-то нѣжное такъ, что тотъ рявкнулъ. Производимыя безпрепятственно надъ нимъ шалости доставили имъ смѣлость приступать къ медвѣдю поближе, а какъ успѣхъ производитъ геройство, то и попавшій въ нѣжное мѣсто мальчикъ получилъ смѣлость ближе прочихъ приступать къ медвѣдю и даже обѣщать товарищамъ погладить его. Послѣ чувствительнаго удара, симъ мальчикомъ нанесеннаго камнемъ, медвѣдь не разумѣлъ, что онъ уже не бить, а ласкать его приближается, предупредилъ его въ томъ намѣреніи тѣмъ, что, поворотя назадъ, далъ ему лапою шлепка по тому мѣсту, по которому матери дѣтей своихъ за малыя вины ладонью шлепаютъ, но только не соразмѣрилъ шлепка сего съ возрастомъ мальчика, что сей, отлетѣвъ нѣсколько, упалъ съ перевихнутою спиною; потомъ мальчикъ сей, чувствуя обиду, что медвѣдь осмѣлился ударить его, отцемъ и матерью ни за что не наказываннаго, вскорѣ отбылъ съ сего свѣта. Поводильщикъ, услыша о томъ, какъ кажется, скоро вытрезвился и скрылся изъ сего города, а, можетъ быть, и свѣта, а медвѣдь безъ адвоката предался дѣйствіямъ правосудія; полиція явилась на мѣстѣ преступленія товарищей ушибленнаго мальчика, видѣвшихъ самое

событіе, отцы и матери въ свидѣтели не пустили—сказали, что они при томъ не были и ничего видѣть не видали и слышать не слыхали, а хозяева дома и въ самомъ дѣлѣ съ кѣмъ тотъ мальчикъ былъ—не видали и медвѣдь-ли перешибъ ему спину или самъ, спрыгнувъ откуда, повредилъ ее—не знали. Почему слѣдователямъ осталось доискиваться истины у одного медвѣдя. Строжайшему допросу подвергнутъ былъ медвѣдь, но ничего не могъ объяснить, только кланялся. Упорное его молчаніе навлекло на него вину въ убійствѣ и запирательствѣ. Его осудили разстрѣлять. Въ одно прекрасное утро за городомъ, на ровномъ мѣстѣ, утвердили въ землю столбъ и приковали къ нему конецъ цѣпи, отъ челюсти медвѣдя протягивающейся. Послѣ обѣда многіе изъ жителей города собрались на томъ мѣстѣ, по большей части съ ружьями. Медвѣдь имъ всячески кланялся, поднимаясь на заднія лапы, и съ размаху ударялся лбомъ въ землю и даже перекувыркиваясь черезъ голову, какъ будто испрашивалъ помилованія, но тщетно. Одна, издали впрочемъ, прекрасная и преловкая женщина первая влѣпила ему пулю въ лѣвую переднюю лапу. Онъ, поднявшись на заднія лапы, схватилъ рану зубами, а потомъ паки поклонился; между тѣмъ, влѣпили ему еще, можетъ быть, не одну пулю. Несчастное животное взвилось на заднія лапы, заревѣло и стало прямо противъ стрѣлявшихъ, какъ будто просило скорѣй произвесть казнь его и тѣмъ прекратить его страданіе. При семъ-то случаѣ я на опытѣ дознался, что напрасно пишутъ, яко-бы воины хладны ко всему, жалости достойному. Изъ нихъ у многихъ видѣлъ я при семъ случаѣ слезы, тогда какъ у гражданъ и гражданокъ—ни у кого. Послѣдняя просьба медвѣдя была уважена, залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, кажется, раздробившій выставленную имъ грудь и проч., повергъ его долу и онъ издохъ, можетъ быть, завѣщая хозяину своему скорѣй за нимъ послѣдовать. Подобное происшествіе, задолго еще предъ симъ, случилось мнѣ слышать въ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ осуждено было зарыть въ землю живаго быка за то, что онъ забодалъ до смерти мальчишку или дѣвченку, или изъ взрослыхъ того или другаго пола, не помню. У быка за рога привязаны были на обѣ стороны веревки, за которыя держали по нѣскольку человѣкъ, такъ вели его до приготовленной ямы. Быкъ шелъ спокойно, не рвался никуда и даже

не оглядывался, но когда приближались къ ямѣ, то онъ, увидя, уперся, мгновенно глаза его налились кровью, онъ высунулъ языкъ и заревѣлъ. Хотя вообще всѣхъ, малыхъ и большихъ, изъ рогатаго скота голоса не пріятны, но они, какъ прослушанные, сдѣлались слуху нашему сносны; но въ ревѣ сего быка при ямѣ слышались въ смѣси всѣ голоса рогатаго и прочаго скота и даже какъ будто визжаніе собакъ, почему видъ его и ревъ произвелъ на всѣхъ видѣвшихъ такой ужасъ, каковаго я въ жизни еще нигдѣ не видалъ и не слыхалъ, и видѣть не желаю.

Въ Якобштадтѣ же выдержалъ я первую осаду сватанья. У главнаго полковаго начальника, т. е. Ш., была племянница, молодая и проворная дѣвушка, выросшая при дядѣ въ походахъ противъ черкесъ. Она каждый день видала меня у своего дяди, иногда по нѣскольку разъ въ день, ибо я обязанъ былъ приходить иногда вмѣсто адъютанта съ бумагами. Собственное-ли ея было жланіе или разсчеты дяди ея, только предложеніе сіе мнѣ сдѣлать поручено было одной изъ полковыхъ, которая, расписавъ мнѣ назначенное въ приданство, и что дядя ея хочетъ искать штатской службы, въ которой и меня при себѣ помѣститъ, между прочимъ, разсказала, что онъ, съ самаго въ нашъ полкъ прибытія, послѣ моего чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ случившагося, обратилъ взоры племянницы на меня: „какъ не знаешь?—черноволосый, бѣлое, продолговатое лицо, часто бываетъ на ординарцахъ, да уже не разъ былъ съ нами за столомъ“. Неожиданность сія поставила меня въ довольно затруднительномъ положеніи, что̀ сказать на начальничье предложеніе противъ желанія? Я сперва сказалъ, что посовѣтуюсь съ ротнымъ командиромъ, который тогда у насъ былъ маіоръ С., выдержавшій военный огонь, съ изрубленными щеками, да и сердечушко его, крылатый шалунъ, не разъ, можетъ быть, щелкалъ своимъ пернатымъ орудіемъ; напослѣдокъ вспомня, что я, какъ отъ огня, штатской службы бѣжалъ въ военную, при всѣхъ къ тому препятствіяхъ недостатка, сдѣлалъ уже рѣшительный отпоръ: что я, не бывши въ сраженіи, жениться не намѣренъ. Это было, не помню, въ какой-то праздникъ и день, еще наканунѣ выпрошенный мною съ товарищами для свободы посмотрѣть, какъ двинскіе байдаки (водоходныя суда) съ быстротою полета птицы, проплываютъ быстрину Двины ниже Якобштадта, на нѣсколько

верстъ усѣянную подъ и над-водными огромными кампями, между коими двинская вода гдѣ, подобно ужу, между хворостинникомъ проползающему, изгибаясь въ разныхъ направленіяхъ, тѣснилась, а гдѣ, подобно дыму въ воздухѣ, клубилась. Почему я, сдѣлавъ отпоръ свахѣ, пошелъ въ числѣ паряженныхъ въ церковный парадъ въ находящійся при самомъ городѣ мужской греко-россійскій монастырь, а оттуда, выпросясь у начальника парада, прямо пустился съ товарищами моими къ тому мѣсту, которое давно видѣть хотѣлось. Версты три или четыре отошли мы ниже города и съ возвышеннаго берега или протянувшейся около рѣки горы видѣли, съ какимъ искусствомъ или, лучше сказать, навыкомъ, съ малолѣтства сдѣланнымъ, кормчіе проводятъ суда чрезъ сіе мѣсто, на которомъ вправо, влѣво и напереди опасности, при малѣйшей неразсчетливости кормчаго, могущихъ перепрокинуть или даже раздробить проводимое имъ судно. Хотя, по тогдашней моей молодости, я на подобные виды или дѣйствія только смотривалъ, а не думалъ, но на сіе обратилъ все свое ограниченное вниманіе; меня удивляла разсчетливость кормчаго, гдѣ когда начать дѣйствовать гребками, на которой сторонѣ, у носа суда или у кормы, носовымъ или кормовымъ рулемъ, дѣйствовать налѣво или направо и много или мало заносить оные. Въ это время съ проводимаго такимъ образомъ судна слышенъ только шумъ гребковъ, скрипъ рулей и голосъ кормчаго, прочіе всѣ какъ нѣмые и безгласные или частицы машины, при прибавкѣ воды или вѣтра дѣйствующія; у всѣхъ одни только глаза и одинъ языкъ кормчаго, при малѣйшей ошибкѣ того все: труды, стараніе усильно работающихъ, судно и грузъ онаго все погибаетъ. О сватовствѣ я никому ни слова даже и М. С., котораго въ отказѣ свахѣ именовалъ моимъ совѣтникомъ, но какъ онъ и прочіе съ другой стороны все узнали, то я, вспомня пословицу: шила въ мѣшкѣ не утаишь, до крайности, однако-же, сѣтовалъ на сваху, которая имѣла неосторожность повѣренное ей сообщить кому-то, а тотъ еще кому-то и т. д.; по всему полку слухъ разнесся о начинаніи, событіемъ не увѣнчавшемся, которое и самъ поручитель желалъ бы предать забвенію, какъ сонъ, никому не разсказанный, и которое таковое огласкою могло бы взродить непріятности, если бы не извѣстна была

самому ему скромность моя и не открылось вскорѣ, откуда взявшись разнеслось всюду эхо о семъ.

До сего нападенія сватовственнаго я, обратя все мое вниманіе и дѣятельность на познаніе моихъ различныхъ по службѣ обязанностей, старался ихъ узнать и затвердить, чтобъ быть во всемъ если не лучше, то, по крайней мѣрѣ, не хуже другихъ, а потому все, что относилось къ служенію Богу, у меня нѣсколько ослаблено. Но послѣ сего событія я вспомнилъ, какъ нѣкоторые изъ кираспръ грамотные и ночью, молясь по книжкѣ, читали молитвы и всѣхъ таковыхъ жизнь и служба текла безъ непріятностей, я рѣшился и пріобрѣлъ себѣ молитвенникъ, который напомнилъ мнѣ и обязанности христіанина, которыя я училъ по Платонову катихизису и которыя безъ вниманія до того слушивалъ въ проповѣдяхъ, въ церквахъ говоренныхъ. А посему я паки началъ соблюдать все, къ религіи относящееся, что только возможно было; и какъ ясно увидѣлъ, что дѣла человѣческія только тѣ прочно полезны, коимъ начинаніе производится, призывя благословеніе Божіе, жизнь и дѣла мои получили прежнее успѣшное и по желанію моему теченіе, пока я паки не выпустилъ кое чего къ сему предмету относящагося, то есть, нѣсколько ослабѣлъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ другой разъ прибылъ къ намъ, одиннадцати или двѣнадцати кавалерійскихъ полковъ, инспекторъ Г. Л. А. С. К., котораго вся инспекція любила какъ благодѣтельнѣйшаго начальника. Онъ объявилъ намъ перемѣну непремѣнныхъ нашихъ квартиръ и походъ въ Лубны. Изъ сего похода я ничего не помню, потому что я, надѣясь на веденныя мною записки (которыя при выступленіи въ 1803 году за границу попали вмѣстѣ съ отданными, не помню въ какомъ-то городѣ, старыми и излишними полковыми дѣлами), не старался затверживать въ моей памяти, почему теперь только помню брусничный на горѣ садъ подлѣ Кролавки Гр. П. и Черниговъ, потому что тамъ я увидѣлъ въ первый разъ, вышедъ изъ возрастившаго меня города, архіерейскую службу и пѣвческую, рѣдкую изъ архіерейскихъ; да еще то помню, что съ сего мѣста начали напоминать нижнимъ чинамъ осторожно употреблять малороссійское изобиліе плодовъ и овощей, особенно дынь, и еще въ Нѣжинѣ въ первый же разъ увидѣлъ я какъ греки курили табакъ изъ одной трубки нѣсколько человѣкъ въ одно время и сіе забавляло насъ

тѣмъ: въ графинѣ, въ которомъ утверждена сверху общая ихъ трубка, а въ бока чубуки, вода булькала какъ на сильномъ огнѣ въ металлическомъ сосудѣ.

Наконецъ, достигли непремѣнныхъ квартиръ нашихъ, изъ коихъ первыя были Прилуки, гдѣ остановился эскадронъ полковаго командира полковника Ребиндера, а прочіе тянулись еще далѣе и главная или штабъ-квартира въ Лубны. Тутъ я уже не затруднялся въ объясненіи съ жителями на малороссійскомъ языкѣ, такъ какъ въ Курляндіи на нѣмецкомъ и латышскомъ, изъ коихъ первый я зналъ, что могъ знать не докончившій курсъ въ народномъ училищѣ, а послѣдняго и не слыхивалъ до прибытія въ Курляндію. Не было также надобности ознакомливаться съ обычаями блаженной Малороссіи. Все было предсказано на походѣ отъ Якобштадта до Лубенъ, потому что нашего полка нижніе чины почти всѣ малороссіяне, да и офицеры, большая половина, были малороссіяне, изъ коихъ одинъ за другимъ описывая свою родину, загодя съ нею познакомили и насъ, великороссійцевъ, коихъ было не болѣе семи офицеровъ и со мною этандартъ-юнкеромъ, да человѣкъ около пятидесяти нижнихъ чиновъ, поступившихъ изъ рижскаго гарнизоннаго Булгакова полка. Задолго еще до прибытія туда, воображенію русаковъ представлялась гостепріимная картина малороссійскихъ завтраковъ, въ коей разрисовывались на столѣ въ одномъ отдѣленіи многіе графины съ разноцвѣтными и разновкусными настойками и до нынѣ славящеюся запеканкою, а въ другомъ съ паливками разныхъ произведеній натуры, коими она осыпала Малороссію, прочая же площадь обширнаго стола представлялась вся уставленной различной фигуры сосудами хрустальными, фарфоровыми и фаянсовыми съ разновкусными сырами, вяленымъ и копченымъ мясами пернатыхъ и четвероногихъ и колбасъ и въ томъ числѣ національная закуска: ветчинное сало, которое сослуживцы наши нѣмцы считали излишнимъ при такомъ собраніи различныхъ закусокъ до того времени, пока на самомъ дѣлѣ признали его и по своему вкусу пріятнѣйшимъ противъ многихъ закусокъ. Сія картина, еще въ прохожденіе наше скудной Бѣлороссіи, какъ-будто доставляла уже намъ запахъ свой, тѣмъ приправляла ограниченныя яства, какія можно было имѣть въ Бѣлороссіи. По прибытіи же радушные малороссіяне, принимая земляковъ своихъ нашего полка, непри-

мѣтно и пасъ, москалей, вовлекли въ связь возсущественную между ними. Ознакомившись такимъ образомъ и осмотрясь нѣсколько, мы, москали, и даже нѣмцы стали сравнивать видѣнныя нами страны Россіи съ сею страною и какую находили разность превосходства въ изобиліи противъ прочихъ, особенно въ то въ концелѣтнее время, въ которое мы туда прибыли. Три копы ($1^1/_2$ ф.)—четверть ржаной муки, вмѣсто курляндскихъ пятнадцати рублей, 25 копѣекъ гусь, шагъ (грошъ) десятокъ яицъ, арбусъ фунтовъ пятнадцать три шага и много семь копѣекъ, сливъ или вишень ведро 10 коп. да и самыя повсемѣстно славящіяся черешневыя ягоды такъ же, какъ и всѣ прочіе продукты, были въ такой цѣнѣ, что каждый солдатъ могъ лакомиться изъ своего жалованья, если-бы не предупреждали таковыя издержки радушные ихъ квартиръ хозяева, которые, ихъ всѣмъ потчуя, приговаривали: „отъ такъ ко исть наши батьки робили по запорожски“.

III.

Жизнь въ Лубнахъ.—Служебныя занятія.—Ученье въ походѣ.—Новгородъ-Сѣверскъ. — Командировка въ Петербургъ. — Спускъ кораблей Рафаила и Уріила.—Представленіе къ государю.—Преображенецъ Мельниковъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Дорога.— Первый офицерскій чинъ.—Саранча.—Суевѣрныя примѣты.—Стряпческое пакостничество.—Новый шефъ.—Стрѣльба въ цѣль.—Добрый совѣтъ князя Волконскаго.—Директоръ Холинскій.—Старый панъ Судіенко. — Усадьба Очкино. — Капитанъ-стихотворецъ. — Кіевъ. — Мѣстечко Бѣлая церковь.—Графиня Броницкая.—Польскій медъ.—Панъ Твардовскій.—Шутка 1-го апрѣля.

Первый пріемъ нашему корпусу офицеровъ сдѣлалъ начальникъ тамошней государственной аптеки И. К. Гильдебрантъ. У него въ деликатномъ образѣ увидѣли мы въ первый разъ ту гостепріимную картину, которая по пересказамъ еще въ Бѣлороссіи воображенію нашему представлялась и которая въ смѣси нѣмецкаго съ малороссійскимъ представилась намъ еще величественнѣе, нежели мы до того воображали; тутъ было все знатнѣйшее изъ жителей Лубенъ, въ томъ числѣ и предводитель И. М. П., который, равно какъ и я, еще не зналъ, что будетъ имѣть причину ласкать меня болѣе, нежели я заслужить того могу. Вскорѣ

и онъ, желая не уступить почтенному Гильдебранту, а можетъ быть и превзойти его въ гостепріимствѣ, просилъ генерала посѣтить его со всею нашею свитою пожилыхъ и молодежи. Азъ грѣшный по благосклонности начальства имѣлъ счастіе вездѣ имъ сопутствовать, хотя еще и въ карзовомъ колетѣ. Прибывши въ домъ его, я, сохраняя приличное тогда мнѣ поведеніе, обыкновенно не далеко забивался отъ двери, приведшей въ залу, въ которой офицерство по множеству, избѣгая тѣсность въ гостинной, по большей части производили все свое обыкновенное, а потому и хозяинъ и прочіе члены его семейства, желая сообщить каждому свою ласку, по временамъ обращались на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были гости. Такимъ образомъ и почтенная супруга его, вышедъ въ залу и сдѣлавъ нѣкоторымъ повтореніе привѣтствія, при представленіи ихъ ей какъ хозяйкѣ сдѣланныхъ, обратила на меня взоръ, каковой съ моей стороны уже давно на нее устремленъ былъ, но не могъ признать въ ней то сходное съ ея лицо, которое я зналъ еще прелестною дѣвицею и не воображалъ, что переходъ ея въ женское и материнское состояніе могъ произвесть перемѣну во всемъ съ тогдашняго времени въ памяти моей остававшемся. Она пополнѣла и уже неравно владѣла одною противъ другой ногою. Все это заставляло меня признать въ ней только похожую на мою знакомку; но она, обратясь къ одному изъ полковниковъ и объявя ему, что она находитъ во мнѣ что-то будто знакомое, спросила: кто я? и получа въ отвѣтъ мое прозваніе, немедленно подошла ко мнѣ съ сими словами: „Я нахожу въ тебѣ знакомаго, узнаешь ли ты меня“? Это отстранило все, въ чемъ я сомнѣвался, и она, начавъ съ сего времени свои ко мнѣ ласки, ввела меня въ таковую же мужа своего и всего, что составляло ихъ семейство, продолжали оныя обращать какъ съ дальнимъ родственникомъ во все время нашего въ Лубнахъ пребыванія. Она столько удостоивала меня незаслуженною мною ея ласкою, что всегда заботилась узнать отъ кого нибудь изъ господъ офицеровъ, скоро ли произведутъ меня въ офицеры. Но за всѣмъ тѣмъ не видала прицѣпленной ко мнѣ шпаги. Она отбыла къ свекрови въ С.-Петербургъ и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ уже случая изъявить моей благодарности за ея ласки; въ ихъ домѣ возобновились якобштадтскіе, нашихъ, танцы.

Въ Лубнахъ началось мое родъ попечительства надъ вновь

опредѣляющимися въ полкъ дворянами, коихъ родители желали того. Одинъ владѣтель имѣнія съ 500 душами въ Полтавской и Тульской губерніяхъ, старинный воинъ, опредѣлилъ въ нашъ полкъ сына лѣтъ тринадцати и, представя его, просилъ шефа, дабы поручилъ его кому либо, кто бы за нимъ имѣлъ присмотръ и сообщалъ ему нужныя по службѣ свѣдѣнія. Шефъ, указавъ на меня, тамъ случившагося, сказалъ: „вотъ къ кому рекомендую вамъ адрессоваться съ вашимъ желаніемъ“, и тотъ, не останавливаясь, поручилъ мнѣ сына своего, а чрезъ то доставилъ мнѣ хорошее знакомство въ домѣ его и родственниковъ ихъ и знакомыхъ, и слѣдующія святки и святую недѣлю провелъ я въ его домѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Лубенъ.

Ласки хозяевъ, родство и сосѣдство, къ нему съѣзжавшееся, и небольшая его музыка не позволяли скукѣ и носа показать. Гостя тамъ, видѣлъ я, что природа доставляетъ средства оживить въ человѣкѣ то, что лѣта довели до полумертваго состоянія. Въ числѣ гостей былъ Кейстъ, когда-то бывшій придворнымъ капельмейстеромъ. Знавшіе его приступили съ просьбою, чтобы онъ сыгралъ что нибудь; онъ, не могши отговориться, принужденъ былъ удовлетворить общей просьбѣ и для того, подойдя къ печи, съ полчаса теръ руки, сгибалъ и расправлялъ всѣ свои персты, особенно лѣвой руки, а правую теръ почти до локтя, послѣ сего превосходно игралъ нѣсколько часовъ.

Пословица утверждаетъ, что нѣтъ худа безъ добра, а также и добра безъ худа. Она къ нашему пребыванію въ Якобштадтѣ и Лубнахъ очень приходится. Въ Якобштадтѣ мы чувствовали нѣсколько отъ дороговизны всего намъ потребнаго, за то служба всѣхъ, кто только могъ называться начальникомъ, даже и ефрейторовъ, столько была легка, что никто не имѣлъ нужды заботиться о подчиненныхъ. Солдаты были всѣ прослужившіе по шестнадцати лѣтъ. Каждый умѣлъ одѣть себя и снарядить коня своего лучшимъ образомъ, а бывшихъ между ними пятьдесятъ человѣкъ почти рекрутъ, присланныхъ изъ рижскаго гарнизоннаго Булгакова полка, они не допускали явиться во фронтъ или на глаза начальства, не оправивши такъ же, какъ и себя; почему служба всѣхъ начальниковъ при нихъ, какъ при нянюшкахъ, составляла заботу каждаго только о самомъ себѣ, а подчиненныхъ хоть и не осматривай—все исправно. Въ Лубнахъ-же,

по изобилію всего, мы, вмѣсто дороговизны, пользовались чрезмѣрной дешевизною; но за то настала египетская работа. Всѣ наши солдаты, въ 16 лѣтъ посившіе званія кіевскихъ козаковъ, кіевскихъ карабинеровъ, разныхъ по шефамъ именованій кирасировъ и напослѣдокъ драгунъ, всѣ по положенному тогда для малороссіянъ пятнадцатилѣтнему сроку выпущены въ отставку; на мѣсто ихъ поступили полный комплектъ изъ рекрутъ Волынской губерніи, пребезтолковые, или такими намъ казались потому, что мы пріучили себя, не потрудясь видѣть все исправное на подчиненныхъ. Но пусть хоть такъ, что мы ошиблись въ ихъ непопятности, только, разставшись съ старыми нашими любезными драгунами, разстались мы съ покоемъ и тѣлеснымъ, и душевнымъ. Вся тяжесть службы и приготовленій къ опой пала на однихъ офицеровъ, въ коихъ уже былъ и я. Изъ пятидесяти бывшихъ между старыми ледящихъ рядовыхъ сдѣлались нашими помощниками, унтеръ-офицерами и сфрейторами—людьми, всю основу военной полиціи составляющими, не смотря на то, что самихъ ихъ предъ каждымъ парадпымъ фронтомъ офицеры принуждены были заблаговременно осмотрѣть и передѣло переодѣть. Тутъ всѣ, кто только служилъ при сформированіи новаго полка, всякій увидѣлъ, что въ тѣхъ легче при сформировкѣ, нежели намъ. Тамъ давалось больше старыхъ исправныхъ солдатъ и лучшіе унтеръ-офицеры, а мы имѣли для всего полка только 50 человѣкъ унтеровъ и ефрейторовъ, въ то-же время изъ ледащихъ рядовыхъ въ сіи должности поставленныхъ. Въ то время согласились мы съ мнѣніемъ многихъ, что не бываетъ удовольственныхъ для человѣка времянъ, кои бы не растворялись горестями, слѣдующихъ въ большей пропорціи. Простились мы со всѣми даже видами удовольствій и даже со сномъ,—подушки подъ нашими головами прыгали сильнѣе, нежели во время случившагося тамъ въ 1802 году землетрясенія. При томъ землетрясеніи подушки наши только при троекратныхъ ударахъ потрясались вмѣстѣ съ кроватями и наши, а при мысли о тѣхъ, изъ коихъ мы должны были сдѣлать солдатами, годными для службы, подушки наши прыгали такъ, что иногда безъ намѣренія подхватывали насъ и дѣлали изъ лежачаго сидячаго или даже стоячаго, а иногда даже въ безпамятствѣ бѣгающаго. Полученные отъ высшаго начальства приказы передавали мы по порядку чрезъ

унтеровъ и ефрейторовъ; но сколько разъ содрогался каждый изъ насъ при мысли точно ли такъ передадутъ опые безтолковымъ солдатамъ, будучи сами таковыми-же, привыкши не обращать вниманія на себя собственно, надѣясь всегда, что старые солдаты все на нихъ неисправное поправятъ. Это еще было при началѣ ихъ намъ помоги, и впослѣдствіи мы ходили вслѣдъ за ними повѣрять, такъ-ли они приказы разсказываютъ и такъ-ли долженствовавшіе исполнять понимали, ибо не разъ случалось, что во фронтъ выходили кто въ мундирѣ, а кто въ китслѣ и при томъ кто съ подвязаннымъ палашемъ, а кто съ прутикомъ, съ коимъ учили ихъ, пѣшихъ, конныхъ движеніямъ. Въ томъ проходилъ до позда вечеръ, а иногда и большая часть второй половины ночи. Но за всѣмъ тѣмъ утра мы съ трепетомъ ожидывали, да и не даромъ трепеща. Дождавшись со страхомъ, ужасались, увидя каждый фронтъ своей части: у котораго сходъ мундирныхъ полъ внизу сведенъ къ бедру; у котораго портупея подвязана пряжкою на боку; у котораго конецъ мундирной полы прижатъ къ спинѣ портупеею; у котораго бантъ нижняго платья закрывалъ нижній край мундира и прочее, а о чистотѣ разсказывать и словъ набрать не можно. Всѣ средства, какія могли тогда придумать, употреблены были къ образованію изъ худыхъ мужиковъ въ солдаты. Ни строгость, ни ласки не годились къ тому; одни хитрости и неусыпная дѣятельность могли быть употреблены при таковомъ ихъ перерожденіи. Ибо скоро замѣтили мы, что они ударъ прута не считали даннымъ за лѣпость, или непонятность, или неисправность, но считали такъ, что унтера и ефрейторы должны, когда вздумается, и за дѣло, и безъ дѣла бить ихъ за то, чего сами хорошо не знаютъ. Итакъ, мѣра сія производила только тягостныя чувствованія каждаго объ участи своей, ласка-же въ лучшихъ производила разслабленіе, что они похваленнаго уже не старались дѣлать еще лучше, а въ отставшихъ производила чувствованіе безнадежности, что они не могутъ никогда достигнуть возможности дѣлать преподаваемое имъ такъ, какъ преподается. Въ добавокъ къ таковой нашей участи послѣдовала перемѣна нашихъ квартиръ и мы своихъ питомцевъ, еще и стоять по солдатски невыученныхъ, должны были посадить на коней, на коихъ каждому до того досталось раза по два или по три посидѣть для показанія первыхъ правилъ верховой ѣзды и для

проѣздки лошадей, ибо ни манежа и ученья они еще не знали. Съ какими стѣсненными сердцами тронулись мы въ походъ, ведя подъ своею командою согбенныхъ или на стороны свисшихъ всадниковъ, изъ коихъ многіе свернулись бы и съ сѣдлами на землю, если бы офицеры, каждый въ своей части, не перестегнули подпруги по большей части собственными руками. Выходя, мы чувствовали ужасный стыдъ, что блестящимъ образомъ вступили и въ такомъ гадкомъ видѣ выходимъ, хотя въ томъ и невинны. Знакомые и незнакомые, за городомъ разставшись на нѣсколько верстъ, провожали насъ нѣкоторые съ чувствами разлуки, а всѣ съ глазами. Знающіе сострадали въ нашемъ положеніи, а большая часть смѣялись, относя хорошее бывшихъ солдатъ собственно имъ, а не офицерамъ, потому что у насъ же другихъ солдатъ видятъ олухами. Такія заключенія и хлопоты помутили наши чувства и взбуравили порядокъ мыслей, почему мы съ знакомыми своими прощались не съ такимъ жаромъ, съ какимъ бы это происходило при нерастревоженныхъ другими предметами чувствахъ.

Извозчики объѣзжаютъ лошадей въ обозѣ, а намъ удалось выучить солдатъ сидѣть на лошадяхъ въ походѣ. Не видали мы ни одного предмета, которые во время того похода напрасно намъ себѣ выказывали. Высшихъ и низшихъ офицеровъ глаза не сходили со ввѣренной каждому части, и языки не умолкали и не произносили ничего кромѣ толкованій и напоминаній, какъ каждый драгунъ долженъ держать на лошади свой корпусъ, руки, ноги, поводья и проч.; за то въ Новгородъ-Сѣверскъ вступили мы уже не съ такимъ стыдомъ, съ какимъ выступили изъ Лубенъ. Это было въ началѣ іюля, а къ осени Всемогущій благословилъ насъ довести солдатъ нашихъ до того, что они въ сентябрѣ не послѣдніе были на маневрахъ, при Глуховѣ производимыхъ, гдѣ всѣ труды и старанія наши увѣнчались похвалою и благодарностію отъ инспектора, оцѣнить оные умѣвшаго, Г. Л. А. С. К.

Когда въ человѣкѣ дѣйствуетъ болѣзнь, тогда онъ, оставя всѣ предметы, обращаетъ все свое вниманіе на оную; такъ и я, начавъ разсказывать о томъ, что стоило намъ большихъ трудовъ, забылъ разсказать о прочихъ тамошнихъ событіяхъ. Въ слѣдующее, по прибытіи нашего полка въ Лубны, лѣто я въ первый

разъ въ жизни видѣлъ тамъ живыхъ черепахъ. Не смѣю утверждать, ведутся ли онѣ въ другихъ мѣстахъ, къ рѣкѣ Сулѣ прилегающихъ, но въ ямахъ маленькой рѣчки или ручья, который, ѣдучи отъ Лубенъ, мимо ботаническаго сада, тамошней аптекѣ принадлежащаго, пересѣзжаютъ въ одномъ селѣ верстахъ въ восьми или десяти отъ Лубенъ внизъ по Сулѣ на правомъ ея берегѣ. Въ этомъ селѣ жилъ тогда тесть хозяина моей, въ Лубнахъ, квартиры, старинный малороссійской службы полковой хорунжій, старикъ лѣтъ около восьмидесяти, но и въ этихъ лѣтахъ, казалось, могъ вола съ ногъ сбить. Самаго крѣпкаго сложенія человѣкъ, который въ свое время не одного, можетъ быть, повергъ съ копя; но въ бытность мою у него онъ велъ уже непримиримую войну съ комарами, которыхъ тамъ отъ мокрядинныхъ мѣстъ, къ селу тому отъ Сулы прилегающихъ, очень много. Сей почтенный старикъ, въ лѣтнее время, комнату свою всегда запиралъ, а окна днемъ закрывалъ ставнями, а на ночь, открызъ оныя со вставленными рамами, вмѣсто стеколъ серпянкою натянутыми. Постель и прочее на день выносилъ и оставлялъ одни стѣны и потолокъ какъ можно чище выбѣленными для того, чтобы на нихъ, когда онъ, собравшись спать, начнетъ со свѣчею осматривать, ни одинъ комаръ укрыться не могъ. Ибо онъ, услыша въ спальнѣ своей жужжаніе комара, никакъ заснуть не могъ. Не смотря на то, что на открытомъ воздухѣ онъ, какъ и прочіе, кусаніе комаровъ переноситъ. Тутъ же и въ первый же разъ услышалъ я голосъ приводной птицы—выпя, по тамошнему названію бугая (быка); да въ первый же разъ удалось мнѣ застрѣлить на лету утку и такъ удачно, что она упала въ лодку, съ которой я, переплывая къ табуну небольшое озерцо, по ней выстрѣлилъ.

Въ то же лѣто 1802 года командировали меня въ С.-Петербургъ представить въ конно-гвардейскій полкъ, выбранныхъ изъ нашего, людей. Сія командировка замѣчательна тѣмъ, что очень похожа на выходъ мой изъ города по расформировкѣ нашего полка, въ коемъ я началъ гражданскую и военную службу; тамъ и здѣсь взяли меня отъ лошадей, на подножномъ корму находившихся, съ тою только разницею, что тамъ не дали мнѣ проститься съ моими родными, а здѣсь я имѣлъ время собственными руками перекроить и перешить мой кирзовый колетъ,

который былъ сшитъ очень не хорошо, а потому за старымъ и за тонкимъ колетами былъ еще и не надѣванъ. При семъ случаѣ возникла зависть князей и бароновъ, равныхъ со мною чиновъ, желавшихъ отправить возлагаемое на меня и быть въ С.-Петербургѣ, почему упросили полковаго адъютанта, чтобы онъ объявилъ свое на меня требованіе, для помоги въ дѣлахъ по полковой канцеляріи, къ тому времени скопившихся; но шефъ, не знаю почему, не уважилъ ни вызывавшихся вмѣсто меня ѣхать и требованія адъютанта, не отмѣнилъ меня отъ той командировки. Наконецъ, снарядивши выбранныхъ въ гвардію, вручили мнѣ вмѣстѣ съ инструкціею, прогонами, кормовыми и частными для полка и нѣкоторыхъ лицъ порученіями—съ кучею писемъ о пособіи мнѣ въ Петербургѣ, въ выполненіи порученій и проч., въ томъ числѣ было письмо одного изъ полковниковъ Отто Ивановича Р. къ маменькѣ его, статсъ-дамѣ. Малороссійскіе ямщики, тогда старавшіеся подражать прибаутками новоторцамъ и прочимъ великороссійскимъ, ни мало еще не были въ томъ похожи на сихъ, но за то безлукавность ихъ въ ѣздѣ дѣлала ихъ превосходными противъ всѣхъ тѣхъ, кои, прибаутками, балясами и пѣсенками забавляя пассажировъ, гораздо медленнѣй везутъ. Ибо они, лепеча, какъ учащіеся говоритъ, русскихъ ямщиковъ ѣздовыя приговорки, везли меня такъ, что я почти не примѣтилъ, какъ очутился въ Бѣлоруссіи, а потомъ въ роковомъ Витебскѣ, изъ коего выѣхавъ, половину станціи шелъ со всѣми солдатами пѣшкомъ до слѣдующей. На этой же станціи, проѣхавшій за нѣсколько передъ мною изъ другаго полка подобный мнѣ и съ подобною же коммиссіею, унтеръ прибилъ извозчика и застрѣлилъ одну изъ ставшихъ, не провезя еще половины станціи, лошадей; но губернаторъ вслѣдъ за нимъ прислалъ въ Питеръ требованіе, дабы взыскали съ него въ пользу содержателя 200 руб., однако-жъ, на то сказали только, чтобъ содержатель не смѣлъ на почтѣ держать лошадей такихъ, кои и половины станціи перевозить не могутъ. Въ продолженіи пути не выходило у меня изъ головы, какъ я увижу знаменитую столицу, какъ предстану незнакомому начальству, не воображая, что удостоюсь видѣть самого императора, цесаревича и даже всю императорскую фамилію; мнѣ казалось, что я буду затрудняться въ отыскапіи мѣстъ и лицъ, гдѣ, къ кому явиться я

долженъ, по при заставѣ столицы все то облегчилось. Уральскій казакъ изъ стоявшихъ при заставѣ, вскоча по назначенію на лошадь свою, проводилъ меня до ордонансъ-гауза, гдѣ уже находились прежде меня, прибывшіе подобные мнѣ изъ гусарскихъ полковъ, Александрійскаго унтеръ-офицеръ Колодежный и Елизаветградскаго юнкеръ Толотинда и смотритель ввелъ меня съ маленькою моею командою въ казарму и показалъ въ ней мѣсто у окошекъ къ проспекту, мимо Зимняго дворца проложенному. Прибытіе мое въ С.-Петербургъ случилось въ воскресенье подъ вечеръ, почему я и прочіе должны были жить цѣлую недѣлю, не выходя никуда со двора ордонансъ-гауза, почему письма, изъ полка мною привезенныя, пролежали бы недоставленными, но бывшій тогда плацъ-маіоромъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ Горвилій), по объявленіи мною о томъ, хотя не позволилъ мнѣ таться по Петербургу, прежде нежели онъ представитъ насъ цесаревичу, однако-же, доставилъ мнѣ способъ исполнить сдѣланныя мнѣ отъ полка и полковыми порученія. Онъ далъ мнѣ изъ служащихъ въ ордонансъ-гаузѣ солдата, который доставилъ письмо отъ тефа, тому, кто мнѣ долженствовалъ помогать въ закупкахъ, а сей уже которыя взялся самъ доставить, а которыхъ повѣстилъ, чтобъ они сами ко мнѣ за письмами прислали, а статсъ-дамѣ доставить самъ взялся, и послѣ объявилъ мнѣ, что она требовала видѣть меня, и потому приказалъ мнѣ, по сдачѣ людей, явиться къ ней. Такимъ образомъ, дождались мы прибытія въ Зимній дворецъ государя цесаревича, но и его высочество, осмотрѣвъ насъ, не позволилъ дать намъ свободы исполнять дѣла свои въ Пстербургѣ, пока не представитъ государю императору. Тутъ еще больше овладѣло нами невыгодное чувствованіе, что мы, живя въ столицѣ, не видимъ ничего, кромѣ лѣваго конца Зимняго дворца и частички Невы, которую можно было видѣть, выступя шагъ за ворота ордонансъ-гауза на переулокъ, отдѣляющій отъ Зимняго дворца ордонансъ-гаузъ. Къ тому же узнали мы, что въ слѣдующій день будутъ производить спускъ двухъ новыхъ кораблей, Рафаила и Уріила, на воду. Тутъ овладѣли нами, полевыми рейтарами, горестныя чувствованія, которыя возродили въ насъ дерзновеніе усильно просить позволенія видѣть спускъ кораблей. Рано, по утру того дня, забрался я къ почтеннѣйшему плацъ-маіору, который уже зани-

мался дѣлами по своей должности, а потому и не допустилъ меня дожидаться его резолюціи—спросилъ, зачѣмъ я пришелъ. На объясненіе моего необоримаго желанія видѣть рѣдкость, каковую не всякій и въ столицѣ живущій видѣть можетъ, онъ отказалъ мнѣ рѣшительно, но потомъ, когда я просилъ, чтобы хоть въ партикулярномъ платьѣ переодѣться, то онъ позволилъ мнѣ; въ это время услышалъ онъ голоса изъ передней: „а памъто какже, ваше высокоблагородіе"? Тутъ онъ, о! почтенный, знающій чувства человѣка, поскакалъ къ великому князю и выпросилъ намъ позволеніе быть при спускѣ кораблей съ полною свободою. Принеся ему достойную нашу благодарность, опрометью бросились въ казарму, гдѣ оправили на себѣ все и услышали, что мы ни откуда видѣть того не можемъ, какъ съ берега Васильевскаго острова. Мы на Неву и скоро очутились на Васильевскомъ островѣ, въ полномъ смыслѣ степовиками. Намъ показываютъ оттуда корабли въ верфи, къ спуску приготовленные, а мы воображаемъ, что это дома, къ адмиралтейству принадлежащіе, и за всѣмъ толкованіемъ тамошними жителями мы чрезъ ширину Невы не получили яснаго понятія о видѣ кораблей. Долго дожидались, чтобъ увидѣть оные хотя уже на водѣ поспѣе, но какъ сказали намъ, что это еще не скоро будетъ, то мы рѣшились употребить праздное время для осмотра близь находящихся предметовъ, почему и пустились прежде всего, чрезъ мостъ, къ монументу Петра Великаго. Тутъ подошли къ намъ юнкера Кавалергардскаго полка и, по обыкновенномъ привѣтствіи, узнавъ наше желаніе, одинъ изъ нихъ, князь Голицынъ, вызвался доставить намъ выгодное для смотрѣнія спуска мѣсто. Въ ту же минуту повелъ насъ къ воротамъ адмиралтейства, къ монументу обращеннымъ, предъ которыми на большое разстояніе накладенъ былъ, какъ ограда, рядъ якорей, а за ними цѣпь матросовъ. Путеводитель нашъ, сдѣлавъ воззваніе къ морскому, при цѣпи находившемуся, офицеру, просилъ позволенія, чтобъ пройти намъ къ самой верфи—и получилъ отвѣтъ: пусть идутъ; тутъ путеводитель нашъ принужденъ уже заботиться о себѣ, но морякъ сказалъ было, что никого впускать туда не велѣно, кромѣ сихъ, прибывшихъ съ людьми въ конную гвардію, юнкеровъ. Но, къ счастію нашему, позволилъ и ему пройти съ нами и мы начали перелѣзать чрезъ якоря. Не напрасно я сказалъ

„къ счастію“, ибо мы безъ него и будучи близко не видали бы всего такъ, какъ онъ показалъ намъ. Онъ поставилъ насъ на лѣвомъ бережкѣ канала, по которому корабль долженъ скатиться на воду, и съ того мѣста все намъ было видно на оба корабля. Исполнившееся наше желаніе такъ, какъ мы не воображали, восхитило насъ превыше настоящаго бытія, и имѣя предъ глазами все невидальщину, полагали себя въ какомъ-то очарованіи. Не успѣли мы наглядѣться на все сдѣланное уже приготовленіе, какъ начали прибывать къ маленькому домику на площадкѣ у втораго отъ насъ корабля генералитетъ, а вскорѣ потомъ и государь императоръ со всею императорскою фамиліею. Хотя та площадка и недалеко отъ насъ была, но я не могъ хорошенько разсмотрѣть никого и видѣлъ только на всѣхъ находящихся на ней мундиры и на нихъ возложенные знаки военныхъ и гражданскихъ доблестей. Потомъ духовенство, государь императоръ и вся императорская фамилія, и генералитетъ входили на оба корабля, а потомъ наступила рѣшительная минута пустить корабль, ближе къ намъ, на подпоркахъ какъ будто висѣвшій. Подрубка подпорокъ показалась намъ превосходящею пашъ, съ отличнымъ искусствомъ производимый, бѣглый огонь. Подрубающіе, ударяя топорами, производили звукъ, какой могло бы произвести покаченное отъ носа къ кормѣ по тѣмъ подпоркамъ колесо. Но нѣсколькихъ такихъ, чуднаго для меня искусства, тяпковъ, подпоры всѣ привязанными къ каждой у верхняго конца веревками—отдернули. Корабль, сѣвъ на налитые саломъ помосты, поплылъ по нимъ, какъ по воздуху орелъ, въ Неву, на которой нѣсколько разъ, какъ будто подымаясь вверхъ, гордо встряхивался, между тѣмъ на немъ музыка, въ крѣпости и около адмиралтейства пушечные выстрѣлы, а на берегахъ въ окнахъ, балконахъ и на кровляхъ строеній — ура, загремѣли такъ, что не только воздухъ, но и земля подъ нами, казалось, дрожала, какъ струна на большомъ инструментѣ. Такимъ же образомъ сопровожденъ на воду и другой корабль и потомъ государь и всѣ пошли къ заложеннымъ еще ко строенію кораблямъ. При семъ-то переходѣ я имѣлъ счастіе разсмотрѣть всѣхъ членовъ императорской фамиліи, запечатлѣть въ памяти такъ, что и нынѣ всѣ они воображенію моему представляются такими, какими тогда видѣлъ. Достигая же сего, я столько былъ дерзновенъ

или, можетъ быть, безуменъ, что, желая ясно видѣть обожаемаго государя, вмѣшивался между генералитетомъ и, о чудо! что меня въ такой безумной смѣлости никто не остановилъ. Я и теперь думаю, что въ то время былъ въ изступленіи, ибо не помню, гдѣ и когда я отвлекся отъ товарищей моихъ и путеводителя, а потому и изъ адмиралтейства вышелъ уже чрезъ главныя ворота одинъ между моряками.

Все такимъ образомъ неожиданно видѣнное мною при спускѣ кораблей, важное и рѣдкое, переобозрѣніемъ и затверживаніемъ въ памяти наполнило мою голову до того, что я на разстояніи отъ адмиралтейства до ордонансъ-гауза ничего не видалъ, что могъ видѣть не упитавшись такимъ неожиданнымъ мною зрѣлищемъ.

Послѣ сего его высочество изволилъ осматривать у себя насъ и представленныхъ нами людей и назначилъ кому изъ насъ представившихъ остаться служить въ конной гвардіи. Въ томъ числѣ и на меня, не знаю кто, указалъ, но его высочество изволилъ сказать одно слово: „бѣлъ“ (въ то время представленные нами рядовые всѣ были смуглые), при томъ узнали, что я не богатъ, почему и назначенъ былъ только одинъ Александрійскаго полка унтеръ-офицеръ Колодежный. Непосредственно послѣ сего осмотра представилъ насъ государю императору въ пребольшущей залѣ Зимняго дворца, которая концами съ окнами однимъ на проспектъ, а другимъ къ Невѣ у сего послѣдняго насъ ввели. Я поставленъ былъ вторымъ отъ праваго фланга, на которомъ стоялъ съ людьми Глуховскаго кирасирскаго полка этандартъ-юнкеръ Клячиновскій. Его величество скоро совершилъ осмотръ Глуховскаго и меня, но пріостановился, нѣсколько, у стоявшихъ подлѣ моихъ людей трехъ рядовыхъ Харьковскаго драгунскаго полка, которые во всемъ между собою сходны: ростомъ, складомъ, цвѣтомъ волосъ и лица, и даже веснушки на всѣхъ одинаково расположены. Его высочество при семъ изволилъ замѣтить, что если по одиночкѣ ихъ показывать, то можно почесть за одного. При семъ рѣдкостью показался мнѣ Мельниковъ, Преображенскаго полка огромный рядовой, который въ то время являлся къ государю для посылокъ; мнѣ показался онъ съ киверомъ и султаномъ не меньше четырехъ аршинъ. На другой день велѣно сдать людей въ полкъ конной гвардіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дана намъ свобода шататься по Петербургу и я, идя изъ Конногвардейскаго полка,

забрелъ въ Кавалергардскій къ прежнимъ однополчанамъ; удивлялся, что на нихъ было вмѣсто нашего мѣднаго все серебряное, въ чистотѣ, какъ въ казармахъ, такъ и конюшняхъ, въ коихъ каждое стойло могло бы служить лучшею комнатою для полеваго офицера.

Едва успѣлъ я исполнить кое что изъ полковыхъ порученій, какъ объявлено мнѣ на другой день выѣхать изъ Питера. Просьба отсрочки столько же значила, какъ бы она обращена была къ солнцу, чтобы оно на нѣсколько остановило лучи свои въ одинаковомъ направленіи. Итакъ, я принужденъ былъ выѣхать многаго не исполня, если-бы не помогъ мнѣ прошенный о томъ полковымъ моимъ начальствомъ. Онъ мнѣ доставилъ случай воспользоваться недолго существовавшею тогда цѣною сахара купить съ небольшимъ по десяти рублей пудъ, которая чрезъ нѣсколько часовъ по моей покупкѣ возвысилась почти по пятнадцати. Онъ же и доставленіемъ всего купленнаго въ полкъ распорядился послѣ уже меня. Такимъ образомъ я въ С.-Петербургѣ ничего не видалъ, кромѣ того, что видѣлъ при спускѣ кораблей, и насъ, посадя по трое на телѣгу, перетащили въ Царское Село, откуда мы должны были ѣхать на обывательскихъ. Тутъ я напалъ брата эскадрона моего командира, Павла Елануеля, служившаго тогда лейбъ-гусарскомъ полку юнкеромъ, и вручилъ ему отъ брата письмо. Онъ, какъ будто, въ благодарность за то, поводилъ насъ по нѣсколькимъ комнатамъ тамошняго великолѣпнаго дворца и совѣтовалъ ѣхать на почтовыхъ по трое, поелику отпущены каждому на одну лошадь прогоны и мы этимъ совѣтомъ воспользовались только не въ Царскомъ Селѣ, а тутъ, выйдя изъ великолѣпнаго дворца, принуждены были сѣсть на двуколесныя чухонскія сноповозки. Почтовыхъ намъ дать и за двойные прогоны не согласились. Отъ Луги мы безпрепятственно ѣхали на почтовыхъ съ Кляченовскимъ и Толотипда. На послѣдней къ Добрянкѣ станціи въ лѣсу мѣсячною ночью остановили было насъ не знаю какіе-то люди съ дубинами, но какъ увидѣли насъ, разбуженныхъ извощикомъ, наши чудныя фуражки, пошли на обѣ стороны дороги, какъ будто пасущіе ходившихъ тамъ нѣсколькихъ лошадей.

Въ Черниговѣ я долженъ былъ распроститься съ любезными моими спутниками, одинъ отсюда поѣхалъ въ Новомиргородъ, а

другой не помню куда, а я посему долженъ ѣхать на обывательскихъ. Малороссійскіе головы и ихъ писаря—народъ чудной для проѣзжающихъ. Ѣдущему безъ ничего даютъ лошадей безпрекословно и немедленно, хотя бы и бродягѣ, а съ письменнымъ видомъ они разсматриваютъ со всѣмъ тщаніемъ: нѣтъ ли подчистки, нѣтъ ли литеры, незнакомымъ имъ видомъ написанной, и т. п.; увидя же, что съ прогонами, не получа впередъ оныхъ, ни лошадей, ни квартиры не дадутъ, когда станешь угрожать жалобою губернатору, то они говорятъ: „а шо теке губернаторъ, у насъ есть статутъ и другіе законы". А какъ они везли меня отъ селенія до селенія, по коимъ изгибаясь путь мой былъ гораздо дольше, нежели большая дорога, притомъ прогоны брали за столько верстъ, сколько имъ въ голову приходило: три версты назовутъ милею и берутъ за семь верстъ и т. п., почему у меня прогоновъ, долженствовавшихъ стать до Лубенъ, и на половину сей до станціи не стало. Посему я принужденъ былъ просить губернатора, барона Френсдорфа, которому я сдѣлался знакомымъ еще во время прохожденія полка нашего изъ Якобштадта въ Лубны. Онъ былъ въ то время въ Нѣжинѣ; выслушавъ мою жалобу, далъ мнѣ подорожную на двѣ лошади почтовыхъ, не зная, что у меня прогоновъ ни на одну лошадь заплатить за станцію ни копѣйки не было. Стыдно мнѣ было сознаться въ томъ, почему принужденъ былъ заложить купленныя въ С.-Петербургѣ кое какія вещи купцу, который, давъ мнѣ деньги, обязался представить мнѣ вещи тѣ, когда онъ пріѣдетъ туда на ярмарку. И такъ доѣхалъ до Лубенъ на счетъ своего семирублеваго жалованья, ибо остатки отъ покупокъ остались у комиссіонера, помогавшаго мнѣ производить оныя и взявшагося доставить.

Въ слѣдующую послѣ того весну произведенъ я въ прапорщики. При семъ событіи овладѣло мною двоякое чувствованіе, радость, что дожилъ давно ожиданнаго офицерства, и печаль о средствахъ къ заведенію всего офицерскаго, въ число которыхъ вѣрные были только пятьдесятъ рублей, данные мнѣ покойнымъ отцемъ моимъ при прощаніи и до сего времени мною сбереженные. Итакъ, были споры, что я за нихъ купилъ все, въ чемъ долженъ офицеръ стать въ парадной пѣшій строй, исключа сапогъ, незадолго предъ тѣмъ вышедшій изъ нашего полка офицеръ все то новое уступилъ мнѣ за пятьдесятъ рублей и пару

бритовъ, купленныхъ мною въ Питерѣ. Впрочемъ, хотя и любили меня полковые, но видно, не хотя оскорбить самолюбія, никто мнѣ не предложилъ ничего въ подарокъ, такъ какъ произведеннаго предъ тѣмъ изъ вахмистровъ съ ногъ до головы его и коня его одѣли и снарядили, а мнѣ одинъ подарокъ былъ отъ шефа—шпага. Прочіе, видно, думали такъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ говорили, что я помѣщикъ. Такъ говорилъ мнѣ одинъ, впрочемъ, любезный офицеръ, который имѣлъ тогда въ Ригѣ въ процентахъ пятьдесятъ тысячъ талеровъ: „ты, братъ, хоть маленькій, но помѣщикъ, не какъ я“. Это-то время ясно показало мнѣ, что бѣдняку помѣщичье титло есть тягостное бремя и препятствіе къ пріобрѣтенію нужнаго трудами и искательствомъ отъ богатыхъ. Въ первомъ случаѣ всякій мыслитъ, что помѣщикъ долженъ имѣть и отъ него ожидаютъ или даже требуютъ того, хоть бы онъ былъ владѣлецъ помѣстья только съ тремя душами, одно имя помѣщикъ какъ будто принимаютъ за право требовать болѣе и лучшаго, нежели отъ капиталиста двухъ или трехъ сотъ тысячъ рублей. Тотъ и безъ нужды, если захочетъ, безъ стыда пріобрѣтать произвольными трудами и даже выпрашивать, а помѣщикъ въ первомъ случаѣ долженъ работать приличное его званію и безкорыстно, что капиталисту считаютъ простительнымъ, хотя бы онъ получалъ годоваго дохода въ нѣсколько разъ больше, нежели сего все помѣстье стоитъ,—слѣдовательно, всѣ труды юнкера за семь рублей въ треть, изъ коихъ очень трудно сдѣлать экономію для офицерскаго обзаведенія; во второмъ, помѣщикъ боится, чтобы ему не сказали: „какъ тебѣ не стыдно, ты помѣщикъ“.

...Съ великимъ усиліемъ перенесъ горестное свое бремя; минуя ту преграду, однако-жъ, недалеко ушелъ отъ нея... поелику я и нынѣ небогатъ, то и бремя мое только одною привычкою переносить облегчилось. И нынѣ какой-нибудь подъячій, съ наглостію и безстыдствомъ насбиравшій движимое себѣ имѣніе, цѣннѣе нежели мое недвижимое, перешептывается съ подобнымъ, что я, помѣщикъ, хуже ихъ одѣтъ, что у меня хуже ихъ лошадь и сани, и что у нихъ въ городѣ свои дома, а я (по необходимости жить въ городѣ) нанимаю квартиру, въ которой все уступаетъ тому, что у нихъ въ домахъ, и судя такимъ образомъ, почитаютъ какъ будто за долгъ насмѣхаться тѣмъ, осно-

вывая то и подкрѣпляя лаконическимъ словомъ помѣщикъ. Извините, что, коснувшись настоящаго, забылъ разсказывать давно прошедшее. Я обмундировался, сказанные уже пятьдесятъ рублей, занятые изъ артели и доставленные тайно тогда неизвѣстно кѣмъ и отъ кого, все вмѣстѣ достаточно было завести мнѣ все пѣшее и конное не хуже богачей. Предъ выходомъ уже изъ Лубенъ тайный мнѣ помогатель уже явно доставилъ мнѣ кое-что, чего тайно доставить было не можно—постель со всѣмъ приборомъ и офицерскую палатку, да вмѣстѣ съ сыномъ его повозку съ лошадьми.

Вскорѣ по производствѣ меня въ прапорщика, за болѣзнею полковаго и за командировкою шефскаго адъютантовъ, поручили мнѣ должность полковаго адъютанта, не снявъ съ меня обязанности по взводу, который былъ не хуже прочихъ, подъ командою старыхъ офицеровъ состоящихъ, и я очень опасался, какъ бы онъ не отсталъ въ чемъ либо отъ тѣхъ. Во время сего правленія адъютантства, посланъ я былъ по надобности въ одинъ эскадронъ, стоявшій верстахъ въ 12 отъ Лубенъ. Эскадроннаго командира нашелъ я въ гостяхъ у помѣщика, у коего также видѣлъ довольно дамства и между ними дочь и племянницу хозяина. При мнѣ еще у эскадроннаго командира съ офицеромъ былъ разговоръ о красотѣ, одинъ утверждалъ, что ею награждена болѣе всѣхъ тутъ присутствовавшихъ дочь хозяина, а другой, что ею обладала болѣе всѣхъ племянница его и больше ничего. Оттуда ѣдучи, въ первый разъ въ жизни моей видѣлъ, по тамошнему называемый, рукавъ, изъ прегустой тучи винтясь, къ землѣ опускавшійся надъ земляною старинною крѣпостцею. Долго я, остановясь на дорогѣ, смотрѣлъ на то явленіе, между тѣмъ замѣтилъ недалеко отъ крѣпости олешникъ и такъ уѣхалъ въ Лубны по саранчѣ, недалеко отъ того села павшей какъ снѣгъ, вершка на четыре или болѣе толщиною. На другой день донесли шефу, что разговаривавшіе о красотѣ, идучи изъ гостей въ квартиры, сговорились идти стрѣлять саранчу, почему, взявъ пистолеты, отправились для исполненія предположеннаго, а какъ саранча была хоть изрѣдка и въ олешникѣ, то они взошли въ него, гдѣ было саранчи больше и лѣсокъ гуще. Губительное насѣкомое возродило равный гнѣвъ въ обоихъ и они рѣшились истребить изъ нея ту, которая, поѣдая листья, обезображивала пріятные кусточки, почему

положили стрѣлять горизонтально, чтобъ истреблять прежде сидящую на кустахъ, и для того разошлись; но кусты или кустъ, или не знаю что такое, не допустило ихъ видѣть, что они первые выстрѣлы (конечно, безъ намѣренія) направили прямо другъ противъ друга и, по несчастію, пули одного попали другому въ шляпу, а того первому въ лѣвую подлѣ ноздри щеку и пробралась въ шатеръ зубныхъ челюстей.

Послѣ сего событія я въ первый разъ по разлукѣ съ Климентомъ впалъ нѣсколько въ суевѣрное замѣчаніе. Мнѣ представилось, что пріѣзды мои въ эскадроны входятъ въ число предзнаменованій, такъ же какъ встрѣча съ духовными особами; апостольское число за обѣдомъ или ужиномъ и разсыпавшаяся нечаянно на столѣ соль и т. п., и я жалѣлъ, что вѣрующіе такимъ предзнаменованіямъ, имѣя средства предотвращать предзнаменуемыя послѣдствія (какъ-то: въ первомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ первыми воротиться назадъ, просить мысленно благословенія, кидать взадъ имъ булавку или плюнуть имъ взадъ только не просто, а сквозь свой кулакъ; во второмъ случаѣ за надежнѣйшее средство признано убавить или прибавить число сидящихъ за столомъ; въ третьемъ, какъ и въ прочихъ многихъ подобныхъ предзнаменованіяхъ, также придуманы различныя средства предотвращеній), едва ли нашли подобныя предотвращать послѣдствія, подобными мнѣ предзнаменуемыя. Мысль сія возникла послѣ сего событія потому, что оно въ отношеніи ко мнѣ уже другое почти одинаковое. Безъ малаго за годъ передъ тѣмъ событіемъ былъ я еще фанепъ-юнкеромъ также по службѣ въ другомъ эскадронѣ, расположенномъ въ прилуцкомъ повѣтѣ, и приглашенъ тамъ на вечеръ къ помѣщику Голагину, вмѣстѣ съ служившими въ томъ эскадронѣ, въ числѣ коихъ были двое, поручикъ фонъ Г., изъ воспитанниковъ дерптскаго университета, и прапорщикъ Р., переведенный изъ Кавалергардскаго полка и много лѣтъ уже въ нашемъ служившій корнетомъ и, съ переименованіемъ полка нашего изъ кирасиръ въ драгуны, переименованный вмѣстѣ съ прочими въ прапорщики. Оба молодцы ростомъ и дородствомъ, только не красотою. У перваго носъ и губы наперерывъ тянулись впередъ и отъ того первый, сдѣлавъ повыше ноздрей вгибъ, вздернулся вверхъ, а послѣднія, натянувъ за собою щеки, сдѣлали ихъ поджатыми, а у другаго лице точно

такое, съ какимъ по большей части изображаютъ Сатурна, съ большимъ горбатымъ носомъ и на головѣ его на лѣвой сторонѣ позади и выше виска росъ между темпорусыми бѣлый клокъ волосъ, на пространствѣ, равномъ большому грошевику. Оба — рябы какъ нельзя болѣе, особенно первый, у коего были на лицѣ мѣста, похожія на обтянутыя пуговицы съ той стороны, которою ставятъ ихъ къ платью. Р. на семъ вечерѣ былъ хозяиномъ и прочими обласканъ болѣе, нежели фонъ Г., или такъ ему показалось, почему онъ, возревновавъ и возгордясь своимъ воспитаніемъ, началъ показывать родъ мщенія, выказывать, что Р. хуже его танцуетъ, кромѣ русскаго языка никакого не знаетъ, а хотя и говоритъ по нѣмецки и то выучился уже служа въ Курляндіи и проч. Р., будучи кроткаго и неопрометчиваго свойства, просилъ Г. перестать хоть здѣсь, въ другомъ мѣстѣ и въ другое время поступай со мною, какъ тебѣ угодно, но Г. остался неумолимъ. У командира того эскадрона былъ шуринъ Горленко, по юнкерски былъ мнѣ хорошій пріятель, онъ пригласилъ меня къ себѣ почевать и мы пошли къ квартирѣ командира, а прочіе каждый къ своей, также и Г., и Р. пошли къ своимъ взводамъ въ близь лежащую деревушку. На дорогѣ вспомнили они свое взаимное обращеніе на вечерѣ, они говорили о томъ и разсуждали но комары, жужжа и кусая, много имъ мѣшали. Почему они ихъ отмахивали сперва платками, а потомъ своими кривыми, на подобіе сабель, шпагами, каковыя тогда носили они не по положенію, а по модѣ, и въ такомъ отмахиваніи комаровъ зацѣпляли и другъ друга, но напослѣдокъ Р., какъ думать надобно, хотѣлъ больше побить комаровъ, махнулъ мощною своею рукою шпагу и въ темнотѣ нечаянно зацѣпилъ по щекѣ фонъ Г. и тупое лезвіе спряталось за спиною. Такая неожиданность принудила фонъ Г. полежать нѣсколько недѣль, послѣ которыхъ онъ, явясь къ шефу, на вопросъ его, отъ чего у него шрамъ на щекѣ, сказалъ: лошадь ушибла, и тѣмъ принудилъ шефа наклониться ближе къ тарелкѣ, чтобъ скрыть усмѣшку. Это было во время обѣда.

Сими двумя событіями подтвердилось мнѣ то, что гордость не всегда такъ проходитъ; въ семъ происшествіи немного высшій никакъ не хотѣлъ быть равнымъ съ низшимъ, а въ томъ, о которомъ я разсказалъ прежде, низшій многимъ хотѣлъ тот-

часъ быть равнымъ съ высшимъ и оба пострадали, одинъ отъ комаровъ, а другой отъ саранчи . . . . . также и то, что непосредственно за гордостью слѣдуетъ ложь. Этотъ сказалъ, что лошадь ушибла, а тотъ, что, заряжая ружье, наклонился надъ дуломъ и въ то время курокъ какъ-то спустился, воспалилъ порохъ и выбросилъ пулю въ щеку его, а болѣе всего подтвердилось многихъ замѣчаніе, что стряпчіе своею должностію дѣлаютъ добра гораздо меньше, нежели пакостей. Лубенскій стряпчій, узнавъ о стрѣльбѣ по саранчѣ, прискакалъ на мѣсто подъ видомъ узнать о справедливости ему извѣщеннаго, хотѣлъ сорвать алтынъ съ полковника; но когда тотъ съ презрѣніемъ отказалъ ему, то онъ сообщилъ шефу, что онъ, по стряпческой своей должности, сдѣлаетъ представленіе. Симъ-то стряпчій шефа, который не только представлять и знать о семъ не хотѣлъ, такъ же какъ стрѣлявшіе и присутствовавшіе тамъ обнаруживать, принудилъ сдѣлать по командѣ представленіе, а чрезъ то лишилъ насъ хорошаго начальника, знавшаго дѣла и по фронту, и по бумагамъ—шефа, довольно хорошаго начальника, генералъ-маіора, съ орденами выключили изъ службы; вотъ какія послѣдствія стряпческаго пакостничества, на алтынничествѣ основаннаго. Виноватъ ли былъ шефъ?

Я сказалъ, что не видалъ ничего на пути отъ Лубенъ до Новгородъ-Сѣверска, но теперь вспомнилъ, что я видѣлъ въ Батуринѣ церковь, построенную, какъ увѣряли тамошніе жители, Мазепою; огромныя хозяйственныя и увеселительныя заведенія графа Разумовскаго, у кого мы обѣдали, и между многими его пахлѣбниками видѣли полковника Фабриція, который послѣ того полкъ нашъ точно какъ преслѣдовалъ или упреждалъ на многихъ мѣстахъ. Пришедъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, видѣли мы его у генерала Кнобеля, управлявшимъ тогда Шостенскимъ пороховымъ заводомъ; у генерала Забѣлы, а вышедши у г. Будлянскаго въ селѣ его Чемерѣ; проходя также мѣстечко Бѣлую-Церковь, у графа Броницкаго, а потомъ, въ 1805 году, возвратясь изъ-за границы въ мѣстечко Лубомль, паки у графа же Броницкаго. Онъ много во всемъ сходствовалъ съ генераломъ Бауромъ, только еще казалось повыше и толще и часто доказывалъ, что онъ по прямой линіи происходитъ отъ тѣхъ знамени-

тыхъ Фабриціевъ, о которыхъ римская исторія много хорошаго сообщаетъ къ свѣдѣнію потомства народовъ.

Въ Новгородѣ-Сѣверскѣ мы, употребя нѣсколько для обыкновеннаго обзнакомства, пристально занялись ученіемъ новыхъ своихъ драгунъ и тѣмъ довели ихъ до возможнаго по времени облегчили себя въ нѣсколько разъ противъ лубенскаго. Тутъ драгуны наши не только сами уже и хорошо одѣвались, но уже по солдатски стояли, хорошо владѣли ружьями и прочими орудіями, которыя и содержать въ порядкѣ научились, также и въ конныхъ дѣйствіяхъ достигли краснваго и быстраго движенія, хотя все то стоило имъ, а болѣе офицерамъ, неусыпной дѣятельности и несчетныхъ трудовъ. А какъ чрезъ пакости стряпчаго стрѣлявшіе саранчу два эскадронныхъ командира и два взводныхъ офицера также и шефъ отъ того и до сего времени своими частями не командовали, то въ ноябрѣ прибылъ къ намъ новый шефъ Г. М. Л., коего мнѣ, бывшему дежурнымъ, случилось первому встрѣтить въ назначенной ему квартирѣ. Сей во всемъ видѣ Марсъ, вступя въ квартиру съ прелестною своею супругою, обласкалъ меня первый, какъ начальникъ, подчиненныхъ своихъ искренно любящій, а вторая со всѣми знаками величественной, ловкой и ласковой привѣтственности. Между обыкновенными при пріемѣ полка дѣйствіями сего опытнаго нашего новаго начальника, въ числѣ первыхъ было представленіе о позволеніи заниматься своими частями тѣмъ, коимъ отъ того по пакости стряпчаго было отказано, и оно разрѣшено по желанію. Просимое разрѣшеніе пришло къ намъ въ полкъ 2-го декабря, за день имянинъ генеральши; въ эскадроны, по разнымъ мѣстамъ разставленные, немедленно дали знать, офицеры, всѣ безъ изъятія, въ радостномъ восхищеніи, что не лишились такъ же, какъ шефа и уважаемыхъ и любимыхъ двухъ полковниковъ, приносили благодареніе Всемогущему, что наказалъ насъ и помиловалъ, а потомъ всѣ, съѣхавшись на имянины генеральши, искренно благодарили шефа; и имянины генеральши, и благодарность мужу ея, доставившему всѣмъ радость соединеніемъ на службу товарищей, были достаточными причинами тому, что имянинный балъ былъ многолюдный, по мѣсту, блистательный и очень веселый.

Новый нашъ начальникъ все зимнее время, когда ни пѣшаго,

ни коннаго ученія производить неудобно, употребилъ на обученіе стрѣлять въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ. Способъ ученья сему искусству до того, кажется, ему одному былъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ, полкъ составлявшихъ, высшихъ и нижнихъ чиновъ никто про него и не слыхивалъ. Ибо до открытія имъ того способа, нѣкоторые изъ офицеровъ умѣли стрѣлять на лету птицу и въ туза попадали по нѣсколько разъ сряду, но научить другаго могли только наудачу, но когда преподанъ былъ тотъ способъ, то у насъ не осталось ни одного самаго несмѣтливаго драгуна, котораго бы пуля миновала аршинный, кубическій ящикъ, набитый землею, въ который стрѣляли послѣ уже за семьдесятъ и болѣе саженъ, не потерявъ ни одинъ своей пули, потому что они, пробивъ доску, всѣ оставались въ землѣ, въ тотъ ящикъ насыпанной. Будучи такимъ образомъ доведены до искусства стрѣлять, солдаты получили бодрость и самонадѣянность, такъ что весною, при смотрѣ полка дивизіоннымъ начальникомъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Волконскимъ, они, послѣ перваго взвода, стрѣлявшаго по рапжиру, которому князь изъявилъ свое удивленіе, потому что они пулями избили десять дощечекъ съ кружками для цѣли, на тотъ ящикъ навѣшанныхъ, воззвали: ваше сіятельство! мы всѣ такъ стрѣляемъ, какъ первый взводъ, почему князь приказалъ было стрѣлять кому придется чрезъ три человѣка, всѣ попадали въ цѣль, потомъ чрезъ семь и далѣе чрезъ двѣнадцать, всѣ также попадаютъ, потомъ онъ самъ выводилъ изъ обѣихъ шереногъ всего полка тѣхъ, которые ему казались поплоше, но и тѣ сдѣлали какъ всѣ; напослѣдокъ нашелъ онъ самаго невиднаго драгуна, по прозванію шула, и приказалъ ему стрѣлять; онъ попалъ въ самую средину круглаго пятишника на дощечкѣ, въ полтора вершка въ діаметрѣ начерпеннаго. Князь, судя по необѣщательному виду шулы, думалъ, что онъ такъ попалъ случайно, и приказалъ ему сдѣлать другой выстрѣлъ; симъ онъ влѣпилъ пулю на полъ-вершка отъ первой, князь и это счелъ случаемъ, приказалъ ему сдѣлать третій, онъ и симъ посадилъ пулю отъ первыхъ двухъ на вершокъ и сдѣлалъ равнобедренный треугольникъ. Тогда князь, подаривъ шулѣ червонецъ, прочимъ объявилъ свою благодарность и удивлялся, что не нашелъ во всемъ полку ни одного драгуна, который бы пропустилъ свою пулю мимо дощечки, на ящикѣ повѣшенной. Ободренные еще

снимъ, они старались еще достигать лучшаго въ семъ искусствѣ, прицѣливаясь всегда, когда только имѣли въ рукахъ ружье, во всякій предметъ недвижущійся и движимый; почему, когда были лошади на подножномъ корму въ лугахъ съ премножествомъ дичины, то они стрѣляли только перелетающую чрезъ нихъ, стоя, сидя и даже лежа, — напослѣдокъ стали держать пари, чтобъ сидя застрѣлить летящую птицу, такъ чтобъ она упала подлѣ застрѣлившаго въ такой близости, чтобы онъ, не сдвигиваясь съ мѣста, гдѣ сидѣлъ во время выстрѣла, могъ ее взять рукою, а буде такимъ образомъ не достанетъ, то проигрываетъ пари, и такимъ образомъ стрѣляя, сотнями дичину присылали въ эскадроны.

Можетъ быть такой быстрый успѣхъ въ наученіи пахарей стрѣлять какъ лучшіе охотники покажется невѣроятенъ, тѣмъ болѣе, что и ружья солдатскія у всѣхъ на худомъ замѣчапіи, то надобно знать, что шефъ, какъ только прибылъ къ намъ, нанялъ искуснаго оружейнаго, изъ прусаковъ, мастера, который съ полковыми оружейниками всѣ ружья переправилъ внутренность дулъ по руководству самаго шефа на струпу и переставилъ цѣли и огнивы многія перемѣнилъ, почему наши драгунскія ружья всѣ стали лучшими охотничьими. Князь Д. М., удивляясь стрѣльбѣ, за ружья сдѣлалъ выговоръ, потому что изъ нихъ нѣкоторыя, выпрямясь внутри, сдѣлались паружи не прямы и сказалъ: пусть бы пуля летѣла, куда хотѣла, только бы видъ былъ хорошъ.

По приближеніи времени выпускать полковыхъ лошадей на подножный кормъ, шефъ послалъ меня осмотрѣть отводимыя для того мѣста. Отправясь туда, изъ показыванныхъ мѣстъ одно только показалось мнѣ годнымъ, прочія или безъ водопоя, или недостаточны кормомъ. Одобренное мною мѣсто я обмѣрилъ шагами и сдѣлалъ оброс текущей по немъ рѣчки и облегающаго по сторонамъ лѣса. Шефъ доволенъ былъ, взглянувъ на ту бумажку а потомъ заставилъ меня припяться за то, о чемъ я со вступленія въ военную службу и не подумалъ никогда. Въ то время я повѣрилъ, что науки безъ повторенія или употребленія недолго остаются въ числѣ даровъ природы и дѣятельностію пріобрѣтенныхъ. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать исчисленіе, сколько обрисованное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ десятинъ. Съ горест-

нымъ предчувствіемъ принять долженъ былъ такое приказаніе, которое безъ стыда исполнить не надѣялся. Пришелъ въ квартиру, принялся за вычисленіе и увы! увидѣлъ, что я не только геометрію, но и изъ ариѳметики квадратныя и кубичныя правила забылъ. Обращаюсь къ хозяйскому сыну, который, конча курсъ въ тамошнемъ училищѣ, служилъ у предводителя протоколистомъ. Онъ съ радостію даетъ мнѣ циркуль, транспортиръ, масштабъ или, лучше сказать, совсѣмъ готовальню,—тутъ наступило время обнаружить стыдъ мой тѣмъ, что я, забывъ все, принужденъ былъ просить книгъ ариѳметики и геометріи, надъ которыми безъ малаго сутки просидѣлъ, не допуская къ себѣ никого, кромѣ деньщика, который долженъ былъ перемѣнять у меня бутылки съ холодною водою, которая во все то время одна составляла и пищу, и питье. Прочитавъ въ той и другой нужнѣйшее и сдѣлавъ нѣсколько примѣровъ, исчислилъ напослѣдокъ и обрисованное пастбищное мѣсто; повѣрками доказалъ себѣ точность и съ чувствомъ радости и благодарности воскликнулъ: „дай Богъ здоровья шефу, что заставилъ меня вспомнить забытое и Григорію Зиновьевичу Вязовину, что доставилъ мнѣ на то средства книгами и готовальнею“.

Послѣ сего-то событія я познакомился съ учителемъ математики Левицкимъ и нерѣдко посѣщалъ училище, особенно въ его классы. Тамъ я видѣлъ завиднѣйшую участь директора, кажется, ему одному только свойственную. Директоромъ былъ тогда заслуженый мужъ Иванъ Ивановичъ Холинскій. Трудно было удержать учениковъ на мѣстахъ при появленіи его въ училищѣ; всѣ бѣгутъ къ нему на встрѣчу, обхватываютъ какъ дѣти отца, давно ими невиданнаго: кто обхватываетъ его, кто хватаетъ руку его, которою онъ хочетъ кого изъ нихъ погладить, а кто просовываетъ между соучениковъ руку, чтобъ ею хоть платья его коснуться. Такимъ образомъ онъ, какъ матка, облѣпленная пчелами, движется по классу, пока всѣхъ ихъ обласкаетъ правоучительными привѣтствіями и скажетъ: „вижу съ удовольствіемъ любовь вашу; теперь покажите мнѣ ее и успѣхами въ наукахъ“. Всѣ занимаютъ свои мѣста и все возможное употребляютъ, дабы услышать изъ устъ директора: онъ меня любитъ, потому что хорошо учится, чѣмъ онъ каждаго заслужившаго то награждалъ, а отличныхъ подзывалъ къ себѣ для особыхъ приличныхъ

привѣтствій; подобно сему и гг. учителя съ нимъ обращались съ почтительностію, довѣренностію и благородною и откровенною вольностію и благонамѣренностію. Все то впечатлѣлось въ моей памяти такъ, что я, видавши въ другихъ мѣстахъ подобныя учебныя заведенія и не видя того, что тамъ видѣлъ, всегда говорилъ, что это—не Новгородско-Сѣверское!

Въ Лубнахъ первый привѣтствовалъ насъ статскій совѣтникъ Гильдебрандтъ и здѣсь также статскій совѣтникъ Иванъ Степановичъ Судденко, коего тамошніе жители не называютъ иначе какъ старый панъ Судепко. Этотъ почтенный старикъ, лѣтъ семидесяти, преласковый и богомольный, до крайности любилъ быть вездѣ первымъ, даже и духовные дѣлали ему уваженіе; безъ него никакую службу не начинали. Почему приходилось такъ, что онъ въ своемъ дормезѣ всегда пріѣзжалъ, какъ просвященный, со звономъ. У него была хоть рыкунья, однако-же, капелія человѣкъ изъ шести, и всегда, когда у него званые гости обѣдали или ужинали, она играла симфоніи, состоящія по большей части изъ тѣхъ музыкальныхъ фигуръ, въ коихъ на одной какой-нибудь нотѣ по нѣскольку тактъ дергаютъ смычкомъ тридцать вторые или шестьдесятъ четвертые, а духовые и толстоголосые инструменты подражаютъ той пѣсенкѣ, которую неглиже поютъ возвращающіеся съ поля самцы изъ рода рогатыхъ. Онъ жилъ, какъ и всѣ малороссійскіе паны, его состояніемъ равные, но имѣлъ двѣ странности:—первая, что ни во что не одѣвался, кромѣ сюртуковъ, изъ коихъ суконные надѣвалъ только въ церковь и дома только до окончанія обѣда, послѣ котораго онъ, поруча любимому изъ гостей занять его хозяйское мѣсто, отправлялся отдыхать и послѣ того являлся уже въ какомъ нибудь испещренномъ широкими разноцвѣтными полосами и колпакѣ, сшитомъ изъ лоскутковъ разныхъ матерій всѣхъ извѣстныхъ цвѣтовъ, съ золотою на концѣ кисточкою. Такіе колпаки чѣмъ пестрѣй, тѣмъ болѣе ему нравились, почему подаренный нашею генеральшею ему колпакъ изъ бѣлаго атласа, съ вышитыми на немъ разными цвѣтами, искусно въ натуральномъ видѣ расположенными, съ лиловою опушкою, вышитою золотомъ, онъ не очень одобрилъ, потому что въ немъ состояло матеріи только двухъ цвѣтовъ, и онъ, принявъ тотъ подарокъ, поблагодаривши при свиданіи, сказалъ: „видно, ты не щеголиха, что у тебя и

на колпакъ лоскутковъ не нашлось, кромѣ двухъ цвѣтовъ". Другая странность—въ томъ, что онъ не могъ, какъ прочіе, слышать громъ, почему камердинеру его въ первѣйшую обязанность поставлено наблюдать появленіе облаковъ, изъ коихъ можетъ быть громъ и, увидя таковыя, дѣлать ему докладъ, по которому онъ, хотя бы въ началѣ обѣда, все оставлялъ и, спрятавшись въ подземную комнату, при неугасимой лампадѣ маливался Богу. И этотъ почтенный старикъ довольно ласкалъ меня и, между прочимъ, обѣщалъ рекомендовать меня брату его, прибавляя при томъ: „онъ тебѣ, можетъ быть, когда-нибудь пригодится". Братецъ его младшій, Осипъ Степановичъ, былъ въ необыкновенной ему противоположности. Сей старикъ, при ограниченномъ состояніи и пенсіи, отъ меньшаго брата получаемой, любилъ жизнь гостепріимную, а тотъ, старый холостякъ, неограниченный богачъ (какъ говорили тамъ, имѣетъ около семи милліоновъ наличными), всѣ огромные доходы свои употреблялъ въ заведенія и строенія, въ коихъ онъ дней по нѣскольку въ годъ бывалъ одинъ и снова уѣзжалъ въ Петербургъ. Почему изъ квартировавшихъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ полковъ одинъ нашъ ему понравился и онъ просилъ весь полковой штатъ офицеровъ посѣтить его Очкино, въ 30 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, и то какъ мы не скоро выбрали на то свободное время, поручилъ принять насъ тамъ брату своему и г-жѣ Телесницкой. Ѣдучи туда, мы предполагали увидѣть въ Очкинѣ все обыкновенное—сельское, но какъ удивились, когда представилось намъ все герцогское и даже столичное, или, по крайней мѣрѣ, пристоличное. Дворъ представляетъ квадратную площадь, величиною десятины съ двѣ или болѣе, прилегаетъ къ рѣкѣ Деснѣ и возвышается надъ нею, только что въ полую воду едва не можетъ заливать его. Онъ и окрестности, на коихъ расположены садъ съ большими оранжереями, экипажный съ конюшнями и скотный дворы и прочее со всѣхъ сторонъ ко всему помянутому прилегающее пространство—ровное, особенно дворъ, кажется, по ватерпасу выровненъ. На противоположной Деснѣ сторонѣ двора огромный трехъ-этажный каменный новѣйшей архитектуры домъ, а отъ него на обѣ стороны, расположенные около двора, большіе каменные же флигеля, образуютъ скобу, концами къ Деснѣ прилегающую, почему въ полую воду, когда она почти равняется

съ поверхностію двора сего, проходящія по Деснѣ водоходныя суда представляются, какъ будто по двору плывущими. Все это огромное строеніе наполнено дорогою мебелью,—особенно главный домъ, въ коемъ есть компаты, обитыя китайскими тканными обоями, цѣною тысячъ по двадцати и тридцати. Столовая вся обвѣшана грудными въ натуральную величину портретами всѣхъ извѣстныхъ россійскихъ князей, царей и императоровъ, тутъ же и тканый портретъ императрицы Екатерины 2-й, превосходной работы, а подъ нимъ Безбородко, Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ и другихъ прежде и послѣ сихъ отличныхъ въ воинной, статской и придворной службахъ мужей. Въ верхнемъ этажѣ многія компаты обвѣшаны такими же портретами всѣхъ по исторіямъ извѣстныхъ: европейскихъ, азіатскихъ и даже частію африканскихъ и американскихъ государей, въ томъ числѣ и мексиканскаго Матецумы. Двѣ компаты обвѣшаны историческими и аллегорическими картинами, изъ коихъ нѣкоторыя на оборотѣ имѣютъ и натуральныя изображенія. Прочія десятки комнатъ сего дома такъ уставлены мебелью, коей подобной художествомъ и цѣнностію я въ частныхъ домахъ не видывалъ, что, не выставя чего нибудь, новаго поставить нѣтъ мѣста. Всѣ почти компаты снабжены часами футлярными, столовыми и въ прочихъ, какіе до того для удовлетворенія богатой роскоши выдуманы, фигурахъ размѣщенными. Нѣтъ изъ нихъ ни однихъ часовъ, которые бы стоили одну тысячу, но всякіе—двѣ, три, четыре, пять, десять тысячъ и такъ далѣе даже до двадцати четырехъ тысячъ рублей. Сей цѣны часы на бюро, въ коемъ по пробитіи часоваго звонка играетъ препріятная музыка, а изъ хрустальнаго деревца, изъ мраморной, вершковъ двѣнадцати въ діаметрѣ, чаши, возвышающагося изъ вершины и всѣхъ вѣтокъ тоненькіе фонтанчики, кои бьютъ вверхъ, а кои въ видѣ алмазной нитки испускаютъ капельки. Изъ множества нѣтъ ни одного бюро, которое бы не заключало въ себѣ чего либо замысловатаго изъ механики или другаго какого изъ извѣстныхъ превосходнаго искусства. Въ одной комнатѣ стоитъ китайская кровать, которая также стоитъ болѣе десяти тысячъ рублей. Всѣ флигели наполнены также дорогою мебелью. Въ прилегающемъ концомъ къ Деснѣ съ правой стороны двора флигелѣ, который отведенъ былъ нашимъ офицерамъ, стулья, кресла и диваны краснаго

дерева, у коихъ подушки обтянуты старинными, подобно сафьяну, плотными разныхъ цвѣтовъ штофами, шелковыми парчами, изъ коихъ въ комнатѣ, мною съ тремя товарищами занимаемой, на всемъ была парча по малиновому бархату, различными зелеными и прочими фигурами вытканная. Словомъ, намъ, ѣхавшимъ отъ Новгородъ-Сѣверска по большей части необитаемыми мѣстами и между лѣсовъ, все въ Очкинѣ, отдаленномъ даже и отъ маленькаго городка, какъ старинныя монашескія пустыни,— все наружное показалось волшебнымъ, а внутреннее привело въ удивленіе, какъ человѣкъ въ теченіи сорока или менѣе лѣтъ могъ нажить достатокъ для построенія столь огромнаго дворца со всѣми приличными оному заведеніями и все наполнить драгоцѣнностями, которое все, кромѣ селъ и деревень, цѣнить надобно уже многими милліонами и сверхъ того семь милліоновъ деньгами, кои, какъ увѣряли, обращаются въ кредитныхъ заведеніяхъ; а болѣе всего терялись мы въ понятіи, для чего, неимѣющимъ законныхъ ни отъ себя, ни отъ брата наслѣдниковъ, устроена такая обширная драгоцѣнность, въ такомъ мѣстѣ, какія древніе монахи выбирали для своихъ пустыней, на чужой землѣ, о которой тяжба съ настоящею владѣлицею и еще, полно, не съ графинею ли, за двадцать прежде 1804 года начавшаяся и въ бытность нашу въ томъ году тамъ еще продолжалась, съ одной стороны по богатству, а съ другой — по упрямству, не хотѣвшему взять изъ предложенныхъ вдвое: цѣны или пропорціи земли въ другомъ смежномъ ея владѣніямъ мѣстѣ.

Какъ ариѳметика и геометрія безъ употребленія сдѣлались мнѣ какъ незнакомыя въ пять лѣтъ, но то, чего я не употреблялъ болѣе двадцати лѣтъ, то уже невозвратно. Я теперь не могу объяснить моего понятія, какъ объяснялъ бывши адъютантами и квартермистромъ, лучше объясняю, какъ теперь слышите. Стеченіе обстоятельствъ, безродность и беззаконность выставили меня какъ русскаго пѣтуха между индѣйками, которыя, окружа его, до тѣхъ поръ туркаютъ и гоняются за нимъ, пока прогонятъ съ того мѣста, гдѣ его увидѣли, а когда тотъ удалится въ другое мѣсто и уже не мѣшаетъ имъ своимъ присутствіемъ, то и тамъ хоть одна увидитъ его, начинаетъ привязываться къ нему, кукать и тѣмъ, не смѣя одна напасть, созываетъ всѣхъ своихъ однородныхъ и тамъ начинаютъ нападеніе

и гонять, сколько хотять и куда тому удастся укрыться, хотя на время отъ гоненія, разлучаясь всегда съ своими курицами. Участь моя, по прибытіи сюда, и нынѣ точно такая, какъ сіе состояніе пѣтуха. Подробности, какъ умѣю, разскажу въ своемъ мѣстѣ, если соберу силы разсказать всѣ горести въ здѣшней странѣ, на меня безпрестанно одна за другою изливавшіяся, а болѣе изливаемыя индѣйками, а теперь еще что нибудь скажу новгородско-сѣверскаго.

Тамъ жила почтенная супруга полтавскаго главнаго суда предсѣдателя М. Ф. К. Она принимала нашихъ какъ слѣдуетъ, но меня какъ-будто болѣе другихъ ласкала; у ней было три дочери, изъ коихъ одну выдала за маіора Новгородскаго полка, котораго я зналъ уже генералъ-маіоромъ, и два сына: меньшій еще учился, а старшій служилъ въ канцеляріи черниговскаго губернатора барона Френсдорфа. Онъ, пріѣхавъ къ маменькѣ и полюбя нашихъ полковыхъ, оставилъ свое губернское секретарство, опредѣлился къ намъ юнкеромъ, хотя мать и не одобряла такого его промѣна. Этотъ молодой человѣкъ обладалъ отличными дарованіями и всегда и вездѣ, гдѣ случалось ему быть, доставлялъ удовольствіе всякому съ нимъ сопребывающему. Онъ былъ моложе меня лѣтами, но далеко старше свѣдѣніями; избралъ по совѣту матушки меня въ ментора, почему и переселился отъ маменьки ко мнѣ, чтобы свободные часы дѣлить между собою. Съ сего времени я сдѣлался въ домѣ маменьки его какъ семьянинъ и пользовался ласками его маменьки не меньше, какъ и самъ онъ, а квартира моя, бывшая пристанищемъ пріѣзжавшихъ изъ эскадроновъ въ штабъ-квартиру офицеровъ, сдѣлалась общимъ сборищемъ, особенно ученыхъ офицеровъ и священниковъ, которые завели съ моимъ пріемышемъ диспуты по разнымъ предметамъ учености. Такимъ образомъ, предполагаемые часы дѣлить между нами дѣлились между всѣми и ему, какъ охотнику писать на разные предметы сочиненьица, оставались для того только самые поздніе часы почи, которые онъ не во снѣ проводилъ, но или надъ сочиненіемъ чего-либо, или надъ новою какою-либо серьезною книгою, которую, разъ прочитавъ, послѣ могъ разсказать съ начала или съ котораго-либо мѣста до конца съ весьма малою перемѣною словъ, на мѣсто которыхъ говорилъ еще болѣе мысль книги выражающія, нежели въ ней написанныя. Офицеры

всѣ любили его и обращались не какъ съ юнкеромъ, но какъ съ ученымъ, а потому нѣкоторые просили его разсматривать и поправить свои посильныя сочиненія въ стишкахъ или прозѣ и онъ охотно удовлетворялъ ихъ желаніямъ. Но такое его радушное угожденіе поссорило его съ тѣми, коихъ хорошее расположеніе онъ не хотѣлъ бы промѣнять ни за какое земное благо. Капитанъ, послѣ стрѣлянья саранчи, хоть вылѣчилъ свои челюсти по вынутіи изъ нихъ пули, но, какъ думать надобно, помѣшался послѣ того, хотя и воспитанникъ дерптскаго университета. Онъ возмечталъ завести любовную интригу съ такою особою, которая о томъ никогда и не помышляла. Неудача, которую онъ ясно могъ предвидѣть, возродила въ немъ злобу на невинность. Онъ сочинилъ стихи на манеръ оды. Пріемышъ мой, зашедъ къ нему, видитъ его разсматривающаго свое сочиненіе и просившаго, что нужно поправить, и онъ, зная, что благопамѣренные наши товарищи таковыя сочиненія, какое предложилъ его разсмотрѣнію тотъ капитанъ, всегда хотя и напишутъ для шутки, но тотчасъ рвутъ ихъ въ мелкіе лоскутки, взялъ стихи и, видя ихъ въ барковскомъ вкусѣ въ высокой степени, и смѣючись что-то поправилъ, въ надеждѣ, что и онъ поступитъ съ такимъ своимъ сочиненіемъ какъ прочіе съ такими поступаютъ, т. е. изорветъ; но онъ имѣлъ низость переписать ихъ на-бѣло и еще больше—чрезъ кого-то положить въ корзину съ цвѣтами, стоявшую въ гостинной той особы, къ которой онъ, можетъ быть, и чувствовалъ любовь, но адскую, ибо человѣкъ любимой особѣ не можетъ злобно мстить даже и за обиды, любимою особою нанесенныя, а сія, кромѣ благодѣянія во время лѣченія его отъ саранчи, ничего ему не сдѣлала. Скоро открылись всѣ тайны сего пакудства капитана; великодушная та особа простила его какъ сумасброда, а корпусъ офицеровъ, оскорбясь его поступкомъ, выгналъ его изъ своего общества на островъ Эзель. Но питомецъ мой почтенъ былъ невинно соучастникомъ, а какъ онъ жилъ у меня и я въ домѣ его маменьки былъ какъ въ числѣ сыновей, то отъ меня, зная мою въ томъ невинность, требовалось отказать отъ любимой мною связи съ семействомъ моего питомца и съ нимъ, какъ прервала пріязненную съ ними до того существовавшую связь обиженная особа. Она еще не увѣрена была въ невинности моего питомца, а его семейство

обижалось, зная невинность своего семьянина и видя лишеннаго прежней ласки. Въ ужаспомъ затрудненіи находился я, какъ удовлетворить различнымъ требованіямъ обѣихъ сторонъ, мною равно почитаемыхъ и искренно любимыхъ, какъ и самъ отъ обѣихъ сторонъ имѣлъ счастье въ визитаціи. Но Провидѣніе не допустило долго страдать невинно. Походъ все перемѣнилъ и я паки удостоился ласки, хотя не въ прежней степени, въ которую достигъ уже послѣ войны съ французами въ Пруссіи, гдѣ и питомецъ мой разстался со мною въ Гельсбергѣ, по слѣдующему случаю. У генерала нашего были на завтракѣ генералы Багратіонъ и Раевскій. Они удостоили моего питомца разговоромъ и, продолжая съ нимъ оный, взяли его, юнкера, подъ руки и такъ пошли по улицѣ; что они съ нимъ говорили, мнѣ неизвѣстно, только на другой день просили они согласія нашего генерала, чтобы выпросить ему производства хотя въ другой полкъ; онъ скоро былъ пожалованъ корнетомъ въ гусарскій полкъ и опредѣленъ адъютантомъ къ генералу Потапову.

Прочее въ Новгородъ-Сѣверскѣ шло обыкновеннымъ порядкомъ. Я уже былъ утвержденъ шефскимъ адъютантомъ, правилъ должности, когда какая случится: аудитора, квартермистра, а чаще полковаго адъютанта и нерѣдко становился во фронтъ на мѣсто кого-либо недостающаго или высланнаго за какую-либо неисправность. Между тѣмъ, въ свободные часы участвовалъ на вечеринкахъ, балахъ и свадьбахъ, въ числѣ послѣднихъ оттопалъ и свадьбу дочери почтеннаго директора училищъ, Анны Ивановны; а, наконецъ, выступая въ походъ, не имѣлъ ничего заключающаго особенность до самаго села Чемера въ Козелецкомъ повѣтѣ, гдѣ слышалъ я разные концерты, игранные оркестромъ помѣщика Будьлянскаго, между коими одинъ, начинаемый пѣвческою, съ закрытыми ртами чрезъ носы. Ни вокальной, ни инструментальной музыки, подобной сей, нигдѣ не удалось мнѣ слышать; если можно уподоблять человѣческіе голоса ангельскимъ, то дискантовъ съ альтами, кажется, съ ними только могу сравнивать.

По семъ достигли мы старшаго изъ россійскихъ города Кіева. Приближась къ Днѣпру, маіоръ Громовъ посланъ былъ съ увѣдомленіемъ къ генералу Тормасову, а я къ коменданту г. м. Массе. Я коменданта встрѣтилъ уже ѣхавшаго къ нашему полку

на полугорѣ противъ крѣпости, а маіоръ Громовъ, не заставъ генерала Тормасова въ домѣ, проискалъ его въ разныхъ мѣстахъ Кіева, не успѣлъ ему доложить о прохожденіи полка прежде, пока онъ самъ встрѣтилъ полкъ, гдѣ оканчивался взъѣздъ отъ Днѣпра на Печерскую площадь. Маіору Громову причтено то въ неисправность, почему одинъ офицеръ, впрочемъ, преблагородный человѣкъ, впалъ въ искушеніе осуждать его, выставляя себя, что онъ могъ бы исполнить то лучше. При доказательствахъ моихъ противнаго его похвальбѣ и оправданіи маіора возникъ между нами споръ, доходившій до извѣстнаго доказательства: кто правѣе; но какъ это было въ моей квартирѣ, въ одномъ домѣ съ шефомъ, коего служанки помѣщались въ компатѣ одною стѣною отъ занимаемой мною, то ссора наша въ самомъ жару сдѣлалась извѣстною шефу, который, взойдя къ намъ, пресѣкъ ту матерію и перемѣнилъ языки и тонъ разговора; остались слѣды на лицахъ и глазахъ, съ которыми онъ сообразилъ поступокъ свой съ нами, и время, и обстоятельства сдѣлали насъ паки друзьями. Но отношенія шефа ко мнѣ сдѣлались посерьезнѣй и продолжались даже заграницею до того времени, пока пашелъ меня ни въ чемъ къ нему не перемѣнившагося. Впрочемъ, Кіевъ всѣмъ извѣстенъ или по личному обзору, или по сотнямъ повѣствователей, обозрѣвавшихъ его умнѣйшими моихъ глазами и описавшихъ достойно свѣдѣнія лучшаго свѣта.

Потомъ проходили мы мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ графиня Броницкая угощала насъ въ павильонѣ, выстроенномъ въ саду, простирающемся отъ самаго мѣстечка и прилегающемъ на нѣсколькихъ верстахъ къ большой дорогѣ. Садъ сей, въ коемъ много рѣдкостей и натуры, искусствомъ въ красоту обращенныхъ, и одного человѣческаго искусства. Онъ при жизни еще свѣтлѣйшаго князя Потемкина, какъ будто магически изъ рощи превращено мѣсто сіе въ такой прекрасный видъ сада, коего и остатки внушали намъ понятіе о могуществѣ человѣка, коему свыше опредѣлено творить дѣла необыкновенныя. Онъ съ такою необыкновенностію устроенъ тогда владѣлицею для принятія великаго гостя—дяди своего свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Мѣстоположеніе по натурѣ ничего особеннаго не имѣло, кромѣ одного съ отростками оврага и въ немъ родника, имѣющаго безпрерывное теченіе въ вершковую, въ діаметрѣ, трубу, и сей-то оврагъ

сдѣланъ лучшимъ украшеніемъ сада, какого въ другихъ мѣстахъ видѣть уже не удавалось. По немъ ходы растущими по сторонамъ деревами не только закрыты отъ солнечныхъ лучей, но почти и отъ свѣта; въ немъ изъ различныхъ фигуръ бьютъ фонтаны; въ немъ на славу сдѣлана роскошная турецкая баня; въ немъ различныя бесѣдки и, наконецъ, обширный прудъ, на плотинѣ коего мостъ, а на сторонѣ, обращенной къ рѣкѣ, въ плотинѣ сдѣланъ видъ комнатъ, чрезъ которыя во время иллюминаціи пускается изъ пруда вода равной въ теченіи толстоты, которая теча образуетъ видъ огромнаго стекла, за которымъ поставленные у тѣхъ подмостныхъ комнатъ огни представляютъ необыкновенное зрѣлище. На обширнѣйшей изъ возвышенныхъ ровнядей сего огромнаго сада, прилегающей къ большой дорогѣ, саженяхъ въ 15-ти отъ оной, устроенъ павильонъ, между коимъ и дорогою чрезъ обширный цвѣтникъ аллея въ четыре ряда лимонныхъ, апельсинныхъ и лавровыхъ большихъ, въ красивыя фигуры приведенныхъ, деревьевъ и дорогихъ горшечныхъ и грунтовыхъ цвѣтовъ, каковыми и пространства цвѣтника на обѣ стороны аллеи, искусною рукою размѣщенныя, представляли единственный видъ. Прочіе, подобные сему многіе отдѣльные цвѣтники въ приличныхъ мѣстахъ, соотвѣтственныхъ онымъ величинахъ устроенные, также аллеи, разными деревьями обсаженныя, и прочія деревья, особенно большіе дубы, къ искусному украшенію на приличныхъ мѣстахъ насаженные и сами выросшіе, описать по множеству и уже запамятованія—не могу; а скажу только, что въ помянутомъ павильонѣ весь корпусъ офицеровъ угощаемъ былъ обѣдомъ, за коимъ, кромѣ всего приличнаго необыкновенному богатству, уму и деликатному вкусу вельможной хозяйки, подавали въ числѣ многосложнаго десерта ананасы необыкновенной величины, каковой я ни прежде, ни послѣ нигдѣ и даже у нея самой не видывалъ. Въ семъ то павильонѣ видѣлъ я въ хозяйкѣ образецъ придворныхъ дамъ великой Екатерины и слышалъ, какъ онѣ говаривали и разсуждали. Она послѣ обѣда, когда всѣ разошлись по саду еще досматривать украшенія сада, осталась съ шефомъ нашимъ въ павильонѣ и, сѣвши по обѣ стороны италіянскаго окна, говорила съ нимъ на русскомъ языкѣ такимъ штилемъ и возвышеннымъ, и быстро объемлющимъ обзоромъ всего къ государствамъ относящагося, съ такими дальновидными и какъ будто пророче-

скими о томъ заключеніями, каковыхъ я такъ-же, какъ и большихъ ся апанасовъ, ни прежде, ни послѣ, нигдѣ ни отъ кого и даже отъ нея самой не слыхалъ; въ томъ разговорѣ выражены были происшествія 1812 года и почти такъ же какъ оныя происходили на самыхъ событіяхъ. Она сама удостоила меня быть слушателемъ такихъ высокихъ и зрѣло обдуманныхъ разсужденій, по случаю прихода моего, почти при началѣ разговора, къ генералу съ донесеніемъ объ исполненіи приказаннаго отъ него. Увидя меня въ галлереѣ, замѣтя ихъ важный разговоръ, остановившагося, просила генерала подозвать меня и выслушать, и когда то было исполнено, то она сказала: „если онъ твой адъютантъ, то пусть здѣсь останется". По такому - то случаю я слышалъ такой разговоръ, каковой и теперь съ сердечною слабостію послушалъ бы для подкрѣпленія ослабѣвшаго моего ограниченнаго умишка. Еще были тамъ двѣ рѣдкости. Старшая дочь ея обладала даромъ живописи въ высокой степени и была музыкусъ изъ женскаго пола; а меньшій сынъ обладалъ симпатіею, всѣхъ къ нему привлекающею и дающею ему право на любовь къ нему всѣхъ и каждаго въ высшей степени, въ чемъ къ другимъ особамъ по различности образа мыслей, вкусу и сочувствію раздѣляются па многія степени.

Потомъ мы прибыли въ свои кантониръ-квартиры—городъ Богуславъ, гдѣ простоявъ нѣсколько, пошли по Брестъ-Литовскому, а тамъ соединясь съ прочими полками, подъ командою ген. И. Н. Эссена 1-го состоящими, вступили въ австрійскія владѣнія. Съ сего времени начались адъютантскія мои занятія уже не по одному нашему полку, но по частямъ, составлявшимся или составленными поступавшимъ подъ команду генерала Л., у котораго я былъ шефскимъ адъютантомъ. Въ это время генералъ Эссенъ 1-й оставался въ Брестѣ, ген. Л., какъ старшій, сдѣлался начальникомъ выступавшихъ вмѣстѣ съ нашимъ полкомъ двухъ пѣхотныхъ гренадерскаго и мушкетерскаго и одной роты батарейной артиллеріи. Начали поступать къ нему, какъ командиру, бумаги, кои онъ поручилъ мнѣ, чтобы я по нимъ дѣлалъ то, что долженъ и властенъ адъютантъ. Сія новая коммиссія, похожая на ходъ дѣлъ одного полка, однако-же, при первомъ случаѣ показалась мнѣ не вдругъ объемлемою моимъ понятіямъ. Одни разности названій одноразличныхъ чиновъ и однозначащихъ

вещей и то мнѣ, новичку, было въ числѣ замедленій, въ чемъ опытный адъютантъ по одной знакомой уже ему формѣ облегчается. Стыдно мнѣ было безпокоить генерала просить наставленія и еще стыднѣй представить ему дѣла не по формѣ или еще съ недостатками и излишествами. Къ счастью моему, при началѣ моего затрудненія прибылъ къ генералу съ рапортомъ шефъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка ген.-маіоръ Ант. Вас. Запольскій и, не знаю по какому случаю, зашелъ въ ту комнату, гдѣ занимался новыми для меня дѣлами. Онъ, какъ опытный во всѣхъ дѣлахъ и высшихъ адъютантовъ, тотчасъ узрѣвъ мою новость въ порученномъ мнѣ дѣлѣ, познакомилъ меня съ нимъ и съ собою на все продолженіе службы.

Какъ предметомъ нашего въ австрійскія владѣнія похода было соединеніе съ арміею, тамъ уже подъ командою ген. Кутузова находившеюся, которой мы, идя форсированнымъ походомъ, по краткости времени по выступленіи изъ Бреста, до Аустерлицкаго сраженія не дошли, то всѣ состоявшія подъ командою ген. Эссена 1 свѣжія и во всемъ исправныя войска, не сдѣлавъ ничего изъ предполагавшагося, возвратились въ русскія границы—и нашъ полкъ въ мѣстечко Любомиръ, Волынской губ.

Здѣсь нашли мы владѣльца того мѣстечка, графа Броницкаго, прибѣгавшаго туда изъ всегдашняго своего жительства Бѣлой Церкви, для встрѣчи двухъ сыновей своихъ, бывшихъ за границею при арміи волонтерами; вскорѣ и они къ радости его прибыли, окруженные гвардейскими офицерами. Не нужно намъ было заводить тамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, собранія, раутовъ и тому подобныхъ; все то ежедневно было въ домѣ графа. Гвардейцы и наши полковые, а также сосѣдство и чиновные управители его обширнаго имѣнія съ женами, родствомъ и проч. составляли всегдашнія, многочисленныя и по мѣстечку блистательныя собранія. Должность хозяйки занимала супруга генер. Курдваповскаго, который былъ главнымъ адъютантомъ при семъ графѣ, когда онъ былъ фельдмаршаломъ польской кавалеріи. Сей генералъ и въ отставкѣ не преставалъ быть хорошимъ пріятелемъ и содѣйствователемъ графу. Онъ, какъ хорошій геометръ и гидравликъ, по просьбѣ графини, по прежней дружбѣ къ графу запялся по обширному его любомирскому имѣнію, и увидя, что пашенную землю составляла только небольшая часть всей

и то песчаная, обсушилъ обширнѣйшія болота, бо́льшую часть земли занимавшія, доставилъ на нѣсколько лѣтъ вмѣсто дровъ торфу и навсегда нѣсколько тысячъ десятинъ прекраснѣйшей сѣнокосной и пашенной земли и тѣмъ въ нѣсколько лѣтъ привелъ то имѣніе въ отличное противъ всѣхъ окружающихъ опое. Крестьяне всѣ молятся, чтобы генер. Курд. для нихъ не умиралъ, а если умретъ, то чтобъ и оттуда назиралъ на нихъ и руководствовалъ ихъ дѣлами, которыя они лучше прежней своей лѣни полюбили и которыя уже не кажутся имъ такъ тяжелы, какъ при началѣ обсушиванія болотъ, когда они, работая, не знали, что произойдетъ изъ трудовъ ихъ. На одномъ изъ ежедневныхъ вечеровъ или пировъ у графа я съ однимъ моимъ товарищемъ испыталъ необыкновенное дѣйствіе меда. Графъ любилъ привѣтствовать каждаго самъ, для чего никакой разговоръ съ высшими особами не удерживалъ его встрѣтить и привѣтствовать самаго младшаго. По сему правилу докладывали ему и о гостяхъ, кто что изъ угощеній принимаетъ и чего нѣтъ. Я и полковой адъютантъ Лесевичъ не пили никакого вина и прекраснѣйшаго его Любомльскаго завода, на манеръ англійскаго, пива. Это ему сказано, почему онъ самъ, подойдя, первое слово сказалъ: „чѣмъ панство чествовать“, потомъ къ товарищу моему, говоря по французски, между прочимъ, сказалъ: „не угодно ли хоть меду“, и получилъ неотрицательное обоихъ насъ согласіе. Подали намъ меду не болѣе, какъ по десятой части осьмухи, съ особенною пріятностію выпили мы и какъ будто еще желали; но къ счастію или несчастію нашему, попались намъ варшавскія газеты и мы, желая знать о недавно конченной войнѣ, сѣли читать ихъ и не чувствовали, какъ медъ постепенно отбиралъ силу и дѣйствія членовъ нашихъ, даже и чистоту выговора. Между тѣмъ подходятъ къ намъ и говорятъ: „прошу танцевать“. Мы хотѣли летѣть къ любимой забавѣ, но не могли подняться съ креселъ. Взглянувъ другъ на друга и отгадавъ магію меда, начали стараться какъ бы скорѣй добраться не къ танцамъ, а къ холодному воздуху. Загнувъ руки назадъ и опираясь ими объ стѣну, чтобъ насъ не замѣтили, понемногу двигались вонъ изъ комнатъ. Выбравшись, такимъ образомъ, на обширное крыльцо, разстегнувъ мундиры, дали свободу препронзительному суровому вѣтру обхватывать насъ со всѣхъ сторонъ и

тѣмъ чрезъ нѣсколько времени окрѣпили наши члены, совсѣмъ было служить отказавшіеся. Медъ тотъ, которымъ насъ поподчивали, какъ послѣ мы узнали, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ сдѣланный, стоялъ въ бутылкахъ въ обширнѣйшемъ его подвалѣ, между винами, изъ коихъ многія стоятъ тамъ по двадцати и болѣе лѣтъ.

Надобно сказать нѣчто и о подвалѣ. Въ Польшѣ не замѣтилъ я, чтобы кто нибудь изъ маіотныхъ пановъ или владѣтелей недвижимыми имѣніями былъ личный или изъ недавно взошедшей въ шляхетство фамиліи, но всѣ таковые владѣтели суть старинные, а прочая шляхта у нихъ или арендаторы, или управители, прикащики, домовые маршалки и даже камердинеры. Изъ сего видно, что и Брацкаго предки давно уже въ числѣ вельможъ польскихъ. А какъ таковыя вельможи въ давнія времена имѣли обыкновеніе плѣненныхъ самимъ или кѣмъ либо изъ нихъ разбирать по себѣ для продовольствія, а болѣе, кажется, для тщеславія, коихъ они употребляли для расчистки прудовъ, выравниванія овражистыхъ или болотныхъ мѣстъ, для построенія домовъ или разведенія садовъ, нѣкоторые дѣлали среди небольшихъ озеръ насыпи и строили на нихъ, какъ панъ Твардовскій [1]), дома свои, сое-

[1]) Въ повѣсти о панѣ Твардовскомъ въ Польшѣ разсказываютъ, что онъ по заключенному контракту съ духами, желая принудить ихъ отказаться отъ требованій ихъ послѣ многихъ трудныхъ работъ задаваемыхъ, велѣлъ имъ сдѣлать среди озера насыпь и на ней хрустальный дворецъ, покрыть оный макомъ и чтобы каждую маковину прикрѣпить гвоздкомъ; а мостъ отъ того дворца на твердую землю сдѣлать висящій, на канатахъ, и чтобы сіи были свиты изъ песку и что сія послѣдняя работа принудила духовъ просить пана Твардовскаго уничтожить условіе, но онъ, возгордясь, надѣялся еще ихъ помучить и тѣмъ озлобилъ духовъ, которые уже рѣшительно стали наблюдать шаги его и какъ страстнаго до псовой охоты, дѣлая ему въ томъ забаву, превратились во всадниковъ, собакъ и одинъ въ коня для пана Твардовскаго, а другой—въ зайца. Сей послѣдній побѣжалъ прямо въ корчму, называемую Римъ. Панъ Твардовскій за нимъ и вспомня, что въ условіи онъ назначилъ взять себя въ Римѣ, не сказавъ въ городѣ (въ которомъ быть не хотѣлъ), вбѣжавъ въ корчму и схватя младенца, положилъ на колѣни и игралъ на скрипкѣ прежалобныя и вмѣстѣ ужасныя фантазіи, которыя простые скрипачи довольно согласно мысли разыгрываютъ, поютъ и разсказываютъ; еще разсказываютъ въ той повѣсти, что панъ Твардовскій, держа младенца на колѣняхъ и играя печальныя фантазіи, часто высылалъ слугу на дворъ осѣдомиться, что тамъ дѣлается, и тотъ сперва докладывалъ, что голуби и воронья всю кровлю на корчмѣ покрыли и

динивъ съ материкомъ большими или малыми плотинами съ подъемными мостами, только не хрустальный и мостъ не на песчаныхъ канатахъ, а подъемный просто. Въ Любомлѣ же такими плѣпными сдѣлана крѣпостца безъ всякихъ фортификаціонныхъ правилъ, но просто окруженная канавою, насыпь въ видѣ опрокинутаго таза, величиною на поверхности съ десятину, которая противъ окрестностей возвышена сажени на двѣ или на три, и съ площади мѣстечка взъѣздъ чрезъ канаву по мосту, а на ней домъ со службами, который навсегда опредѣленъ для начальниковъ войскъ, въ томъ мѣстечкѣ квартирующихъ. Подъ сею то насыпью засыпаны какъ будто подземныя жилища по всей площади, насыпью закрытой, пастроенныя со сводами стѣна объ стѣну въ разныхъ направленіяхъ такъ много, что, взошедши чрезъ одинъ входъ, въ нихъ трудно обратно выдти ко входу. Это-то подземелье теперь составляетъ тотъ подвалъ, въ которомъ хранился медъ, въ непонятное состояніе меня съ товарищемъ приведшій.

Еще и о первомъ числѣ апрѣля 1806 года, въ Любомлѣ проведенномъ, въ которое я имѣлъ случай употребить обыкновенную, перваго апрѣля, шутку въ такомъ большомъ размѣрѣ, каковаго не только мнѣ произвесть кромѣ сего не удавалось, но даже и слышать, чтобъ кому нибудь былъ случай подобно мнѣ въ одинъ день 1-го апрѣля обмануть безвредно около пяти тысячъ человѣкъ. Дивизіонный нашъ начальникъ былъ въ Брестѣ-Литовскомъ, отъ коего къ Любомлю почты не было, почему всѣ бумаги въ Брестъ изъ Любомля и обратно пересылались посредствомъ верховыхъ изъ полковъ, бригаду генерала Львова составлявшихъ, которыхъ квартиры прилегали къ сему проселочному тракту. Въ числѣ частей, чрезъ которыя отправлялась коммуникація, былъ одинъ эскадронъ нашего полка, въ которомъ 31-го марта, за отсутствіемъ маіора Громова, оставался начальникомъ задушевный мой пріятель поручикъ Нирв., который, какъ и многіе офицеры, страстно желалъ быть гусаромъ. Въ тотъ день (31 марта) подъ

дерутся: потомъ, что вороньевъ еще прибавилось, а голубь одинъ только бѣлый остался и бьетъ всѣхъ воропьевъ; потомъ, что и послѣдній голубь отлетѣлъ. Въ это время явился Твардовскому одинъ изъ главныхъ духовъ и, черкнувъ крейдою (мѣломъ) на стѣнѣ, представилъ отличнаго живаго коня и просилъ Твардовскаго садиться на него, но панъ Твардовскій, зная обманъ, махнулъ на духа младенцемъ и, выронивъ его изъ рукъ, погибъ.

вечеръ доставленный моему пріятелю для пересылки къ нашему генералу пакетъ съ надписью секретно возбудилъ любопытство его и онъ потому, отправя пакетъ сей изъ мѣстечка Мацеіова въ Любомль, запискою въ стихахъ просилъ меня чрезъ доставившаго тотъ пакетъ увѣдомить его (буде можно) о содержаніи того секретнаго предписанія. Сіи то: пакетъ, записка и жившіе со мною въ одной квартирѣ аудиторъ и два юнкера были основаніемъ огромной шутки. Пакетъ я, получа, представилъ генералу, который, распечатавъ, и мнѣ далъ прочитать, и какъ исполненіе по немъ требовалось не однодневное, именно въ разсужденіи обозовъ, то я и увольненъ на квартиру, гдѣ сопостояльцы мои ожидали меня съ нетерпѣніемъ, желая узнать, что предписано по секрету. Въ удовлетвореніе ихъ любопытства я имъ не могъ ничего сказать, ибо секретное должно быть секретно. Между тѣмъ началъ писать отвѣтъ моему пріятелю, и хотя закрывалъ каждую строку отъ прохаживавшихся по комнатѣ моихъ сопостояльцевъ, однако-жъ они увидѣли, что я писалъ. Отвѣтъ мой былъ слѣдующій:

„Любезный Францъ Григорьевичъ, поздравляю тебя гусаромъ, шефъ нашъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и полкъ нашъ перемѣщается изъ Любомля во Владиміръ, гдѣ будетъ изъ нашего драгунскаго полка формироваться гусарскій“ (Послѣднее было какъ будто предъузнаніемъ, ибо полкъ нашъ нынѣ и въ самомъ дѣлѣ гусарскій).

По усильной просьбѣ или, лучше сказать, отняли у меня записку сію, дабы вѣрнѣй знать, и какъ содержаніе оной льстило желаніямъ всѣхъ ихъ, то они, мгновенно затвердя ее, никто не обратилъ вниманія на № 3, по которому на оборотѣ написано первое апрѣля. Это было уже въ 12-мъ часу ночи. На разсвѣтѣ, 1-го апрѣля, пріятель мой получилъ мою записку и, будучи восхищенъ содержаніемъ ея, также не взглянулъ на № 3 и немедленно извѣстилъ сослуживцевъ того эскадрона и далъ о сей радости своему эскадронному командиру маіору Громову, который былъ у брата своего старшаго Гр., также эскадроннаго командира, а съ симъ въ одномъ мѣстѣ квартировалъ эскадронъ полковаго командира, у котораго былъ еще эскадронный командиръ П. Э. Такимъ образомъ пріятель мой извѣстилъ о небылицѣ четыре эскадрона, а отъ нихъ узнали и жители мѣстъ ихъ

квартированія. Шефскій же эскадронъ, штабъ полковой и жители мѣстечка извѣстились отъ моихъ сопостояльцевъ, которые съ сею новостію пустились изъ квартиры раньше обыкновеннаго. Часу до одиннадцатаго повость сія переходила изъ устъ въ уши покойно, но потомъ она начала увеличивать движенія. Первые жиды пустились по офицерамъ съ просьбами платы за забранные у нихъ различные товары и вещи (Папе порушнику, прошу пенсизы). Потомъ начались поздравленія. Генералъ Курд. прислалъ маршалка своего къ нашему шефу поздравить его генералъ-лейтенантомъ и когда маршалокъ получилъ отъ шефа отрицательный отвѣтъ, то генералъ Курд. самъ прикатилъ въ каретѣ съ супругою и племянницею подтвердить поздравленіе, маршалкомъ его приносимое. Шефъ отрицается; ему доказываютъ тѣмъ, что онъ получилъ въ почи о томъ предписаніе; онъ утверждаетъ, что не о томъ; ему подтверждаютъ доказательства тѣмъ, что всѣ жители мѣстечка и всѣ военные о семъ говорятъ, а общая молва должна бы, по крайней мѣрѣ, близка къ справедливости. Шефъ, зная совершенную всего несправедливость, удивляется откуда и какъ она произошла и сдѣлалась всеобщею молвою и даже съ дѣйствіемъ, отгадалъ, однако-жъ, потомъ, что это 1-е апрѣля. Между тѣмъ пріѣхалъ полковой командиръ и тоже хотѣлъ поздравлять шефа, но сей, предупредивъ первымъ апрѣля, поставилъ его на нѣсколько въ недоумѣніе и потомъ послѣдовало изслѣдованіе. Гг. офицеры начали разсказывать кто отъ кого слышалъ о новости, напослѣдокъ добрались до начала и меня заочно поздравили съ успѣхомъ 1-го апрѣля (я былъ занятъ въ квартирѣ и не успѣлъ быть въ другой разъ у шефа), меня позвали и я уже опасался выговора, но, къ счастію, вмѣсто его увидѣлъ я впослѣдствіи день, очень весело всѣми собравшимися у шефа проведенный.

IV.

Суевѣрная примѣта.—Непріятность шефу полка.—Пріемъ англійскаго посланника.—Случайная невзгода.—Горе отъ бѣдности.—Какъ составляются богатства.—Отвѣтъ оракула.—Вблизи Пултусской битвы.—Сраженіе.—Бивуаки у м. Остроленки.—Смерть товарища.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Благодарность побѣдителю.—Награда ему отъ прусскаго короля.—Болѣзнь.—Лѣченье.—Неудачная перемѣна квартиры.—Благодѣтель Грицко.—Добрая хозяйка.—Выздоровленіе.—Походъ.

Во время квартированія въ Любомлѣ со мною много случалось пріятнаго и непріятнаго и между прочимъ впалъ было паки въ суевѣріе по одному случаю. Генералу, у котораго я уже постоянно правилъ должность бригаднаго адъютанта, предписано было осмотрѣть бригады его полка: Екатеринославскій кирасирскій, Александрійскій гусарскій и татарскій уланскій и сверхъ того полкъ казачій Попова 9-го и роту артиллеріи полковника Глухова, которая квартировала въ Кобранѣ. По исполненіи сего, возвращаясь изъ Кобрана къ своему полку въ Любомль, остановились въ одномъ мѣстечкѣ кормить все, что ѣсть хотѣло. Изъ сего мѣстечка выѣзжая по узкому и долгому переулку, встрѣтили весь штатъ церкви, возвращающійся съ кладбища, погребши умершаго или умершихъ. Проѣхавъ сей переулокъ, должно было ѣхать версты три или четыре по самой неисправной греблѣ (плотинѣ), хотя и попеволѣ ѣхали мы по ней очень тихо, но за всѣмъ тѣмъ у насъ сперва лопнула ось подъ кухнею, потомъ испортилось переднее колесо у кареты, что заставило меня выдти изъ коляски, въ которую сѣлъ генералъ съ супругою, и остаться для распоряженія поправкою испортившагося. Не отъѣхали они и версты, какъ переломилась ось у брички, въ которой ѣхали двѣ дѣвушки. Итакъ, изъ четырехъ запряжекъ одна только коляска вытерпѣла ужасные между остатками лѣса выбои, послужила доѣхать генералу съ супругою и дѣвушки до первой деревни, которая довольно далеко отстояла отъ сокрушительной плотины, и они пріѣхали въ нее довольно поздно, а я, исправя поврежденное, прибылъ туда уже по восходѣ солнца, ибо и послѣ плотины ѣхалъ довольно большую дистанцію лѣсомъ, по пнистой и коренья-ми перепутанной дорогѣ. Этотъ-то случай заставилъ меня пере-

брать всѣ слышанныя встрѣчи съ духовными и приключенія, по нихъ послѣдовавшія, потомъ не удивлялся уже тому, изъ чего распространилось общее мнѣніе, что встрѣча съ духовною особою предвѣщаетъ непріятности, во избѣжаніе коихъ ворочаются назадъ и другія средства употребляютъ. И я, грѣшный, даже теперь имѣю слабость, хоть не ворочаюсь при таковыхъ встрѣчахъ, но всегда вспоминаю бывшее со мною и опасаюсь еще новой непріятности, особенно послѣ подтвержденія сего неосновательнаго мнѣнія однимъ, уже въ 1824 году, случаемъ. Того года 23-го апрѣля поѣхалъ я изъ деревни въ городъ на имянины къ учителю гимназіи и первая встрѣча на дорогѣ была съ какимъ-то священникомъ или діакономъ, а можетъ быть то былъ и дьячекъ или пономарь, но только твердо знаю, что церковнаго штата. Я мысленно просилъ у него благословенія, плевалъ въ задъ ему сквозь кулакъ и какъ у меня не случилось тогда ни булавки, ни иголки или чего либо другаго ему вслѣдъ кинуть, то я, прорвавъ у шинели тафту и вырвавъ клокъ ваты, бросилъ ему вслѣдъ. Казалось, все исполнилъ, покойно пріѣхалъ къ имянинику, весело провелъ между гостями его время и забылъ про встрѣчу. Послѣ обѣда выпросился я у имянинника на базаръ съ тѣмъ, чтобы, купивши огородныхъ сѣмянъ, возвратиться къ нему. Лишь только, остановясь противъ сѣмянницъ, сошелъ я съ дрожекъ, вдругъ несется съ горы тройка въ телѣгѣ безъ кучера и прямо на мои дрожки; коренная ударила грудью въ заднюю рессору, перешибла всѣ листы оной и отъ сего же удара на кругѣ передней оси дерево раскрошилось, а желѣзо изогнулось, весь переплетъ передка съ рессорами подался впередъ оси полъ на ней изгибомъ дроги; рессорою щелкануло коренную мою лошадь, она, испугавшись, понесла, пристяжная еще пуще; кучеръ мой, котораго еще ударомъ тройки кинуло на задъ коренной моей лошади, упалъ, запутался ногою въ возжи и тащился на нихъ почти полверсты по мостовой, о которую избилъ бока, особенно голову, и если бы не случился по счастію тутъ лѣкарь, который, взявши вольнаго цирюльника, приказалъ на томъ же мѣстѣ пустить ему кровь, то я неминуемо бы простился на вѣкъ съ моимъ кучеромъ; притомъ и коренная лошадь объ насунувшіяся къ ней рессоры, скакавши, жестоко избила себѣ заднія ноги, такъ что се нѣсколько времени должно было лѣчить. Теперь

осуждайте мою слабость, что я, повстрѣчавшись съ кѣмъ либо изъ служителей церкви, какъ будто жду чего непріятнаго. Самъ чувствую, что въ семъ заблуждаюсь, но сіи жестокія два приключенія не позволяютъ истребить мысли сей.

Непріятность на гребль, возвращаясь изъ Кобрапа претерпѣнная, стоила только нѣсколько рублей, на поправку испортившагося издержанныхъ, и по кратковременной досадѣ и смѣхѣ въ отношеніи послѣдствія опой, по встрѣчѣ съ церковными, доставила случай и почтенному генералу философски взглянуть на сіе и подобныя замѣчанія и доказать, что случившемуся на плотинѣ причиною не встрѣча съ церковниками, а неровная, ямистая плотина и жаркое время, отъ котораго всѣ части экипажей разсохлись и, переваливаясь изъ ямы въ яму, то на ту, то на другую сторону, поизломались; особенно доказалъ то по изломавшемуся колесу, которое въ самомъ дѣлѣ передъ выѣздомъ должно было замочить; тѣмъ все кончилось и мы благополучно доѣхали въ Любомль. Но ни по чему нельзя было не предполагать, что и здѣсь ожидало насъ, какъ будто въ дополненіе къ случившимся на плотинѣ тремъ, т. е. поломавшимся: кухнѣ, каретѣ и бричкѣ,—четвертое, по числу церковныхъ четырехъ особъ, предъ плотиною въ переулкѣ, возвращаясь съ кладбища, съ нами выѣзжавшими изъ мѣстечка, встрѣтившихся. Это было съ нарочнымъ, рапортъ шефа одного изъ осмотрѣнныхъ полка. Генералъ, во все время начальствованія надъ полками, его бригаду составлявшими и временами къ нему для чего-либо поступавшими, не имѣлъ ни отъ котораго рапорта или на мѣстахъ словеснаго донесенія ни о какихъ даже малѣйшихъ распряхъ, не распечатавши еще, сказалъ, что въ семъ рапортѣ должна быть важная непріятность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ такого содержанія, что мы, недавно осмотрѣвши тотъ полкъ, были въ необходимости паки въ него немедленно ѣхать. Корнетъ К. еще до смотра, бригаднымъ дѣланнаго, не помню за что-то, былъ арестованъ и лишенъ на время деньщика. Бригадный генералъ приказалъ употребить его на службу, а о деньщикѣ, чтобы онъ подалъ шефу рапортъ съ объясненіемъ невинности въ томъ, за что опый отнятъ. По выѣздѣ бригаднаго въ первый воскресный день послѣ развода, когда большая часть штабъ и оберъ-офицеровъ собрались къ шефу въ залѣ, гдѣ и штандарты стояли, пришелъ и

корнетъ К. съ рапортомъ о депьщикѣ и, подавая оный шефу, когда сей, по обыкновенію, съ приличною начальнику важностію, принимая рапортъ, сдѣлалъ родъ поклона, въ это время самое у него, корнета, какъ-то взмахнулась рука и какъ-то зацѣпила по щекѣ шефа, да такъ сильно, что онъ не могъ ничего выговорить до тѣхъ поръ, пока успѣли уже полковой командиръ съ прочими задержать, арестовавъ. Вотъ каково четвертое, которое до выхода за границу не кончено: корнетъ оставленъ въ предѣлахъ Россіи подъ судомъ, а шефъ, выѣздъ въ Пруссію, получилъ противъ желанія отставку и высшей степени чахотку. Итакъ, полкъ лишился какого-нибудь корнета и весьма достойнаго шефа предъ войною, когда и въ субалтернъ-офицерахъ была большая противъ обыкновенныхъ временъ надобность.

Вскорѣ послѣ сего мы двинулись изъ Любомля, шли мимо Бѣловѣжскихъ лѣсовъ,—гдѣ водятся зубры, коихъ въ Европѣ кромѣ сего мѣста нигдѣ нѣтъ,—въ дождливое время, но когда дошли до Пултуска, то осіяло насъ солнце и день, въ немъ проведенный, былъ какъ бы среди лѣта. Прошедъ это мѣсто, назначено намъ пристанище Сироцкъ. Здѣсь генералъ Л. сдѣлался начальникомъ еще надъ большею частью дивизіи. Начальникъ нашъ, дивизіонный генералъ Седморацкій, съ его Бѣловерскимъ пѣхотнымъ, Александрійскимъ гусар. и казаками командированъ за Варшаву, а остальныя войска его шестой дивизіи остались подъ командою ген. Л. Тутъ началась для меня работа египетская. Писарей у меня было только двое неопытныхъ молодыхъ юнкеровъ и я съ ними, трудясь день и ночь, едва успѣвали записывать и удовлетворять различныя требованія проходящихъ черезъ занятое нами мѣсто, изъ Пултуска въ Варшаву и обратно, большихъ и малыхъ командъ. Здѣсь притомъ предписано было разставить оборонительнымъ порядкомъ войска, при соединеніи рѣкъ Нарева и Буга, и навесть чрезъ Наревъ понтонный мостъ. Здѣсь генералъ Л. принималъ англійскаго посланника, который у него провелъ весь день, дожидая чего-то отъ нашего главнокомандующаго. Разговаривалъ на французскомъ языкѣ, а на англійскомъ говорилъ съ нимъ только одинъ нашего полка юнкеръ Тулиновъ, нынѣ воронежскій губернскій предводитель и въ числѣ отличныхъ магнатовъ и вельможъ. Но какъ непріятель двинулся къ намъ чрезъ другіе пункты, то все устроеніе наше осталось ненужнымъ

и всѣ войска, здѣсь бывшія, разошлись съ сего мѣста уже по назначеніямъ главнокомандующаго генерала Бенингсена, а генералъ Л. только со своею бригадою приблизился къ Пултуску и остановился въ деревушкѣ. Здѣсь со мною было непріятнѣйшее приключеніе. Здѣсь въ ночи получено приказаніе, чтобы всѣ войска, близь Нарева расположенныя, запаслись продовольствіемъ изъ барокъ, на сей рѣкѣ стоявшихъ. Тотчасъ по полученіи сего приказа я разослалъ о томъ записки во всѣ части войска, подъ командою генерала Л. оставшіяся, а въ свой полкъ, какъ тутъ же находящійся, хотѣлъ отправить послѣ или на словахъ сказать, но ни того, ни другаго не сдѣлалъ,—занялся другими нужными же дѣлами и во всю ночь не вспомнилъ. Къ счастью моему, полковый командиръ, глядя на другихъ, послалъ за продовольствіемъ, между тѣмъ, рано прибывъ къ генералу, при вопросѣ: получена ли имъ записка о пріемѣ продовольствія, — сказалъ: нѣтъ. Хотя продовольствіе въ нашъ полкъ принято не позже другихъ, однако-жъ, по отъѣздѣ полковаго командира, генералъ, призвавъ меня, пожурилъ, какъ прилично доброму и опытному начальнику, итакъ это кончилось добромъ. По послѣ сего, при отходѣ отъ него, приказано мнѣ еще нѣчто нужное и сдѣлать поскорѣй, и я, выходя изъ двери, сказалъ громчѣй обыкновеннаго „сейчасъ“; вмѣстѣ съ симъ словомъ дверь сія, какъ послѣдняя къ сѣнямъ, чрезъ которыя изъ задней двери дулъ сильный вѣтеръ, который незатворенною мною дверью такъ сильно хлопнулъ, что генералъ, пиша въ другой комнатѣ, это вмѣстѣ съ громкимъ словомъ „сейчасъ“ счелъ за грубость и уже не принялъ никакого моего оправданія; да и я, хотя зналъ, что не хлопалъ дверью, и то, что она хлопнула, не догадался отчего, потому что въ сѣняхъ дверь уже была затворена и вѣтеръ не дулъ поперекъ сѣней, а потому не могъ ничѣмъ оправдываться. Арестовалъ и написалъ представленіе главнокомандующему, что я въ такое важное военное время нерадивъ въ возложенныхъ на меня должностяхъ и еще осмѣлился на грубые поступки противъ начальника. Обезумѣлъ я, услышавъ о семъ послѣднемъ. Пишу записку къ полковому командиру: извѣщаю о моемъ несчастіи, прошу помощи. Сей почтенный полковникъ, приглася съ собою другаго (оба они давно уже генералы, послѣдній уже отъ кавалеріи), прискакали къ генералу, просятъ, увѣряютъ, что отъ

меня грубости быть не можетъ, а должна быть другая причина, которую, можетъ быть, онъ самъ (т. е. я) объяснитъ. Между тѣмъ ужасное представленіе уже отправлено. Меня призвали, заставили объясняться, но я только могъ увѣрять, что слово „сейчасъ“ сказалъ для того громко, чтобы генералу въ другой комнатѣ слышно было, а ударъ двери и самъ не зналъ чѣмъ оправдать. Полковники, зная, что намѣренной грубости отъ меня произойти не могло, и видя меня въ замѣшательствѣ и страхѣ неспособнымъ къ объясненію, заставили меня показать, какъ я вышелъ изъ комнаты. Почему сдѣлалъ то-же, что сочтено грубостію: взялъ въ обѣ руки бумагу, вышелъ изъ двери, которою на мое счастье усилившійся вѣтеръ хлопнулъ гораздо сильнѣе сочтеннаго мнѣ въ грубость. Не умѣю уже выразить моего благодаренія Богу, попустившему на меня таковой ужасъ, можетъ быть, для того единственно, чтобы я и при многихъ дѣлахъ удѣлялъ время благодарить Его за то, что я дѣлалъ больше и лучше, нежели можно было отъ меня по времени требовать. Почтенныхъ полковниковъ почелъ я Его послапниками для избавленія меня отъ ужаснаго заключенія; да и самъ генералъ счелъ ихъ таковыми, что его сохранили отъ согрѣшенія. За представленіемъ послали нарочнаго вскачь и онъ нагналъ оное уже за семь верстъ отъ нашего пребыванія. Двѣ сіи противоположности ужаснаго страха и соразмѣрной потомъ радости произвели во мнѣ то, что я не скоро паладился по дѣламъ моимъ. Послѣ уже обозрѣлъ, какъ все въ мірѣ семъ непостоянно. За два до сего дня генералъ, на вопросъ генераловъ 6-й дивизіи, для чего онъ меня не представитъ къ утвержденію бригадпымъ адъютантомъ, сказавъ, что я по недостаточному состоянію самъ того не хочу, обѣщался просить мнѣ таковаго утвержденія и дать способы не чувствовать недостатка въ потребностяхъ бригадпаго адъютанта; а въ третій чуть было не совершилъ ужаса надъ невинпымъ, котораго по содержанію представленія и по времени событія, когда чрезъ лѣсъ слышны были завыванія пушечныхъ выстрѣловъ и трескъ ружейныхъ залповъ, въ самомъ даже представленіи упомянутыхъ, чрезъ двадцать четыре часа какъ будто законно разстрѣляли-бы.

Событіе сіе впослѣдствіи выставило на видъ два предмета: первый—отрицаніе мое отъ утвержденія въ бригадныхъ адъютан-

тахъ, а другой, что генералъ, уважавшій труды мои въ сей должности, приватно и безвозмездно несенной, и за то любившій меня, какъ приличествуетъ доброму и благоразумному начальнику, вдругъ, во всемъ перемѣнившись, представилъ меня, какъ впавшаго въ важное государственное преступленіе, для поступленія по законамъ. Въ первомъ бродили мысли мои такъ, что благо живаго человѣка состоитъ въ богатствѣ или по крайней мѣрѣ въ достаткѣ, что безъ него дары природы и наукъ, какъ хорошая машина безъ мази, портятся и точно такъ-же, какъ та, безъ мази употребляемая, истирается и ржавчиною изъѣдается, такъ и способности человѣка, при каждомъ употребленіи ихъ, недостаткомъ, какъ ржавчиною, подгрызаются, слабѣютъ и напослѣдокъ, какъ нерѣдко случается, поставляютъ его въ неспособности къ понесенію какого-либо дѣла и въ тягость самому себѣ, семейству (если оно есть), обществу, въ коемъ недостатокъ совершитъ разрушеніе всѣхъ его способностей и оставитъ его, какъ засохшее дерево на корнѣ догниваетъ и потомъ свалится и, разрушась, возвратитъ стихіямъ каждой часть, во время его растенія изъ нихъ заимствованную. Приведя сіе сравненіе, казалось, что и оно не равно человѣку, у котораго бѣдность, испортя, и похитила все, что только ему одному исключительно отъ всѣхъ живыхъ свойственно. Онъ, какъ машина разобранная, возвращаетъ дерево къ дереву, желѣзо къ желѣзу и проч. и какъ засохшее и упавъ разрушившееся дерево, конечно, такъ же, какъ и тѣ, можетъ возвратить только стихійное, а что бѣдность погубила, то казалось невозвратно. Едва ли кто изъ подобныхъ мнѣ испыталъ на самомъ дѣлѣ тяжесть недостатка столько, сколько я. Часто случалось, что, занимаясь дѣломъ, вспомнишь, что меня просили на балъ, а у меня нѣтъ или худы башмаки, чулки и выше до самой головы да и на ту бывала нужна помада, пудра. Все это можно бы пренебречь и не жалѣлъ бы я о томъ, что пропустилъ, не бывши изъ таковыхъ на нѣкоторыхъ и даже хоть бы и на всѣхъ, если бы изъ того знавшіе и другіе не выводили различныхъ убійственныхъ мнѣній: кто говорилъ—онъ лѣнивъ; кто называлъ невѣждою, дамы изъ учтивости величали: онъ застѣнчивъ и тому подобное, духъ убивающее. Иногда представлялась мнѣ прискорбная картина, какъ достойно-любимый

мой Грицко [1]) въ одномъ изъ походовъ шелъ пѣшкомъ тогда, когда многихъ офицеровъ деньщики ѣхали верхами; а такое прискорбіе можетъ быть названо или гордостью, или завистью, запрещенными какъ дѣйствія діавола предъ ниспаденіемъ съ небесъ и во время искушенія нерожденныхъ—мужа и жены. Слѣдовательно, недостатокъ вовлекаетъ и въ грѣхи различной степени. Случалось во времена, въ которыя не самъ полкъ запасалъ себѣ продовольствіе, а доставляли онос коммиссіонеры нечестными вѣсомъ и мѣрою продовольствія скуднаго и тѣмъ лошадямъ, коимъ они отпускать обязаны, особенно передней шеренги, въ такія времена нерѣдко случалось, взглянувъ изъ-за дѣла на деньщика, слышать докладъ, что овса или сѣна мало, или вовсе нѣтъ; заглянешь до котели и въ кошели пустка влада. Предъ походами, также занимаясь дѣлами, каковыя у адъютантовъ въ тѣ времена всегда умножаются, случалось вспомнить, что чего нибудь недостаетъ или что необходимо должно бросить—снова грѣхъ, сожалѣніе о земномъ, которое у достаточныхъ, какъ дыханіе, исчезаетъ и новымъ замѣняется. Часто подстрекали меня случаи, въ которые видалъ богатыхъ ученѣй меня и зналъ, что на это способы доставило имъ богатство. Но не столько подстрекали меня эти люди, какъ тотъ, который и меня гораздо во всемъ глупѣй, единственно по богатству вертясь, какъ паряженная кукла, между высшими, течетъ по ихъ слѣдамъ, далеко опережаетъ мнѣ подобныхъ бѣдняковъ и скоро съ своею надутою богатствомъ глупостію является ихъ начальникомъ; отвергаетъ полезное, которое подчиненные лучше его знаютъ; затрудняетъ ихъ хотя въ пустякахъ, но въ своихъ, и такимъ образомъ поставляетъ ихъ въ необходимости слѣдовать своему пустоголовству, забывая между тѣмъ полезное. И кажись бы за это долженъ отвѣчать предъ высшимъ начальствомъ? однако-жъ, нѣтъ: богатство необоримая его защита. Онъ, пожертвовавъ десятую часть изъ предположеннаго на банкеты, карты и тому подобное, сдѣластъ на то нужное, или наоборотъ, подъ именемъ полезнаго для ввѣренной ему части и взысканіе обращается на подчиненныхъ, которымъ онъ, занявъ пустяками, не давалъ время дѣлать полезное. Съ сихъ несчастныхъ взыски-

[1]) Имя деньщика.

вается, почему они упустили, не умѣли и т. д. и сверхъ того выказывается въ образецъ богатый деньгами и глупостью начальникъ, какъ ревностнѣйшій къ службѣ, въ доказательство чего выставляется и пожертвованіе его—вотъ и прельпе языкъ гортани у умныхъ бѣдняковъ. Итакъ, бѣднякъ предъ земнымъ царемъ лодарь, а предъ небеснымъ грѣшникъ; напротивъ, богатый, являющійся всегда въ блестящемъ видѣ и при дѣлапіи больше бѣдняка грѣховъ, въ то-же время выкупается, отдѣляя по нѣскольку въ пользу бѣдности или украшенія участвовавшихъ по нуждѣ или тѣмъ прикрытой избалованности съ нимъ въ согрѣшеніяхъ. Дѣла, похваляемыя свѣтомъ, выказывающія его какъ патріота, содѣйствующаго отечественнымъ богоугоднымъ дѣйствіямъ, т. е. отдѣлять часть своего имущества въ пользу ближняго, кто бы онъ таковъ ни былъ, нуждающійся, притворяющійся или прихотничествующій — одно: помощь ближнимъ даетъ уже право именоваться благотворителемъ, что можетъ быть похвальнѣе между людьми? а гласъ народа—гласъ Божій. Итакъ, богачъ не можетъ быть грѣшникъ. При такихъ размышленіяхъ я какъ будто увѣрился, что безъ богатства ни ума пріобрѣсть и пріобрѣтеннаго сберечь, ни титла получить не можно.

И потомъ возникла мысль, изъ чего и какъ люди составляютъ свое богатство? Жалованья, какъ у нижнихъ, такъ и у высшихъ чиновъ едва достаетъ на необходимое и то при хорошей разсчетливости, ибо какъ жалованье положено соразмѣрно каждому чину, такъ сообразно сему они и жить должны и не могутъ иначе,— слѣдовательно, отъ жалованья остатковъ быть не можетъ; а если обстоятельства и позволятъ кому уэкономить по нѣскольку рублей въ треть, то такою экономіею и сорокалѣтніе служивцы не могутъ собрать столько, чтобы достаточно было по отставкѣ доѣхать до мѣста, въ которомъ онъ предположилъ пробыть до кончины, трудами службы приближенной; слѣдовательно, изъ жалованья богатства составить не можно. Посемъ снова возникъ вопросъ, изъ чего, отъуда и какъ составляютъ люди свое богатство, т. е. не ума, а денегъ: ибо богатый, каковъ бы ни былъ, всѣми почитается разумнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ. Если положить, что удерживали у подчиненныхъ хотя понемногу изъ жалованья или другихъ дачъ, для словесныхъ и безсловесныхъ положенныхъ, то это запрещено закономъ, о сохраненіи которыхъ каждый присягою

обязанъ наблюдать даже и за другими, препятствовать имъ въ нарушеніи оныхъ и если не можетъ, то доносить тому, кто можетъ пресѣчь такое противозаконіе; откуда же? Если положить, что богатства жалованья за заслуги, то таковыхъ богачей весьма малая часть противъ тѣхъ, коихъ богатства—откуда?—имъ однимъ извѣстно. А если положить, что сихъ послѣднихъ богатства составлялись изъ суммъ, для какого либо употребленія имъ или предкамъ ихъ ввѣренныхъ, то каждый присягою обязывался соблюдать казенный интересъ и объ ущербѣ онаго, даже другими дѣланномъ, доносить стараться до послѣдней капли крови или до послѣдняго издыханія. Какъ одно витебское провіантское коммисіонерство во время моего полковаго квартермистерства сдѣлало въ полкъ около десятка отношеній о полушкѣ, которую предмѣстникъ мой въ одной статьѣ показалъ въ недостаткѣ, а въ другой въ излишествѣ; по первой спрашивали: куда дѣвалась, а по другой: откуда взялась. Такъ вѣрно сохраняли они казенный интересъ и кто не похвалитъ такого раченія, и я въ томъ былъ согласенъ, только удивлялся тому, что при такой рачительной бережливости даже полушки казенной и при небольшомъ жалованьи каждый изъ нихъ 9-го класса коммисіонеръ, особенно 8-го и 7-го, гораздо богаче, нежели нашъ шефъ полка. Я, слѣдуя въ точности по данапнымъ мною присягамъ, всегда оставался и остался бѣднякомъ, хотя и не банкетствовалъ, не игралъ въ карты и прочія игры, посредствомъ коихъ мнѣ казалось меньше пріобрѣтаютъ, нежели расточаютъ, и пыпѣ нерѣдко источаю ручейки слезъ, глядя на происшедшее отъ меня обоихъ половъ около дюжины семейство, которое не только способовъ для приличнаго времепамъ воспитанія, но и для одежды меньше имѣетъ, нежели дѣти какого нибудь столоначальника, который, получая жалованья не больше пятисотъ рублей, за воспитаніе дочери въ пансіонъ по 500, а у котораго таковыхъ двѣ, три, тѣ—по тысячѣ пяти сотъ рублей въ годъ и, что еще болѣе сокрушаетъ, что таковаго моего семейства члены, имѣя все отъ натуры хорошее, не имѣютъ сообщенія для препровожденія приличнымъ образомъ времени съ свободными отъ податей по недостатку для приличной одежды, а съ податными препятствуетъ благородное титло. Знакомые, по мѣрѣ уменьшенія моего достатка, начавъ свои посѣщенія меня урѣзывать, напослѣдокъ всѣ оставили; а на встрѣчахъ

съ ними исполняются слова, покойнаго Мерзлякова, пѣсни— „Среди долины ровныя“: однихъ я самъ пугаюсь, другой бѣжитъ меня, почему я одинъ еще больше дѣлаюсь грѣшникомъ: плачу отъ недостатка, а сіе причитается если не къ зависти, то къ тому, что я недоволенъ своею участью. Ужасный грѣхъ, а освободиться отъ него не могу; первый взглядъ на все мною сказанное отворяетъ краны глазъ моихъ и я рѣдко вижу, что предложено для моей съ семействомъ трапезы. Разскажу уже и о дурачествѣ моемъ по сему предмету. Не допскавшись откуда и какъ приходятъ богатства, обратился къ содѣйствію астрономическаго и магическаго телескопа, при которомъ былъ и гадательный. Взялъ зерно по наставленію, пустилъ его на кругъ, оно показало нумеръ, ищу по немъ отъѣта, нашелъ отвѣтъ оракула, а какой же?—„у тебя бывало богатство въ рукахъ, но ты имъ не пользовался“. По сему отвѣту я, обозрѣвъ прошедшее, вспомнилъ, что у меня хотя и бывало въ рукахъ тысячъ по пятидесяти и даже одинъ разъ полтораста тысячъ, но такихъ, которыя я считалъ какъ святыню, къ коей не должно касаться и помышленіе собственности, бросилъ книгу ту, какъ не заслуживающую удѣлить время для взгляда на подобные вышедшему мнѣ отвѣты. Не удовольствуясь симъ, началъ я искать происхожденія богатствъ въ романахъ, но и въ нихъ господа авторы и авторши, выказавъ въ блестящихъ картинахъ героевъ своихъ и героинь щедрыя, благоразумныя, и наоборотъ, употребленія богатствъ, но ни одинъ и ни одна ни слова о томъ, откуда они брали таковыя богатства, будучи сами еще не многихъ лѣтъ, изъ коихъ первые провели въ несмысленности, другіе въ ученьи, а послѣдніе, подобно Донъ-Кихоту, въ отношеніи къ Дульцинеѣ или въ преодолѣніи препятствій въ украшенныхъ, сколько возможно больше, преступленіяхъ, кои по большей части приносили или по крайней мѣрѣ ускоряли трагическую кончину родителямъ героевъ и героинь или предметовъ ихъ геройства.

Такимъ же образомъ бродилъ я размышленіемъ и по другому предмету, т. е. по представленію; удивлялся тому, что человѣкъ, сколь бы онъ ни былъ обогащенъ тѣлесною и душевною крѣпостію, науками и опытностію, можетъ быть въ необходимости сдѣлать то, чего не предполагалъ ни по какимъ предшествіямъ; что люди съ великими дарами природы и наукъ, такъ же какъ

науки, всегда и на всякомъ мѣстѣ окружены цѣпью различныхъ искушеній, коихъ они не могутъ предвидѣть, но уже въ дѣйствіи видѣть, а потому впадаютъ въ нихъ неминуемо, если Всемогущій не отстрапитъ отъ нихъ прикосновеніе какимъ-нибудь звеномъ той ужасной цѣпи, которую я подразумѣвалъ въ словахъ: не введи насъ во искушеніе и слѣдующихъ по нихъ.

Генералъ Л. росъ до службы въ томъ же военно-учебномъ заведеніи, въ коемъ Румянцевъ и прочіе извѣстные тогдашняго и слѣдующихъ потомъ временъ воспитанники, и, можетъ быть, немного тѣмъ уступалъ во всемъ тамъ преподаванномъ и послѣ пріобрѣтаемомъ познаніи. Опытность же все то въ немъ укрѣпила, какъ приморскій мысъ гранитомъ, о который морскіе валы, съ яростью катясь наказать смѣльчака, въ области ихъ врѣзавшагося, сами, ударясь въ брызги, разлетаются и, преломясь, катятся, какъ пораженные, мимо до мѣста, на которомъ исчезнутъ ихъ дѣйствіе и даже видъ. Вѣрность же и преданность къ славѣ и пользамъ отечества еще превышали все въ немъ хорошее занимаемой имъ степени и вообще человѣку приличное и нужное; съ какою ревностью предупреждалъ онъ отстранять все вдали еще показывавшееся противнымъ святости законовъ, вреднымъ или только безполезнымъ службѣ или обществу подчиненныхъ или кому-либо изъ нихъ, поставляя всему тому преградою предусмотрѣніе и разсудительность, съ коею дѣлалъ всему благое направленіе, такъ-же какъ будучи присутствомъ въ судѣ, коему подверженъ былъ весь десяти-эскадронный полкъ, все рѣшалъ по сердцу цареву. Какъ же можно ожидать отъ подобной ему особы, чтобы она рѣшилась на погубленіе любимаго, удостоеннаго довѣріемъ и отдаваніемъ справедливости по трудамъ его въ пользѣ отечества, и такъ скоро, что сей послѣдній, будучи пораженъ неожиданною перемѣною душевно почитаемаго начальника, а болѣе обвиненіемъ совершенно противнымъ его поведенію, образу мыслей и намѣреніямъ, не успѣлъ обозрѣть сущности вины, на него падшей. Я, будучи преданъ ему, какъ умному, во всемъ свѣдущему, опытному и вмѣстѣ съ тѣмъ доброму и благонамѣренному начальнику (теперь молюсь объ упокоеніи души его), всѣ свои способности употреблялъ къ исполненію благихъ его распоряженій съ истиннѣйшимъ усердіемъ, словомъ, если-бы иначе, то не былъ бы удостоенъ отъ него всѣмъ тѣмъ, о чемъ я уже

сказалъ. Какъ же можно ожидать отъ такого подчиненнаго грубаго поступка? Но поступокъ таковой былъ. Я крикнулъ, дверь хлопнула и въ такое время, когда нѣкоторыя части нашей арміи уже сражались въ слуху пушечныхъ и даже ружейныхъ выстрѣловъ. Слѣдовательно, и представленіе винѣ сей соразмѣрно; не смотря на то, вина и обвиненіе произошли отъ ухердія къ службѣ. Теперь, можетъ быть, спросится: почему обвиняемый не оправдался, а обвинявшій, не разсмотрѣвъ, представилъ?—то первый, объясня причину вскрика „сейчасъ“, не могъ объяснить: какъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно хлопнулъ дверью, чего обвинявшій не могъ ни къ чему другому отнести, какъ къ умышленной грубости, потому болѣе, что я, не чувствуя себя виноватымъ, хотя и не доказавъ, что дверью хлопнулъ не я, оправдывался уже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Дверь сѣней, въ которую вѣтеръ дувъ, хлопнулъ дверью комнатъ, была затворена и ничто не напоминало мнѣ объ истинномъ виновникѣ удара дверью, а моего оправданія. Не искушеніе ли это? и что бы произошло изъ того, если бы Провидѣніе не послало ангела открыть истину чрезъ двухъ полковниковъ и маіора, при которыхъ дверь сѣней была снова отворена, дувшій въ нее поперегъ сѣней вѣтеръ хлопнулъ комнатною дверью такъ, что стекла въ окнахъ зазвенѣли и я дѣйствіемъ его какъ былъ обвиненъ, такъ и оправданъ?

На другой день потребовали насъ къ сражающимся войскамъ; но мы, будучи поставлены за лѣсомъ, и не видали сраженія, слышали только звуки оружія и какъ будто прикрывали собираемыхъ недалеко подлѣ насъ въ корчмѣ ранепыхъ, а потомъ въ сумерки тронулись къ Пултуску. Дѣятельный генералъ Л. переходъ сей совершилъ не просто. Онъ во весь переходъ трудился надъ вытаскиваніемъ изъ грязи пушекъ, пока напослѣдокъ дошелъ до такого мѣста, изъ коего вытащить уже не нашелъ средства... Около Пултуска есть мѣста, которыя при давленіи копытами и колесами разжижаются такъ глубоко, что пушки и съ лафетами погружаются изъ виду и чѣмъ больше движется погрузившееся, тѣмъ глубже уходитъ въ землю. Въ одномъ изъ таковыхъ, чрезъ которое полкъ нашъ предъ окончаніемъ Пултускаго сраженія прискакалъ въ атаку, заводная генерала Л. лошадь, бывши на поводу у деньщика, на короткое время пріі-

остановившагося, начала вырываться, а потому сама и бывшая подъ деньщикомъ лошадь произвела большое на одномъ мѣстѣ движеніе и тѣмъ то мѣсто проскакавшимъ полкомъ растроганное привелось въ жидкость, въ которой она, погрузивши заднія ноги, начала биться, и чѣмъ больше и сильнѣй двигалась, тѣмъ глубже уходила въ землю, такъ что мы, возвращаясь изъ атаки, увидѣли на поверхности земли только одну ея голову, которую деньщикъ держалъ поводами трензеля и недоуздка, она еще двигалась, напослѣдокъ при насъ уже и голову за собою утащила въ разжиженную землю.

Къ Пултуску пришли мы поздно, остановились на грязи. Драгуны натаскали было плетней для огня, но они были употреблены на постели; на одномъ изъ таковыхъ отломкѣ офицеры легли головами къ одной точкѣ, помѣстя туловища на плетнѣ, а все ниже пояса на грязи, а на кучи разломаннаго плетня послали со вьюка коверъ генералу, который на сей нѣжной постели покоился минутъ нѣсколько, перевѣся голову и ноги ниже пояса. Драгуны, бѣдняки, сѣвши на такихъ клочкахъ плетня или хвороста и прислонясь спинами другъ къ другу, вздремнули сколько можно было, генералъ имъ это позволилъ, со словами: насъ теперь покоятъ пяпюшки (т. е. казаки), которые, по мудрому усмотрѣнію главнокомандующаго, разставлены кругомъ для успокоенія вашего. Такимъ образомъ провели остатокъ ночи. По утру я посланъ былъ за рѣку Наревъ, съ нѣкоторыми приказаніями казначею, бывшему тамъ вмѣстѣ съ прочими съ обозомъ; но не заставъ уже тамъ онаго, возвратился уже подъ пушечными выстрѣлами, которые непріятель направлялъ на мостъ, ниже Пултуска, и на войска лѣваго нашего флапга. Только прибылъ я къ полку, то полетѣли уже и чрезъ него ядра къ нашимъ батареямъ. Почему намъ велѣно сойти съ сего мѣста за пѣхотныя линіи гораздо правѣе заниманнаго нами мѣста. При семъ переходѣ я, много видавши дѣйствія ядеръ по землѣ и дереву, въ первый разъ увидѣлъ, какъ они дѣйствуютъ по живымъ тѣламъ. Шли мы по три направо и еще лѣвый флангъ не миновалъ мѣста, гдѣ стоялъ правый, ядро, перелетѣвшее черезъ насъ, бывшихъ при генералѣ, попало поручику Краевскому въ голову. Звукъ удара точно такой, какъ бросить мокрое полотно или тряпку объ стѣну или объ полъ, какъ называется, шмякнуло, и

какъ отъ тѣхъ разлетаются брызги, такъ отъ сего разлетѣлся мозгъ, въ видѣ пѣны. Послѣ головы Краевскаго вскрыло грудь ѣхавшаго подлѣ него драгуна, а другому оторвало ляшку, у третьяго отворотило грудь, а у четвертаго переднюю ногу; итакъ, изъ ѣхавшихъ въ семъ ряду съ поручикомъ семи человѣкъ осталось только два всадника.

Зайдя за пѣхоту и артиллерію, мы во весь день ничего не дѣлали, смотрѣли только, какъ князь Яшвиль батарейными орудіями, особенно изъ роты полковника Глухова, заставлялъ молчать, подбивалъ лафеты и даже сбивалъ съ мѣстъ непріятельскія; особенно сдѣлалъ онъ на меня впечатлѣніе, когда вышедшую изъ лѣсу противъ роты Глухова большую колонну непріятельской пѣхоты нѣсколькими выстрѣлами сбуравилъ и заставилъ клочками воротиться въ лѣсъ; какъ генералъ Кожинъ кирасирскимъ полкомъ втопталъ въ грязь французскую колонну, уже приближавшуюся къ нашему фронту. Онъ встрѣтилъ ее на такомъ грязномъ мѣстѣ, гдѣ опрокинутые французы и не выдернувъ башмаковъ изъ грязи, въ однихъ чулкахъ, бѣжать не могли, почему кирасиры, въ полномъ смыслѣ, и симъ употребляли два главнѣйшія, изъ рубки по пѣхотѣ, дѣйствія, т. е. рубили направо и налѣво, ѣдучи шагомъ,—дѣйствіе, едва-ли въ другихъ сраженіяхъ бывалое. Генералъ Л. во все время заботился о сбереженіи людей и лошадей отъ напрасной потери. Такъ какъ непріятель не могъ вредить части, подъ командою его состоявшею, ничѣмъ кромѣ ядеръ, почему онъ не сводилъ своей зрительной трубы съ непріятельскихъ батарей и, увидя направленіе которой либо изъ нихъ пушки, угрожавшее его части кавалеріи, ту же минуту приказывалъ той частички, на которую чаялъ направленія непріятельскаго выстрѣла или припять направо, или налѣво, или сдѣлать на томъ мѣстѣ интервалъ; симъ дѣйствіемъ онъ всѣхъ подчиненныхъ привелъ въ удивленіе, когда многія непріятельскія ядра и бранадскугли, летѣвъ прямо на очищенныхъ имъ мѣстахъ, на самыхъ ихъ или не долетѣвъ, или перелетѣвъ нѣсколько оныя, рвали землю, не повреждая никого изъ обсрегаемыхъ имъ такимъ образомъ. Въ сумерки уже двинули насъ на правый флангъ и пустили въ атаку, которою мы прогнали въ лѣсъ непріятеля, который, потерявъ башмаки, бѣжалъ, кажется, безъ намѣренія возобновить то-же свое движеніе; мы потеряли очень мало изъ

своихъ воиновъ. Послѣ сего сраженіе на всѣхъ пунктахъ прекратилось и мы возвратились почти на то же мѣсто, съ котораго пустились въ аттаку. Разведя огонекъ, увидѣли, что уже поздно. Между тѣмъ армія потянулась съ мѣста сраженія. Пошелъ густой и мокрый снѣгъ. Спустя довольное время генералъ послалъ меня на лѣвый флангъ отыскать отдѣльно дѣйствовавшіе нашего полка два эскадрона. Ѣдучи туда, видѣлъ я лежавшихъ навзничь цѣлыми шеренгами пѣхотныхъ воиновъ, такъ какъ бы они отъ одного удара, не тронувшись, съ мѣста упали на спины. Сильное, при семъ, почувствовалъ я сожалѣніе, а проѣхавши туда, гдѣ уже не видно было ни убитыхъ, ни живыхъ, ни своихъ, ни непріятельскихъ, я почувствовалъ ужасъ и, проѣхавъ еще съ полверсты, ищущи эскадроновъ или кого нибудь, не найдя, воротился съ пустымъ донесеніемъ, что, проѣхавъ гораздо дальше того мѣста, гдѣ лѣвый флангъ нашей арміи дѣйствовалъ, никого живыхъ не видалъ.

Послѣ сего и мы тронулись съ мѣста, и уже часу въ восьмомъ на другой день (15-го декабря), догнавъ пошедшіе прежде насъ кавалерійскіе полки, присоединились къ нимъ. Тутъ увидѣли одного полка шефа N., ѣхавшаго съ открытою головою, съ которой шляпу или киверъ, какъ онъ говорилъ, непріятельское ядро, сорвавъ, раздробило въ мелкія части, не повредя головы его нисколько; а какъ это, что ядро, сорвавшее съ головы снарядъ, раздробило его, не повредя головы, есть чудо, потому что пролетающее ядро мимо живаго, ближе нежели протянутая рука достигаетъ, наноситъ уже контузію, то знающіе это полагали, что и онъ непремѣнно получилъ, хотя не чувствуетъ, контузію, приводя въ доказательство то, что онъ очень много разсказывалъ необыкновеннаго, полкомъ его сдѣланнаго.

Во весь день 15-го декабря, безправильномъ почти походѣ, безпрерывно то поливалъ дождь, то посыпалъ или облѣплялъ насъ снѣгъ, или то и другое вмѣстѣ, почему всѣ промокли, какъ говорится, до нитки. Не дошедши до Остроленьки за нѣсколько верстъ, я посланъ былъ впередъ отыскать мѣсто бивака нашего полка и выслать оттуда изъ квартермистерской команды кого нибудь на встрѣчу полку, дабы придти ему прямо на свое мѣсто. Прибывъ въ темнотѣ на обширную Остроленскую низменность, нашелъ я полковаго квартермистера на бивачномъ мѣстѣ близъ самаго дома,

для главнокомандующаго занятаго, около коего царствовала совершенно нѣмая тишина. У квартермистера былъ разведенъ огонекъ, къ коему я, оберпясь спиною, легъ, заснулъ и не слыхалъ, какъ полкъ прибылъ на сіе мѣсто по назначенію расположенія, проснулся уже тогда, когда замерзли мои сапоги и стало сильно покалывать ноги. Вставши, долго я оттиралъ противъ огня замерзшую на мнѣ шинель въ такой фигурѣ, въ какой она мокрая лежала на землѣ. Домикъ, занятый главнокомандующимъ, былъ прекрасно отстроенъ, съ обширными хозяйственными заведеніями, кои существовали только до тѣхъ поръ, пока исчезавшая темнота обнаружила ихъ глазамъ воиновъ. Въ нѣсколько часовъ не стало ни амбаровъ, ни скотнаго двора, ни сараевъ съ сѣномъ. Нашъ полкъ, какъ ближайшій, началъ таскать сѣно и овецъ, а потомъ всѣ кто доски съ кровель или половъ, или потолковъ, а потомъ и самыя бревна изъ стѣнъ; все разнеслось по бивакамъ и такъ скоро, что еще до выѣзда главнокомандующаго остался только, собственно, домъ, имъ занимаемый, и столбы, копхъ некогда было вырывать изъ земли, впрочемъ, ничего, по выѣздѣ главнокомандующаго, принялись было и за самый домикъ, по сказанный походъ отстранилъ надобность въ матеріалахъ, его составляющихъ.

Рано еще прошли мы Остроленку, роковую какъ по неоднократнымъ въ теченіе временъ при ней битвамъ, такъ и по несчастному приключенію моему пріятелю, съ которымъ я въ Кіевѣ ссорился. Онъ имѣлъ прекрасную горскую лошадь, которая на признанномъ съѣхавшимися разныхъ полковъ офицерами мѣстѣ проскакавъ, многихъ выпередила, потомъ по тѣснотѣ лежащей между канавъ дороги легко перепрыгнула довольно широкую канаву, чрезъ которую то-же сдѣлать весьма немногіе осмѣлились. Эта быстрая, легкая, крѣпконогая лошадь, не спотыкаясь въ прыжкахъ чрезъ барьеры и канавы, споткнулась, бѣжа самою малою рысью, на межѣ, не выше четверти аршина возвысившейся; притомъ упала такимъ чуднымъ манеромъ, какимъ едва-ли падала когда-либо лошадь. Она, спотыкнувшись, кувыркнулась, какъ мальчишка черезъ голову, упала такимъ образомъ сѣдломъ на сѣдока, ударя его объ мерзлую землю, и паденіемъ своимъ со всею своею тяжестію съ размаху давпула такъ, что у него все, ниже пояса, тѣло разорвалось на двое. Не дыхнулъ бы несчастный послѣ сего удара, если-бы не успѣлъ снести грудь

на сторону, но за всѣмъ тѣмъ не могъ перенесть сего ужаснаго удара и на четвертый день при всѣхъ докторскихъ стараніяхъ оставилъ намъ только поминокъ его любезностей, во всемъ военному офицеру приличныхъ.

Сколь ни жалко намъ было любезнаго товарища, погибшаго безъ славы и безъ пользы отечественной, но какъ по премудрости Божіей ночи перемѣняются днями, холода теплынями, такъ и въ горести въ облегченіе человѣковъ являются событія или пріятныя, или забавныя. Пройдя нѣсколько верстъ отъ того несчастнаго мѣста паденія нашего товарища, проходили мы мимо большаго хозяйственнаго заведенія. Многіе полки уже далеко прошли, но когда нашъ полкъ противъ него поравнялся, сдѣлали привалъ. Управитель сего заведенія со всею польскою уклончивостью просилъ насъ на закуску. Первые къ оной пришли офицеры нашего полка, нашли накрытыхъ нѣсколько столиковъ, на каждомъ по графину настойки и по другому водки, при нихъ на тарелкахъ: сыръ, копченая ветчина, различная жареная птица и даже салатъ изъ свѣжей капусты. Но сей деликатный порядокъ существовалъ только до тѣхъ поръ, пока стеклись изъ многихъ полковъ, тогда начали пить кружками и чрезъ край и вилками, и пятерней. Вдругъ все со столовъ исчезло: хлѣбъ начали таскать караваями, ветчину окороками, а вмѣсто салата начали таскать шинкованную капусту ведрами, которая напослѣдокъ, какъ не было уже ни ветчины, ни хлѣба, осталась единственною закускою, которую прямо изъ ведеръ наперерывъ хватали горстями; бѣдный управитель сперва суетился, распоряжалъ, велѣлъ подавать, потомъ сталъ въ уголъ и, поджавъ руки, только смотрѣлъ, не говоря ни слова. Это для насъ, еще во время порядка закусившихъ, казалось весьма забавнымъ.

Послѣ того до 30 января 1807 года ничего особеннаго не помню. Двигались взадъ и впередъ, также и въ стороны, какъ того требовали распоряженія главнокомандующаго, а потому въ остроленскомъ и прейсиш-эйлаускомъ сраженіяхъ не участвовали. Одно въ теченіе того времени случилось для меня чудное, что людямъ, долгое время на открытомъ холодномъ воздухѣ пребывающимъ, вредно вдругъ перемѣнять холодъ на тепло. Пройдя Остроленку, мы достигли въ Гоньозу, гдѣ пришлось простоять дня два или три. Воины, раззнакомившіеся съ комнатнымъ воздухомъ,

обрадовались теплотѣ: всѣ, кромѣ необходимаго числа быть на холодѣ, пустились наслаждаться теплотою, какъ будто всегда въ оной находились. Но за то чрезъ одну ночь, въ теплотѣ проведенную, изъ пятиэскадроннаго полка занемогло два офицера и человѣкъ около тридцати нижнихъ чиновъ. Лѣкаря послѣ объявили свое мнѣніе, что должно было позволять людямъ только обогрѣваться въ компатахъ, а не спать въ нихъ.

25-го генваря при мѣстечкѣ Мишенецъ дѣло неважное, но 30-го довольно замѣчательное. 29-го, часу въ пятомъ, кн. В., снова какъ-то сдѣлавшійся нашимъ начальникомъ, призвавъ къ себѣ генерала Л. и объявя, что двѣ мили за непріятельскою линіею, именно въ мѣстечкѣ Вилембургѣ, будетъ ночевать отрядъ французовъ, препровождающій плѣнныхъ пруссаковъ и русскихъ, возложилъ на него обязанность освободить ихъ, а какъ не зналъ о числѣ плѣнныхъ и конвоя, то приказалъ взять только одинъ кирассирскій полкъ (Екатеринославскій) и сотню казаковъ. Невыгодное и опасное сіе порученіе напомнило генералу Л. тотъ случай, въ которомъ онъ при стрѣльбѣ въ цѣль поставилъ его кн. В. безсловеснымъ по сему предмету; но за всѣмъ тѣмъ порученное долженъ былъ исполнить. Тотчасъ послалъ меня отыскать изъ пруссаковъ хорошо знающаго окрестности сихъ мѣстечекъ и положеніе мѣстъ, между ними находящихся. Къ общему счастію, въ отрядъ сей наудачу: освободить плѣнныхъ или самимъ въ плѣну остаться—назначенныхъ, нашелъ я достойнаго имени почтеннаго пруссака, лѣтъ подъ сорокъ. Онъ открылъ намъ двѣ дороги, по которымъ можно пройти за непріятельскую линію и возвратиться оттуда, если оныя не заняты; а что всего важнѣе, самъ вызвался провесть насъ и оправдалъ на дѣлѣ нашу къ нему довѣренность. По физикѣ и по философіи темно было, когда мы тронулись съ мѣста. Почтенный пруссакъ велъ насъ то по лѣсамъ, то по оврагамъ; уже пройдя верстъ семь за непріятельскую линію, онъ началъ проводить насъ и по открытымъ мѣстамъ. На разсвѣтѣ прибыли мы къ Вилембургу и увидѣли, что искомый нами отрядъ уже выходитъ изъ Вилембурга и, не ожидая никакого преслѣдованія, свободно вытягивался по отлогой возвышенности. Генералъ Л., увидя, что аттакуемый отрядъ значителенъ противъ аттакуемаго, и сообразя, что одинъ изъ него ушедшій французъ можетъ подвергнуть самого его

съ отрядомъ плѣну, подозвалъ полковаго командира [1]), подполковника [2]) и прочихъ эскадронныхъ командировъ, также и начальника сотни казаковъ; наскоро спрося ихъ мнѣнія, приказалъ полку, раздѣлясь на двое, одной скакать по лѣсу на лѣвую сторону дороги, по которой тянулся непріятель съ плѣнными, а другой двигаться по долинѣ, скрывавшей отъ глазъ непріятеля; а казакамъ 50-ти заскакать впередъ, а 50 назадъ съ такимъ приказаніемъ, чтобы кирассиры, поровнявшись съ непріятелемъ, двигались съ правой стороны по три направо, съ лѣвой по три налѣво, до тѣхъ поръ, пока казаки заскачутъ впередъ на указанный имъ пунктъ, и слушать отъ него, генер., выстрѣла, по которому всѣмъ броситься на непріятеля, а изъ оставшихся за мѣстечкомъ казаковъ нѣсколькимъ скакать чрезъ мѣстечко и стрѣлять, а остальнымъ наблюдать, чтобъ никто изъ мѣстечка не вышелъ. Распорядившись такимъ образомъ, казалось, должно было ожидать хоть небольшой, но горячей сшибки; но какъ замѣчено, что сомнительныя дѣла нерѣдко имѣютъ счастливое окончаніе, то и это взошло въ разрядъ послѣдняго: какъ скоро данъ былъ знакъ аттакѣ, казаки спереди пустились на встрѣчу непріятелю, кирассиры съ боковъ, а плѣнные, скоро узнавъ въ насъ русскихъ, схватили конвоировъ за ружья и, отнявъ оныя и прочее и обезоруживъ ихъ прежде, нежели аттакующіе доскакали, сдѣлались сами ихъ конвоирами. Такъ сіе кончено безъ большаго кровопролитія.

Единственная въ сіе время представлялась картина въ мѣнѣ плѣнныхъ съ конвоирами, которая представлялась всѣмъ съ четырехъ сторонъ аттакующимъ, спѣшащимъ не совершать, а уже торжествовать неожиданно совершенную побѣду. Изъ сей произошла не меньше прелестная другая картина, когда аттакующіе окружили аттакованныхъ и два почтенныхъ прусскихъ генерала, приближась къ генералу Л., со всѣмъ краснорѣчіемъ нѣмецкаго языка, поздравили его съ счастливымъ совершеніемъ смѣлаго предпріятія, а прочіе высшіе и низшіе чины также взаимно переливали каждый, по мѣрѣ чувствованій, свои привѣтствія. Между тѣмъ, отдѣленная изъ аттаковавшихъ часть во весь опоръ пустилась на мѣстечко, гдѣ оставалось еще нѣсколько

---

[1]) Полковникъ Ремеръ.

[2]) Каратаевъ.

французовъ, а прочіе обратились къ обзору освобожденнаго, плѣненнаго и пріобрѣтеннаго. Перваго оказалось два генерала, съ 2,558 прусскихъ и русскихъ воиновъ; не помню точно, сколько въ томъ числѣ было штабъ и оберъ-офицеровъ и русскихъ, а только то вѣрно помню, что нижнихъ чиновъ прусскихъ было ровно двѣ тысячи; французовъ всѣхъ чиновъ 1,114, а третьяго— обозъ съ провіантомъ и аммуниціею, въ коемъ запряжено было, не помню съ чѣмъ, сто лошадей. Вскорѣ дали знать изъ мѣстечка, что шесть человѣкъ французовъ, запершись въ кожевенной избѣ, стрѣляютъ въ окна и никакъ не хотятъ сдаться. Генералъ послалъ одного офицера, хорошо по французски говорящаго, объяснить имъ напрасное ихъ упорство, однако-жъ, они тогда уже сдались, когда обложили ту избу хворостомъ и соломою и хотѣли зажечь. Совершя такимъ образомъ все, начали размышлять объ обратномъ пути, который намъ казался ужаснѣе совершеннаго; ибо мы, идя впередъ, опасались только сдѣлаться плѣнниками, а въ обратномъ же пути предполагали опаспость, чтобъ насъ, сдѣлавшихся совершителями смѣлаго и славнаго подвига и паслаждавшихся славою онаго нѣсколько часовъ, не постигло то-же, что побѣжденныхъ нами. Но проводникъ нашъ, достойно почтенный по содѣйствію въ этомъ дѣлѣ, самое важное онъ сдѣлалъ, т. е. провелъ насъ такими мѣстами, по которымъ на картахъ не только дорогъ, но даже тропинокъ не показано, особенно болото, чрезъ которое перешли мы въ обратный путь, показано совершенно непроходимымъ. Онъ, на вопросъ: нѣтъ ли другой дороги для нашего возвращенія, съ восторгомъ сказалъ: „я васъ и обратно проведу тамъ, гдѣ французская нога не ступала“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ велъ насъ чрезъ тѣ мѣста, чрезъ которыя дорожки и тропинки упирались въ помянутое болото, считаемое всѣмъ имъ преградою. Оное въ то время замерзло такъ, что уже шедшіе назади видѣли показывавшуюся грязцу, сквозь замерзлое прорывавшуюся; при семъ онъ, зная всѣ бугорки и кочки того болота, велъ насъ болѣе чрезъ тѣ мѣста, на которыхъ росъ олешникъ, который доказывалъ нетопкость мѣстъ, на коихъ онъ ростетъ, и закрывая ходъ нашъ отъ усмотрѣнія издали. Такимъ образомъ мы возвратились съ освобожденными плѣненными и добычею; предстали к. В., которому прусскіе генералы, по изъявленіи по учтивости благодарности, въ силь-

ныхъ выраженіяхъ изъясняли предъ нимъ благодарность свою генералу Л. и описали въ лестныхъ видахъ подвиги всѣхъ, отрядъ нашъ составлявшихъ. К. В. въ высокой степени удивленъ былъ симъ событіемъ, ибо онъ, отряжая насъ, прямо полагалъ невозможнымъ и возложилъ опое на Л. не для пользы войны, а единственно въ удовлетвореніе чувствованія своего личнаго неудовольствія на Л. за то, что сей во многомъ превосходилъ его, чему доказательствомъ то, что онъ (к. В.) при семъ не изъявилъ ни малѣйшей радости успѣшному исполненію порученія его, а болѣе была примѣтна какая-то досада, приличная важному неуспѣху. Въ такомъ расположеніи духа, какъ будто нехотя выслушалъ только прусскихъ генераловъ, а отъ исполнителей его порученія ни отъ одного не принялъ ни слова, только гордымъ и какъ будто разстроеннымъ тономъ приказалъ генер. Л., который хотѣлъ лично рекомендовать хотя штабъ-офицеровъ: „подайте объ этомъ рапортъ“.

Немедленно составилъ я съ диктуры генерала родъ реляціи, въ которой генералъ, рекомендуя подчиненныхъ своихъ достойными своими содѣйствователями, просилъ по заслугамъ каждаго награжденій, предоставя, по обыкновенію, свои подвиги усмотрѣнію начальства, изъ коихъ первый к. В. обязанъ былъ сказать о немъ что-нибудь. Но онъ, представя главнокомандующему о рекомендованныхъ Л...мъ чинахъ, о немъ самомъ не сказалъ ни слова; почему чрезъ нѣсколько недѣль всѣ рекомендованные Л..мъ получили ордена и прочія награды, а генералу Л. ни спасибо. Великодушный сей мужъ, зная причину этому, равнодушно терпѣлъ и не хотѣлъ выводить наружу несправедливости начальника, который, какъ будто и начальства надъ нашею частью искалъ для того, чтобы сыскать доказать Л—ну могущество произвесть въ дѣйствіе свою мстительность. Генералъ Л., казалось, держался старинной, нынѣ часто и даже писателями упоминаемой, пословицы: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, а потому, когда явились къ нему рекомендованные имъ гг. штабъ и оберъ-офицеры въ орденахъ за дѣло, подъ его начальствомъ совершенное, изъявилъ чистосердечную свою радость и впослѣдствіи часто повторялъ, что онъ болѣе доволенъ наградою подначальственныхъ его, нежели своею, если бы она и была. Съ такою холодностію онъ совер-

менно отложилъ надежду получить что-либо въ ознаменованіе дѣла, за которое подчиненные его уже давно награждены. Только въ апрѣлѣ главнокомандующій прислалъ нарочнаго, чтобы онъ явился къ его высокопревосходительству, который при явленіи его, вручая довольно большой пакетъ отъ короля прусскаго на имя его, генерала Л., просилъ при немъ открыть и сообщить ему свѣдѣніе, что и за что отъ его королевскаго величества ему прислано. При таковомъ вскрытіи увидѣли рескриптъ на имя генерала Л., коимъ съ изложеніемъ въ самыхъ лестныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ по представленію явившихся къ его величеству освобожденныхъ его генераловъ и штабъ и оберъ-офицеровъ отважнаго подвига въ ихъ освобожденіи, изображено желаніе его величества, чтобъ приложенные при немъ знаки прусскаго ордена Краснаго Орла первой степени онъ, генералъ Л., принялъ и возложилъ на себя. Не знаю причины, по какой при семъ случаѣ главнокомандующій изъявилъ свое необыкновенное удивленіе, только вмѣстѣ съ симъ, позвавъ къ себѣ адъютанта, приказалъ написать Государю Императору о семъ представленіе, по которому впослѣдствіи г. Л. удостоенъ за то дѣло Георгія третьяго класса, а к. В. послѣ сего я при арміи уже не видалъ.

Вскорѣ послѣ такого счастливаго подвига я занемогъ, а больной ни добра, ни худа дѣлать не можетъ, развѣ себѣ вредъ, какъ это и было. Не помню котораго числа февраля того года, назначенъ былъ намъ походъ. Накапунѣ выступленія посланъ я былъ генераломъ Л. въ Е. К. П. съ предписаніемъ и нужнымъ, притомъ, словеснымъ приказаніемъ, которое я долженъ былъ сказать шефу того полка. Возвратясь оттуда сталъ затворять за собою дверь квартиры моей, рука моя со скобы сорвалась и я упалъ на полъ. Не относя сіе ни къ чему, кромѣ неловкой хваткѣ за скобу, я спросилъ себѣ поужинать и подали мнѣ непрушечнаго супу; поѣвши его, не чувствуя ничего болѣзненнаго, легъ спать и, проспавъ до свѣта, вставши, чувствовалъ какую-то одубѣлость во всѣхъ членахъ. Штабъ-лѣкарь, на этотъ случай, былъ на одной со мною квартирѣ; по объясненію чувствуемаго мною, онъ, не имѣя ничего аптечнаго при себѣ, далъ мнѣ гофмановыхъ капель большое количество. Принявши ихъ, я пошелъ на дѣло мое, дѣлалъ оное, но все чувствовалъ какую-то одеревенѣлость

въ членахъ моихъ. Наконецъ, наступилъ часъ выступленія нашего въ походъ. Генералъ садится на коня и я долженъ дѣлать то-же и дѣлалъ, только безъ успѣха: поднесу ногу къ стремю и, держась за гриву коня, падаю на землю. По троекратномъ семъ событіи доложили уже отъѣхавшему отъ меня генералу. Сей почтенный мужъ воротился и приказалъ дать мнѣ повозку или, лучше сказать, сани, положить на нихъ и везти меня. На семъ еще переходѣ и вскорѣ по положеніи меня въ сани я началъ кричать приказанія, чрезъ меня во фронтѣ отдаваемыя, какъ-то: Громова эскадронъ впередъ, отъ П. Е. полка не доставлено того-то, или отъ Е. К. П. доставлено то-то недостаточно и тому подобное; напослѣдокъ, достигъ я въ такомъ жалкомъ положеніи ночлега. Тутъ возобновились похвалы достойнымъ оныхъ и укоризны тожс, но не надолго; г. штабъ-лѣкарь заставилъ меня спать, однако-жъ, по утру предложилъ отправить меня въ который либо ближайшій лазаретъ, предоставя генералу спросить, куда я хочу. Въ это время стояли нашего полка два эскадрона подъ командою полковника Б. въ Бѣлостокѣ, и само собою разумѣется, что я просился туда; не надѣясь скораго поступленія моего паки на службу, отправили меня по моему желанію въ Бѣлостокъ съ деньщикомъ и лазаретнымъ служителемъ Ткаченкою. Сей и почтенный мой Грицко Фесюнъ берегли меня, какъ нѣкое сокровище, одѣвали, прикрывали при малѣйшемъ движеніи моемъ которымъ либо членомъ. Такъ въ памяти довезли меня до Гонензы, но тутъ ожидала поддержка не мнѣ, но болѣзни моей. Тутъ былъ тогда временнымъ комендантомъ маіоръ Петровъ, не помню котораго полка, только, къ сожалѣнію, нашей 6-й дивизіи. Во время прибытія моего былъ у него, не знаю, какой-то банкетъ, разумѣю только потому, что въ то время изъ комендантскаго его дома, мнѣ, лежавшему въ саняхъ, мокрому отъ испарины, слышны были крики, каковыхъ въ кавалеріи не бываетъ, просто сказать—похоже на корчму. Тщетно хранители мои употребляли всѣ способы просьбъ къ тому коменданту, лично и черезъ окружавшихъ его, о помѣщеніи меня въ лазаретъ или на квартиру, пока не застыла на мнѣ испарина; онъ ушей имѣлъ и не слышалъ. Напослѣдокъ, какъ въ окружавшихъ его были и благороднѣйшаго образа мыслей, изъ сихъ правившій должность плацъ-адъютанта пришелъ къ санямъ посмотрѣть меня и, сжалясь надъ

моимъ состояніемъ, самъ велѣлъ помѣстить меня, какъ не въ Гоніонзскій лазаретъ присланнаго, на квартиру, но сіе благодѣяніе было уже поздно. Я уже обсохъ отъ холода, а потому на квартиру хранители мои привезли меня велегласно произносящаго генеральскія приказанія и фронтовыя командныя слова, а когда положили меня среди комнаты на кровать, то я, спустя руки во входящій при отворяніи двери холодный воздухъ и махая ими, кричалъ: „Еманусль, плыви сюда, здѣсь самая глубина“ и многое тому подобное изъ бывальщины въ здоровомъ состояніи.

Въ такомъ-то состояніи привезли меня въ Бѣлостокъ и хотя въ то время была ночь, однако-жъ отвода квартиры дожидалъ во сто разъ меньше, нежели въ Гоніонзѣ, и вообще все не то, что тамъ, потому что здѣсь начальникъ кавалеристъ и однополчанинъ. Какъ только внесли меня въ квартиру, почти вмѣстѣ съ тѣмъ и достойный многолѣтняго житія, а по кончинѣ вѣчной памяти, лѣкарь Треначинскій прибылъ ко мнѣ со всѣмъ его искусствомъ и ему одному свойственною заботливостію. Онъ, обратя все свое вниманіе на меня и видя невозможность скорой помощи, открылъ, что я жажду, а пить ничего не могу, а потому тотчасъ написалъ рецептъ для составленія мнѣ изъ какихъ-то травъ питья; чрезъ короткое время доставлена ко мнѣ бутылка того напитка, который столько былъ хорошъ, что когда рюмку онаго влили въ меня, то я опомнился и теперь помню вкусъ, каковымъ онъ мнѣ тогда показался. Однако-жъ, какъ возвратившаяся память, такъ и пріятный вкусъ напитка продолжались не долго: первымъ, какъ послѣ все то мнѣ пересказывали, я пользовался меньше часа, а послѣдняго выпилъ около стакана, а потомъ, къ удивленію всѣхъ, началъ просить пить бураковаго разсола. Наскоро отведенная квартира моя, гдѣ все это происходило, не соотвѣтствовала тѣмъ мѣрамъ, какія докторъ предположилъ употребить при лѣченіи меня, а потому на другой же день взялъ меня къ себѣ, гдѣ въ три или четыре дня не только возвратилъ мнѣ память, но и на ноги поставилъ. Тѣснота комнаты, въ которой лѣкарь, съ собою помѣстя, училъ меня ходить, а болѣе просьба хозяевъ, кои, видя ужасъ моей болѣзни, въ которой я привезенъ въ ихъ домъ, и опасаясь, чтобъ оная, выгнанная изъ меня, не вселилась въ кого либо изъ ихъ семейства, заставила

лѣкаря, попадѣясь на поправленное имъ мое физическое состояніе, перемѣстить меня въ особую квартиру. Заботливость его исходатайствовала мнѣ квартиру недалеко отъ него, дабы болѣе имѣть ему средства посѣщать меня, и онъ при себѣ отправилъ меня съ своей квартиры, ни мало не предполагая того, что встрѣтилось со мною при назначенной мнѣ квартирѣ. Привезли меня къ ней на саняхъ утромъ довольно рано, когда, хотя время и приближалось къ веснѣ, однако-жъ, морозъ былъ довольно сильный. Хозяинъ дома, въ коемъ назначена мнѣ квартира, побѣжавъ въ коммиссію доказывать, что къ нему постояльцевъ ставить еще не дошла очередь, и пробылъ тамъ, дожидая членовъ коммиссіи и доказывая право свое, до втораго часа, а меня во все то время въ квартиру не впускали. Просидѣвъ въ саняхъ около двухъ часовъ, почувствовалъ я ознобъ прежде всего въ ногахъ, а вскорѣ послѣ того и во всемъ дрожь начала дѣйствовать. Грицко мой побѣжалъ искать лѣкаря, пустившагося уже по городу по своимъ занятіямъ, чтобы извѣстить его о встрѣтившемся со мною, а Ткаченко, употребя всю возможную уклончивость, убѣдилъ хозяйку впустить меня въ придверную. Въ сей-то комнатѣ, въ которой по то время печь слегка уже была вытоплена, Ткаченко, приставя къ ней стулъ и посадя на оный меня, всунулъ въ опую ноги мои, дабы, ихъ нагрѣвъ, посредствомъ согрѣть всего меня. Однако-жъ, таковое средство, можетъ быть, полезно бы было и больному, но не до такой степени болѣзнью разстроенному, какъ я тогда чрезъ три рецедива былъ разстроенъ. Со мною начало дѣлаться дурно и я, въ короткое время, пришелъ въ такое состояніе, въ какомъ привезли въ Бѣлостокъ, или еще хуже. Въ семъ случаѣ Ткаченко началъ дѣйствовать противъ хозяйки уже наступательно, именно, что она будетъ отвѣчать за меня—и побѣдилъ. Она, не дождавшись хозяина, побѣжала во второй этажъ, отперла огромную комнату, въ которой печь еще не топлена, перенесла однако-жъ меня въ опую. Хозяйка, испугавшись отвѣтственности, и постель дала; на ней-то видя меня, полагали, что я уже не жилецъ на свѣтѣ. И самъ лѣкарь, коего искавши Грицко по слѣдамъ его весь городъ избѣгалъ, самъ онъ былъ такого же мнѣнія. Но промыслъ Всемогущаго внушилъ ему мысль о средствахъ, коими снова привелъ меня хотя по временамъ быть въ памяти, хотя въ эти времена

я лучше желалъ умереть, нежели претерпѣвать мученіе, которое какъ будто сильнѣйшею машиною тянуло душу изъ меня. Не смотря на то, почтенный Гервасій Васильевичъ оборонялъ меня отъ сего мученія всѣмъ своимъ искусствомъ, употребляя различныя онаго дѣйствія; чрезъ короткое время доставилъ мнѣ возможность, хотя съ поддержкою, нѣсколько минутъ посидѣть. Но вотъ новое сопротивленіе искусству его; нѣмецкое легкое строеніе. Оно состоитъ изъ рамъ по величинѣ компаты изъ брусьевъ, толщиною въ кирпичъ сдѣланныхъ, кои на столбахъ такой толстоты, кои образуютъ углы, окна и двери, со вставленными между двумя послѣдними нижнихъ и верхнихъ колодъ и пороговъ, а между сими такой же толстоты ставятся изъ угла въ уголъ кресты и остальное пространство стѣнъ закладываютъ кирпичемъ съ известкою, точно такъ на нижнемъ каменномъ этажѣ построена и та компата, въ которой я лежалъ. Какъ закладка по сказанному производилась тогда, когда брусья еще не совсѣмъ просушкою осажены, притомъ они и сухіе и отъ перемѣны воздуха расширяются, то когда они снова обсохнутъ, остаются между ними и кирпичемъ съ известкою скважины, въ которыя вѣтеръ дуетъ на пространство компаты, по величинѣ тѣхъ скважинъ сообразное—то въ моей комнатѣ вѣтеръ дулъ далѣе, нежели до половины комнаты. Сія причина принудила поставить меня съ кроватью къ срединѣ внутренней стѣны, гдѣ была и печь. Новое неудобство, что съ одной стороны жарко, а съ другой вѣтеръ дуетъ, снова четвертый возродило рецедивъ. Въ это-то время явилось во мнѣ что-то сверхъ-естественное. Въ часы пароксизма я не находилъ упокоенія ни на какомъ мѣстѣ, почему мнѣ кромѣ кровати было постлано на полу изъ соломы нѣсколько постель, изъ конхъ съ одной на другую не перелегалъ, но перекидывался, билъ руками и ногами по полу и по чемъ попало. Это мученіе относилось не къ одному ко мнѣ, потому что Ткаченко и Грицко должны были смотрѣть, чтобы я, сплывшійся болѣе къ холоду, не бросился въ окно. Ткаченко въ семъ случаѣ имѣлъ предосторожность только запирать снаружи дверь, впрочемъ, самъ ложился въ одной со мною комнатѣ спать, слушая только звуки чего-либо необыкновенно мною сдѣланнаго, но почтенный мой Грицко не такъ отправлялъ, въ свою очередь, за мною стражу. Онъ, присѣвши на цыпочкахъ подлѣ печи, и смотрѣлъ со слезами на мои

движенія и слова, которыя я пока въ силахъ былъ произносить. Сидя въ такомъ положеніи, не пропускалъ онъ даже и движенія губъ моихъ, кои одинѣ только выражали потребность промочить жаромъ палимую гортань и всю внутренность. Онъ, замѣтя сіе, тотчасъ подходилъ и вливалъ въ него по мѣрѣ и времени, докторомъ опредѣленнымъ. Въ это время дѣлалось со мною что-то чудное, почему я хотя и не въ силахъ былъ ни одного слова произнести, усердную помощь Грицка видѣлъ до сего времени, какъ будто теперь производимую вижу. Сей человѣкъ на третій или на четвертый день моего мученія усердно просилъ полковника о перемѣщеніи меня на квартиру, въ которой бы не продувалъ вѣтеръ, и она дана согласно требованія Грицка; въ ней вѣтеръ не дулъ, потому что она каменная, но за то, какъ она была вся по окна и одна стѣна къ горкѣ, почти вся въ землѣ, все захваченное землею—стѣны мокрыя, какъ замерзлыя, оттаиваются. Сырость и тяжесть заключающагося въ ней воздуха, кажется, въ состояніи была противиться всѣмъ дотолѣ извѣстнымъ медицинскимъ искусствамъ. Къ этому несчастію и почтеннаго Трепачинскаго по требованію отправили къ арміи и онъ сдалъ меня лѣкарю Нарвскаго пѣхотнаго полка Контеру. Но Грицко мой не снесъ такой обиды, на другой же день снова предсталъ къ полковнику со всѣмъ представленіемъ опасности потерять офицера, единственно чрезъ негодную квартиру.

Между тѣмъ онъ, развѣдавъ, что напротивъ сей негодной квартиры домъ состоитъ на очереди для офицерской квартиры, просилъ именно ее. Въ сей-то уже квартирѣ я, какъ малороссійская горелица, пройдя сквозь огнь и воду и мѣдныя трубы, явилася голубицею къ броворѣ подъ трубницею, такъ и я, не столько по дѣйствіямъ докторскимъ, сколько по заботливости почтенной моей хозяюшки, которая по нѣскольку разъ каждый день приходила въ огромную и прекрасно по штукатуркѣ расписанную комнату, въ которой я лежалъ, и изыскивала что нужно для моего спокойствія и помощи противъ болѣзни. Она при посѣщеніи доктора, по нѣсколько минутъ, съ нимъ обо мнѣ бесѣдовала и объяснила все со мною происходившее лучше, нежели я самъ могъ то объяснить. Кромѣ того, что сама посѣщала меня она, какъ будто не довѣряя и усердному Грицку, по нѣскольку разъ присылала слугу или служанку освѣдомиться о состояніи

моемъ и воздухѣ въ комнатѣ, мною занятой, который при малѣйшей надобности или курили, или выпускали посредствомъ вертящихся фортокъ, или нагрѣвали посредствомъ чугунной печи. Она съ самаго прибытія моего въ домѣ ея замѣтила, что я не столько измученъ болѣзнью, сколько рѣшительными средствами, которыя медики употребляли при четырехъ въ одновременной болѣзни рецедивахъ, сама вызвалась лѣчить меня и потому назначила какія лѣкарства докторъ долженъ прописывать и, получая оныя, употребляла по сдѣланному сю съ докторомъ назначенію. Задолго еще до перевезенія меня въ домъ ея или, лучше сказать, съ самаго начала болѣзни, я только у почтеннаго Трепачинскаго выпилъ нѣсколько чашекъ бульону и, кромѣ сего, никакой пищи не употреблялъ, а въ прибытіе къ ней на квартиру у меня было уже и отвращеніе отъ всякаго питья. Она, видя, что я жажду и не могши по слабости моей доспроситься сего, приступила къ Грицку съ разспросами: не просилъ ли я въ теченіе болѣзни самъ какого-нибудь питья, кромѣ многихъ различныхъ питій, медиками назначаемыхъ. Онъ вспомнилъ, что на первой еще Бѣлостокской квартирѣ я просилъ бураковаго разсола. Сія благодѣтельная женщина и сего не упустила изъ виду: ввела и сіе въ планъ свой, по коему, какъ видно, рѣшительно опредѣлила возвратить во мнѣ бригаднаго адъютанта. Она, не осмѣлясь давать столь слабому такое грубое питье, каковъ бураковый разсолъ, приказала переварить его и къ удивленію своему увидѣла, что я пилъ его какъ баснословный нектаръ, приказала, назнача времена, употреблять его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, оставя выписанныя лѣкарства, тотчасъ послала за другими, кои бы согласно дѣйствовали уже съ бураковымъ разсоломъ, а не съ лимонадами, кои прописываны мнѣ были различныхъ родовъ и оставались безъ употребленія; ихъ и лѣкарствъ было столько, что до прибытія моего на сію квартиру изъ занятыхъ у казначея 300 р.—250 какъ не бывало. Съ симъ разсоломъ перевела она меня на бульонъ, потомъ, уменьша первый, ввела въ употребленіе мнѣ зеленый чай и приблизила меня къ супу изъ манной крупы и далѣе повела меня нибкими шагами къ выздоровленію. Съ самаго прибытія моего къ ней въ домъ, я при видѣ ея при всей моей измозженности и безъ языка чувствовалъ какое-то если не облегченіе, то что-то похожее на

успокоеніе. Все, терзавшее меня, въ посѣщеніи ея какъ будто уменьшало жестокость свою. Въ этомъ, можетъ быть, не мало дѣйствовало и странность, что она лѣтами и видомъ много сходствовала съ покойною моею маменькою. Она — супруга тогдашняго Бѣлостокскаго, подобно уѣздному, судьи, коего по множеству дѣлъ, коими онъ со всею нѣмецкою пунктуальностію занимался и въ судѣ, и дома, я видалъ только нѣсколько разъ, а хорошенькото только при прощаніи и приношеніи моей благодарности за благодѣянія, можно сказать, излитыя на меня почтеннѣйшею изъ женщинъ, его супругою. Вотъ какъ осужденнаго медиками къ ссылкѣ съ лица земли женщина иноземка, или лучше пруссачка, возвратила на службу русскаго Царя.

Въ то время (въ апрѣлѣ), когда мнѣ впервые позволено выходить изъ комнаты, наши, стоявшіе въ Бѣлостокѣ, эскадроны потребованы въ армію къ Гельсбергу. Лѣкарь, почтенная хозяюшка моя и самъ полковникъ совѣтовали мнѣ остаться до полученія потребныхъ для службы силъ; но я всѣ усерднѣйшія просьбы употребилъ, чтобы меня взяли съ собою, объявляя въ себѣ силы, какихъ тогда еще не было. Добрый и любившій меня полковникъ Б. склонился на мои просьбы и, взявъ меня, приказалъ, посадивъ меня на коня, окутывать на походъ чѣмъ и какъ только возможно лучше и приказалъ ѣхать неотлучно при немъ, дабы всякую могущую произойти во мнѣ перемѣну видѣть ему самому. Хотя докторъ и почтенная моя хозяюшка и снабдили меня и Грицку всѣми наставленіями, какъ и чѣмъ охраняться отъ возвращенія болѣзни, и даже самому полковнику о томъ сообщено было, но за всѣмъ строгимъ исполненіемъ того наставленія апрѣльское сырое и грязное время, произведя во мнѣ перемѣну, озаботило почтеннаго полковника послѣ втораго перехода пригласить мѣстнаго лѣкаря для пособія мнѣ; легкія средства, имъ преподанныя мнѣ помогли, и такъ я, подъ покровительствомъ добраго полковника Б., прибылъ въ Гельсбергъ, неузнаваемый моими однополчанами и прочими знакомыми. Видя меня въ такомъ состояніи, генералъ Л. не допустилъ меня къ отправленію моей должности, пока будутъ на то достаточныя силы.

Во время моей болѣзни правившихъ мою должность много перемѣнилось, а въ сіе прибытіе мое правили опую двое—капитанъ Голо и поручикъ Фруст.; а генералъ Л. сверхъ своей части

командовалъ дивизіею за болѣзнью дивизіоннаго командира, достойнаго генералъ-маіора Седьмо, который тамъ вскорѣ по прибытіи моемъ скончался. Долго я по слабости пользовался правами волонтера и потомъ уже принялся отправлять мою должность.

V.

Дѣло при Гутштадтѣ. — Отступленіе маршала Нея.—Страданія раненыхъ.— Неудавшійся отдыхъ.—Сраженіе подъ Гельсбергомъ.—Превосходство непріятельской артиллеріи. — Храбрость С.-Петербургской милиціи. — Потеря лошади.—Аттаки на батарею.—Рукопашный бой.—Сраженіе при Фридландѣ.— Подвиги Александрійскихъ гусаръ. — Опасный дѣсокъ. — Переправа черезъ р. Алле.—Отвѣтъ генерала.—Заклепка орудій.—Удачный выстрѣлъ.—Городъ Вейлау. — Тильзитское свиданіе. — Ловкость башкировъ. — Смотръ Государя Александра I. — Благодарность Государя.

Въ то время предпринималось дѣло противъ Гутштадта, которое до того времени отлагалось за тѣмъ, что большая часть кавалеріи была на отпасѣ. Главнокомандующій, генералъ Бенниг-сенъ, сдѣлалъ распоряженія окружить оный такъ, чтобы изъ стоявшаго въ немъ подъ командою маршала Нея корпуса ни одинъ воинъ не могъ спастись. Наконецъ, настало время исполненія плана того. Войска, стоявшія при Гельсбергѣ, 23-го мая, по сумеркамъ, тронулись разными путями къ Гутштату. Нашъ полкъ и С. К. съ малою частью пѣхоты и казаковъ составляли лѣвый флангъ, шли со всею возможною тишиною, даже и кони, какъ будто исполняли потребность оной, не фыркали. Въ темнотѣ не видѣли мы мѣстъ, по какимъ вели насъ искусные наши колоповожатые, но съ наступленіемъ дня вели насъ по длинной между взгорковъ долинѣ, которая у берега рѣки Алле, загнувшись налѣво, какъ будто оканчивалась протянувшимся, берегъ той рѣки составляющимъ, взгоркомъ, соединеннымъ вправо съ большимъ пространствомъ возвышенной ровняди. Къ сему-то бугорку пришедъ и устроясь, выдвинулась на него такъ скоро, что содержавшихъ при рѣкѣ сей посты французовъ застали въ оной купающихся и въ ней же нагихъ казаки, бросясь вплавь, похватали. Мгновенно наведены были понтонные мосты и пѣхота съ казаками, перехватавши, конхъ было можно, погнала

стоявшую педалеко отъ сего мѣста въ деревенькѣ непріятельскую часть, которая, отстрѣливаясь артиллеріею, потянулась къ Гутштадту, а въ прикрытіе той ретирады выслана была довольно значительная часть кавалеріи, которая, однако-жъ, остановясь далеко отъ дороги, по которой наши ту часть гнали, не знаю почему, не вступила въ дѣло. Отъ нашихъ двухъ полковъ отдѣлены были въ это время части, кои, пустясь по разнымъ направленіямъ, забирали въ плѣнъ, кому сколько попадется, въ томъ числѣ нашего полка поручикъ Нирвоймъ съ однимъ взводомъ драгунъ привелъ цѣлую роту итальянцевъ. Когда наша, гнавшая непріятельскую часть, скрылась въ стѣны Гутштадта, въ то время генералъ Л. послалъ меня туда освѣдомиться, что тамъ дѣлается, и спросить куда будетъ направлено дѣйствіе части, подъ командою его состоящей. Прискакавъ туда, засталъ однихъ нѣсколькихъ россіянъ и узналъ, что Ней съ корпусомъ улизнулъ къ рѣкѣ Посаркѣ, чрезъ интервалъ, который по назначенію главнокомандующаго занять опоздала наша 7-я дивизія, и получилъ приказаніе части подъ командою Л. слѣдовать въ Гутштадтъ. Поскакавъ съ симъ приказаніемъ къ своей части, засталъ оную уже переправляющеюся черезъ Алле. Смерклось уже, когда мы достигли къ сему городу и расположились въ устроенномъ французами изъ досокъ бивуакѣ на нѣсколько часовъ, а потомъ тропулись въ догонку за непріятелемъ. 25-го числа видѣлъ я для меня чудное доказательство неравенства въ скорости прекращенія жизни отъ поврежденія частей тѣла, отдаленныхъ сколько нибудь отъ всего головнаго и грудью закрытаго. Два солдата, коимъ 24-го числа въ сраженіи одному оторвали по самое туловище ноги, а другому разорвали почервокъ, и они на другой день еще были живы; особенно съ разорваннымъ почервкомъ, который сидѣлъ, опершись лѣвою рукою на землю, правою показывалъ уже на вывалившуюся и уже отъ воздуха и солнца завявшую свою внутренность. Это мнѣ показалось гораздо ужаснѣе смерти. Такимъ образомъ, преслѣдуя непріятеля до мѣстечка Либштадта, получили повелѣніе поспѣшить на рысяхъ чрезъ лѣсъ, проселочными дорогами, къ Гельсбергу. На семъ переходѣ видѣли во множествѣ остатки зимнихъ военныхъ дѣйствій по лѣсамъ и берегамъ рѣкъ, тѣла убитыхъ двупогихъ и четвероногихъ; многія еще были не убраны. Поздно уже, 28

мая, прибыли мы подъ гельсбергскія полевыя укрѣпленія и, не предполагая скораго движенія, хотѣли вознаградить пятидневное сухоядѣніе: принялись варить кашицу; но и на семъ предпріятіи, пока собрали дровъ и сварили, застигла насъ предшественница солнца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе двинуться четыре версты по той же дорогѣ, по которой пришли, и занявъ мѣсто при деревнѣ Беверникъ, удерживать движущагося всею массою къ Гельсбергу непріятеля и мы должны были кашицу нашу вывалить на продовольствіе птицъ, да и тѣ на то время отъ тѣхъ мѣстъ удалились.

Недолго проскакать 4 версты, почему мы назначенное мѣсто заняли, когда еще не видно было никого изъ непріятельской арміи, но скоро и ея передовые показались. Генералъ Л. выслалъ флангеровъ и стрѣлковъ — сперва спѣшныхъ драгунъ, и установилъ полевыя орудія на бугоркѣ, а между тѣмъ стала подходить къ намъ и пѣхота, и отрядъ подъ командою его сдѣлался болѣе 5,000 воиновъ. Съ сего часа уже началось сраженіе. Флангеровъ и стрѣлковъ нашихъ непріятель, двигаясь всею массою, сбилъ, потомъ и артиллерійскія наши орудія съ бугорка, ибо на оную непріятель дѣйствовалъ превосходнымъ числомъ орудій и большаго калибра. Непріятель началъ дѣлать напуски на нашу линію, но какъ ихъ всегда отражали, то онъ дѣйствовалъ одною артиллеріею, не смотря на то, что съ нашей стороны ни одной пушки въ это время не стояло. Долго мы держались въ сей позиціи, пока непріятель вытягивался на свой лѣвый флангъ. Генералъ Л., видя, что непріятель усиливается правѣе насъ, противъ мѣста, ни чѣмъ съ нашей стороны не занятаго, сдѣлалъ туда отрядъ, а меня послалъ къ главнокомандующему съ докладомъ: не нужно ли подкрѣпить сдѣланный имъ малый отрядъ сильнѣйшимъ. Прискакавъ на укрѣпленное мѣсто, гдѣ армія наша уставилась въ боевой порядокъ, куда и бывшая на правомъ берегу Алле часть по мостамъ съ поспѣшностію переходила, нашелъ я князя Ал. Ив. Гор., который въ это время занималъ мѣсто главнокомандующаго. Онъ на докладъ мой о подкрѣпленіи вышеупомянутаго отрядца сказалъ: скажи П. Н., что туда идетъ князь Багратіонъ, который въ самомъ дѣлѣ въ то время съ большимъ отрядомъ туда уже шелъ. Съ симъ извѣстіемъ прискакавъ я къ

генералу Л., нашелъ отрядъ его нѣсколько отступившимъ, увидѣлъ его уже на другой лошади, а та, на которой я его оставилъ, стояла уже съ мотающеюся на жилкѣ заднею ногою и въ эскадронахъ многіе ряды вырваны. Подъ однимъ эскадроннымъ командиромъ подполковн. С. до возврата моего убиты три лошади, послѣдняя во время перессказыванія моего генералу словъ князя Горчакова. Онъ, на нее подпявшись на стремени, сталъ переносить чрезъ сѣдло ногу, въ то время вырвало у ней всю грудь и съ подперсьемъ. Въ это время бугорокъ, на которомъ начально стояла наша артиллерія, занятъ былъ уже непріятельскою, подъ выстрѣлами которой на низкой, къ рѣкѣ Алле прилегающей, ровняди стояла ихъ пѣхота; и та, и другая стрѣляли по нашимъ—Старооскольскому полку и баталіону санктъ-петербургской милиціи. Сей двойной и жестокій огонь понуждалъ сіи части отступать. Видя сіе, генералъ Л. послалъ меня къ начальникамъ оныхъ сказать, чтобы сколько можно удерживались, пока будетъ приказано отступать. Прискакавъ я сперва къ Старооскольскому полку, не засталъ уже ни шефа, ни полковаго командира и многихъ офицеровъ — всѣ были побиты и ранены; командовалъ полкомъ уже маіоръ Вадорскій; онъ на объявленный мною приказъ сказалъ: удерживайте вы, ссли находите возможность. Въ семъ случаѣ я, пробормотавъ нѣсколько одобреніе къ нему и ко фронту, пустился къ баталіону с.-петербургской милиціи. Тутъ я увидѣлъ новое для меня чудо. Бородатые егеря, лежавшіе отъ ранъ безъ чувствъ, опомнясь, подымались, хватали свои штуцера и, сидя, стрѣляли изъ оныхъ въ непріятеля. Ими командовалъ одинъ изъ почтенныхъ подполковниковъ, коего фамилію я не помню; онъ просилъ или подкрѣпленія, или позволенія отступать: по большой массѣ непріятеля много вредить не могу. Въ это время у меня, стоявшаго лицемъ прямо къ непріятельскимъ орудіямъ, влѣпили въ мою лошадь двѣ картечи; одну въ грудь, а другою подшибли шашку въ лѣвой передней ногѣ. Несчастное животное взвилось подо мною во всю вытяжку курбета и опустилось, дрожа, на правую переднюю ногу. Тутъ я жалѣлъ, для чего я лишился въ столь нужное время добраго моего шпака и, видя недалеко собранныхъ отъ убитыхъ воиновъ лошадей, сталъ снимать мое сѣдло, коего мнѣ жаль было покинуть, потому что оно было изъ лучшихъ англійскихъ, а болѣе

потому, что на немъ въ чемоданчикѣ была прекрасная зрительная трубка и высокой англійской работы математическая готовальня. Въ то время, когда я, стоя уже спиною къ непріятелю, сталъ развязывать падвалтрапный трокъ, подъ локтемъ моимъ пролетѣли три картечи и, влѣпясь еще шпаку моему въ бокъ, образовали треугольникъ, почти равнобедренный, вершка въ три, а четвертая сдѣлала канаву на кострецѣ его. За всѣмъ тѣмъ шпакъ мой остался, хотя трясущійся, на погахъ со влѣпленными шестью картечами; напротивъ того, взятый мною изъ заводныхъ, когда послалъ меня генералъ къ эскадронамъ съ приказаніемъ, чтобы приняли вправо, потому что на занятое мѣсто направлены многіе непріятельскіе выстрѣлы, — когда я отскакалъ отъ генерала не болѣе 15 саженъ—палъ: ему позади лѣвой лопатки попала одна только пуля и онъ на скаку подо мною ринулся и не дыхнулъ. Вскорѣ послѣ сего начали мы отступать къ общей линіи и началось генеральное сраженіе, которое многіе описывали; а мы, занимая мѣсто на лѣвомъ флангѣ у рѣки Алле, дѣлали нѣсколько аттакъ на непріятеля, силившагося по той низменной ровняди забраться мимо горы во флангъ нашей линіи и даже въ тылъ и тѣмъ пресѣчь наше сообщеніе съ правымъ берегомъ Алле и Гельсбергомъ. Не успѣвъ на семъ пунктѣ по своему предпріятію, непріятель всѣ усилія употреблялъ, чтобы овладѣть второю отъ Алле нашею баттареею, за которою, начавшись, широкій плоскодонный оврагъ пролегалъ прямо къ Гельсбергу и недалеко отъ онаго кончался, почему и генералъ Л., не видя противъ ввѣренной ему части позиціи никакихъ непріятельскихъ покушеній, со мною и ординарцемъ взобрался на гору къ самой сей же баттареѣ съ тѣмъ, чтобы, съ высоты увидя малѣйшее противъ ввѣренной ему части движеніе, прискакать къ оной и видѣть дѣйствія противъ сей баттареи. На сію самую батарею обратилъ онъ нѣсколько войскъ и напускалъ на оную нѣсколько разъ огромныя колонны пѣхоты, которыя доходили до того, что артиллеристы наши тесаками рубили смѣльчаковъ, на валъ сей баттареи лѣзшихъ; а какъ таковое дѣйствіе было неоднократно, то къ валу сей баттареи навалилось столько непріятельскихъ убитыхъ, что для дѣйствія съ оной пушками нужно было ихъ откидывать. Куча сія, при батареѣ наваленная, дальше снижалась и на дистанціи картечнаго выстрѣла пред-

ставлялась какъ снопы на урожистомъ полѣ, въ копны еще не складенные. Самая ужасная рѣзанина происходила при сей баттареѣ, во всѣ разы приближенія къ ней и дерзновенія на оную; кромѣ того, что стоявшіе на ней пушки и единороги громили во время подхожденія непріятельскихъ густыхъ колоннъ картечью, по приближеніи принимала на штыки стоявшая за нею наша пѣхота. Если описатели сраженій говорятъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ кровь текла ручьями, то при сей баттареѣ должно бы протянуться порядочному источнику однако такого не видно было, можетъ быть, потому, что со всѣхъ сторонъ былъ запруженъ и покрытъ тѣлами. Недалеко отъ сей батареи новоформированный Перновскій пѣхотный полкъ подъ командою шефа онаго, геп.-маіора Чаблокова, посланный встрѣтить шедшую на насъ большую непріятельскую колонну, представлялъ особенное зрѣлище. Онъ, взявъ ружья къ штыковому дѣйствію, шелъ на встрѣчу той ужасной въ сравненіи съ онымъ громады почти такими же шагами, какими прежде танцовали польской; но когда та ужасная громада выпустила по немъ залпъ, молодые перновцы бросились на оную, какъ орлы на достигаемыхъ животныхъ. Тщетно было французское искусство парировки, коею они, махая туда и сюда ружьями, желали отводить незыблемые въ направленіи удары русскихъ штыковъ. Съ симъ маханіемъ передніе начали, не показывая спины, отступать, стѣснили тѣмъ все позади ихъ бывшее и лишили возможности сдѣлать какое-либо движеніе. Въ семъ-то положеніи перновцы, идя по падшимъ, брали дѣйствующихъ на штыки, какъ снопы на вилы. Многіе, бывъ увѣрены въ возвратѣ ружья, бросали ими, какъ древніе рукометными копьями, а при малѣйшемъ замедленіи въ возвратѣ вонзеннаго штыкомъ въ непріятеля кинутаго имъ ружья брали изъ-подъ ногъ ружья непріятельскія и употребляли оныя такъ же, какъ свои. Между тѣмъ, Анастасій Антоновичъ Юрковскій съ своимъ Елизаветградскимъ гусарскимъ полкомъ, заскакавъ во флангъ, отрѣзалъ сей громадѣ обратное движеніе. Въ семъ-то случаѣ непріятель началъ жарить артиллеріею и по нашимъ, и по своимъ, почему изъ сей колонны, долженствовавшей быть всей безъ изъятія побитой и въ плѣнъ взятой, небольшая часть возвратилась къ своимъ камрадамъ, оставя перновцамъ, не помню сколько, знаменъ. Послѣ

сего жаръ непріятеля сталъ умепьшаться и онъ потянулся влѣво, а къ вечеру прекратилъ всѣ свои дѣйствія, а наши войска потянулись на правый берегъ Алле, чрезъ которую напослѣдокъ и мы перешли уже въ полночь.

Перебравшись на правый берегъ сей рѣки, мы, составляя арріергардъ, спокойно шли до Троицына дня, который въ тотъ годъ былъ 2-го іюня. На разсвѣтѣ того дня, по лѣсу, между котораго шли мы, стали сообщаться слуху нашему звуки огнестрѣльныхъ оружій, которые по мѣрѣ приближенія нашего были слышнѣе, и мы, несомнѣнно, узнали, что то было начало сраженія при Фридландѣ. Солнце еще не высоко взошло, какъ мы, присоединясь къ прочимъ, очутились противъ того города и смотрѣли чрезъ рѣку на дѣйствія непріятеля и нашихъ. При первомъ взглядѣ генералъ Л., обратя вниманіе на мелкій лѣсъ противъ лѣваго нашего фланга, непріятельскими стрѣлками наполненный, сказалъ: это мѣсто опаснѣе всѣхъ прочихъ. Непріятель дѣйствовалъ изъ лѣсу, которымъ все открытое нашею арміею занятое пространство окружено было и изъ коего онъ, какъ волкъ, выскакивалъ и снова прятался. Часу въ восьмомъ и насъ потребовали на лѣвый берегъ Алле. При появленіи нашемъ на мѣсто сраженія, поставили насъ по правѣй города Фридланда, въ самомъ центрѣ, позади гвардейскаго Семеновскаго полка, по которому жестоко жарили ядрами, которыя и насъ не щадили. Между тѣмъ на правомъ флангѣ Александрійскіе гусары сочинили одно изъ замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій. Они, стоявши правѣе всѣхъ въ лѣсу, отдѣленномъ отъ того, которымъ окружено все мѣсто сраженія, когда непріятель пустилъ отрядъ своей кавалеріи на нашу, выскочили оттуда, прижали къ полевой изгороди и отрѣзали, а прочая наша кавалерія, на которую была направлена непріятельская атака, двинулась, опрокинула и задавила непріятельскую, которой обратный путь Александрійцами былъ пресѣченъ. Вскорѣ послѣ сего дѣйствія и мы передвинуты на правый флангъ и увидѣли рядовыхъ, Александрійскихъ гусаръ, съ орденами почетнаго легіона, отвѣчающихъ на вопросъ, кто пожаловалъ: сабля.

По переходѣ нашемъ на правый флангъ, непріятельскія дѣйствія начали слабѣть и напослѣдокъ, часу около седьмаго пополудни, артиллерія его почти на всѣхъ пунктахъ, кромѣ стоявшей

при зажженной нашею артиллерію деревушкѣ, замолкла. Всѣ полагали, что онъ такъ же, какъ при Гельсбергѣ, или отступаетъ, или дѣлаетъ обходъ, но генералъ Л., мысля иначе, подскакавъ къ командовавшимъ обоими флангами кавалеріи К. Г. и генералу У., между прочимъ, сказалъ: „Вы, столбы государства, обязанные содѣйствовать главнокомандующему, видите ли, что теперь дѣлаетъ непріятель?“ Усмѣшливый отвѣтъ ему содержалъ то, что непріятель отступаетъ. Г. Л. не сталъ говорить того, что хотѣлъ сообщить по своему мнѣнію, но это объяснилось самымъ событіемъ. Прискакавшій отъ главнокомандующаго адъютантъ объявилъ, чтобы четыре кавалерійскихъ полка были отряжены на лѣвый нашъ флангъ и во весь опоръ туда скакали, мгновенно отряжены были туда, не помню которые, только знаю, что въ числѣ ихъ были Каргопольскій и Митавскій, драгунскіе. Они были туда потребованы для того, что непріятель во время замѣченнаго Л....мъ бездѣйствія собралъ болѣе 50-ти орудій въ тотъ лѣсокъ, который г. Л. еще изъ-за рѣки назвалъ опаснымъ, выдвинулъ ихъ и открылъ огонь по нашему лѣвому флангу; войска наши, тамъ стоявшія и не позволявшія до того стрѣлкамъ его изъ того лѣса показать носа, опрокинулъ и отдѣлившихся налѣво принудилъ перебираться чрезъ Алле на правый берегъ въ бродъ по горло или вплавь; изъ пущенныхъ въ аттаку на сію ужасную батарею помянутыхъ четырехъ кавалерійскихъ полковъ сдѣлалъ похожее—какъ ручные пальцы изъ сложенныхъ растопырить — по одиночкѣ. Они скачутъ впередъ, присоединяются другъ къ другу, чтобъ паки составить нераздѣльную линію—ихъ картечи паки разрѣживаютъ. И неоднократность сего принудила ихъ, раздѣлясь, однихъ броситься вплавь чрезъ Алле, а другихъ присоединиться къ намъ; сихъ послѣднихъ собралось къ намъ около двухъ эскадроновъ митавскихъ драгунъ. Это время уже приближалось къ вечеру, армія наша начала переходить на правый берегъ Алле по мосту въ Фридландѣ и ниже опаго—по понтонамъ. Но вскорѣ увидѣли мы фридландскій мостъ горящимъ, а о понтонахъ услышали, что изъ нихъ нѣкоторые, или всѣ, затопились; почему неуспѣвшіе по нимъ перейти должны были переправляться въ броды, изъ коихъ одинъ былъ противъ запятаго нами мѣста, а другой—12 верстъ ниже. До сумерокъ кавалерія наша стояла на своихъ мѣстахъ, а въ сіе время и она

пошла, которые въ бродъ позади насъ, а которые потянулись ниже. Бригада генер. Л. (полкъ его драгунскій, Екат. кирас. и Алекс. гусарскій) оставалась на мѣстѣ сраженія, къ которой собирались остатки отъ разбитыхъ ужасною баттареею полковъ. Но вскорѣ подъѣхалъ генералъ У. и приказалъ было и нашей бригадѣ переправляться всей, но когда генералъ Л., указывая на отступающую съ дракою частичку нашей арміи, сказалъ: „позвольте мнѣ подождать вонъ тѣхъ", то ген. У., оборотясь гордо, сказалъ: „послушай, генералъ, вотъ тебѣ твой Ек. кирасирскій и два эскадрона Митавскаго драгунскаго, оставайся покуда хочешь". Однако-жъ, отъѣхавъ сажень сто, прислалъ адъютанта взять Ек. кирасирскій полкъ и генералъ Л. остался съ однимъ своимъ и двумя эскадронами Митавскаго драгунскаго полка. Послѣ сего вскорѣ стало темно. Генералъ Л. почти весь свой полкъ разсыпалъ по всему занимаемому нашею кавалеріею пространству и велѣлъ, разъѣзжая, пускать изъ пистолетовъ и тѣмъ далъ непріятелю видъ, что кавалерія наша все еще на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ непріятель засвѣтло видѣлъ ее, меня же послалъ узнать состояніе брода, позади насъ бывшаго, и развѣдать—нѣтъ ли другаго. При осмотрѣ перваго увидѣлъ я, что чрезъ оный переправляются въ полбрюха лошадямъ и нѣсколько пушекъ и зарядныхъ ящиковъ брошено въ водѣ, а о другомъ ни отъ кого узнать не могъ; почему пустился было внизъ по Алле и неожиданно нашелъ Александровскій гусарскій полкъ по дорогѣ, между кустовъ протянувшись, частью спѣшенный. Подъѣхавъ къ шефу онаго генер. Де-Ламберту, объявилъ свою коммиссію и получилъ отъ него въ отвѣтъ свѣдѣніе, что брода ближе 12 верстъ нѣтъ. И тутъ сдѣлалъ великое дерзновеніе. Я объявилъ сему генералу, что будто бы генералъ Л. приказалъ ему съ полкомъ, готовымъ уже въ походъ, подождать до будущаго приказанія, почему онъ вмѣстѣ со мною поскакалъ къ генер. Л. и первый вопросъ его былъ: вы приказали мнѣ погодить идти?—и неожиданный, къ счастію моему, отвѣтъ былъ: да.

Въ то время, когда я подъѣхалъ къ Александрійскому полку, непріятельской кавалеріи около двухъ или трехъ эскадроновъ ѣхало прямо противъ онаго полка и, увидя чрезъ кусты мелькающіе гусарскіе султаны, тѣми же пятами пустились шибко назадъ.

По объясненіи генерала Де-Ламберта, послѣдовалъ мой отчетъ о нижнемъ бродѣ; генералъ Л., услыша отъ меня, что берегъ того брода, заключающій ровнаго мѣста около полудесятины, окруженъ на подобіе полутаза крутымъ пригоркомъ и что вся та, въ немъ заключающаяся, площадка загромождена зарядными ящиками, которые на оную спускали по крутизнѣ, окружающую опую, пригорка безъ лошадей, коихъ многіе и увели, бросивъ ящики, приказалъ мнѣ скакать снова къ тому броду и задержать упряжечныхъ лошадей, сколько застану. Сіе немедленно мною исполнено; по лошадей я незапряженныхъ ни одной уже не засталъ и оставшіеся на площадкѣ ящики кой-какъ разбросаны; возвращаясь оттуда къ генералу, встрѣтилъ болѣе двадцати артиллерійскихъ орудій, шедшихъ для переправы къ сему же броду. Зная невозможность тяжелымъ орудіямъ въ оном переправиться: ибо онъ, будучи песчаный отъ перехода кавалеріи и перевода многаго на колесахъ, сдѣлался упряжечнымъ лошадямъ почти вплавь—я отправилъ всѣ оныя орудія къ Алесандрійскому полку, который препроводилъ ихъ чрезъ бродъ 12 верстахъ ниже подъ прикрытіемъ своимъ къ арміи, за что шефъ онаго награжденъ Георгіемъ на шею, который его сіятельство мнѣ, ѣдущему въ отставку, встрѣтясь при Шковѣ, показывалъ, съ напоминаніемъ всего событія и на вопросъ, что чѣмъ я за оное награжденъ, получилъ мой отвѣтъ: ничѣмъ.

Послѣ сего генералъ Л. послалъ меня къ отстрѣливающейся части нашей арміи. Подъ бранскугелями, которые непріятель бросалъ, кажется, для освѣщенія, чтобы увидѣть, сколько въ самой сущности нашей кавалеріи, на такомъ большомъ пространствѣ, на которомъ шесть эскадроновъ, разсыпавшись, производили пальбу. Сіи освѣщенія, будучи на полетѣ своемъ видимы, давали мнѣ средства уклоняться отъ линіи, по которымъ они имѣли направленія путей своихъ, но за всѣмъ тѣмъ одинъ по разсчету моему долженствовавшій перелетѣть меня, разорвавшись высоко надъ мною, черепкомъ далъ мнѣ въ плечо порядочную затрещину.

Кое какъ добрался я до искомаго предмета, нашелъ генерала А., который на докладъ мой, что генер. Л. его дожидается, сказалъ: вотъ, какъ отъ собакъ отвязаться не могу. По возвращеніи оттуда, я посланъ былъ собрать разсыпавшихся драгунъ и потомъ начали по эскадрону отряжать переправляться въ

бродъ, съ тѣмъ, чтобы каждые два драгуна перевезли одного изъ добревшихъ къ броду раненаго, для чего они, переправясь сперва всѣ, поставя третью часть на коняхъ, отдали каждому по двѣ лошади въ поводу. Сіи, переведя лошадей обратно на лѣвый берегъ и насажавъ на нихъ раненыхъ, перевозили ихъ на правый. Напослѣдокъ съ остальными и самъ Л. прибылъ и переправился. Тутъ онъ, взглянувъ на пушки и ящики въ рѣкѣ и за рѣкою, прискорбно вздохнулъ и бросился въ рѣку, со словами: давайте арканы. Посему офицеры и нижніе чины не остались зрителями и все съ того берега и изъ воды очутилось на правомъ берегу. Но генералу Л. предстало новое прискорбіе: упряжечныхъ лошадей нѣтъ, почему онъ, приведя ящики въ негодность, велѣлъ подать ружейные шомпола и, ими заколотя у пушекъ затравки, приламывалъ. Тѣмъ кончилось дѣйствіе нашей части при Фридландѣ.

На другой день Троицына дня, 3-го іюня, генералъ Л., насажавъ на драгунскихъ лошадей изъ перевезенныхъ въ теченіе ночи черезъ рѣку раненыхъ, которые, не могши идти еще, оставались при самомъ перевозѣ, тронулся въ часу въ пятомъ пополуночи по слѣдамъ арміи, подбирая и по дорогѣ изнемогшихъ отъ ранъ на драгунскихъ лошадей, коихъ драгуны, сдѣлавъ вмѣсто себя всадниками раненыхъ [1]), вели за поводья. Путь нашъ былъ по лѣсу, но вскорѣ вышли на открытое мѣсто, гдѣ нашли много повозокъ, на которыя, ссадя съ драгунскихъ лошадей раненыхъ, отправили впередъ, а нѣкоторые изъ нихъ, отдохнувъ, ѣдучи верхомъ, сами пошли. Тутъ же мы настигли на привалѣ Елизаветградскій гусарскій полкъ и сами подлѣ него остановились. Мѣсто это было довольно пространный лугъ, прилегающій къ рѣкѣ Алле, за которою изъ показавшейся непріятельской кавалеріи частички одинъ, приближась къ берегу, дѣлалъ различныя насмѣшливыя кривлянья. Сіе видя, драгунъ Карпонъ, не болѣе 4 вершковъ росту, подошедъ къ генераламъ Л. и Юрковскому, указывая на дурачившагося француза, сказалъ: не позволите ли эту птичку ссадить съ насѣстка? Генералъ Л., опасаясь, чтобы чрезъ сіе не завязалось дѣло,

---

[1]) Въ числѣ коихъ много было семеновскихъ гвардейцевъ, отличныхъ молодцовъ и ростомъ, и дородствомъ, и красотою.

отказалъ, но генералъ Юрковскій выпросилъ Карпову позволеніе и Карповъ пустился съ ружьемъ къ берегу. Какъ прибѣжалъ, прицѣлился, пукнулъ и насмѣшникъ поникъ съ коня своего. Нѣсколько всадниковъ подскакали, взяли его, осыпая ругательствами Карпова, а генералъ Юрковскій подарилъ ему два червонца.

Съ сего мѣста арріергардная часть генерала Л. умножилась елизаветградскими гусарами, съ коими, приближась къ городу Велевъ или Вейлау, получили приказъ, чтобы, проходя сей городъ, забирали съ барокъ овесъ, крупу и муку, почему, какъ нашъ квартирмейстеръ былъ отряженъ впередъ, генералъ послалъ туда меня; но я по прибытіи туда нашелъ многихъ, подобно мнѣ присланныхъ, которые ходили съ барки на барку и ничего не нашли. Между тѣмъ противъ барокъ и города непріятель становилъ нѣсколько легкихъ орудій и прежде, нежели началъ изъ нихъ стрѣлять, барки, на коихъ мы искали провіанта и фуража, загорѣлись.

Въ семъ городѣ многіе, шедшіе впереди насъ, успѣли подкрѣпиться пищевыми припасами, но мы, проходя, уже не застали въ трактирахъ ничего; при томъ же намъ приказано пройти сей городъ какъ можно скорѣй, что и исполнено было на рысяхъ, и подъ командою генерала Багратіона шли до Тильзита, который намъ досталось проходить ночью, при необыкновенной темнотѣ. Перебравшись чрезъ Нѣманъ на луговое пространство, въ темнотѣ долго искали мѣста, по дислокаціи намъ остановиться назначенныхъ. На другой день увидѣли въ арміи русскихъ маркитантовъ и принялись за дѣла—обозрѣвать и исчислять прошедшее. Я свою канцелярію расположилъ подъ фурою, которую нашъ заботливый казначей одну успѣлъ прежде прочихъ къ полку прислать. Здѣсь мы, потерпѣвъ малый недостатокъ въ пищѣ, стояли покойно. Здѣсь я еще удостоился видѣть его величество короля прусскаго и королеву. Напослѣдокъ тотъ, среди Нѣмана устроенный плотъ съ бесѣдкою, на который главы дравшихся армій, съѣхавшись, рѣшали судьбу царствъ, вскорѣ договаривавшимся корсиканцемъ лукаво нарушенную. При семъ случаѣ представлялась картина довольно красивая, но какъ будто внушавшая въ чувство что-то непонятное, унылое. Въ назначенный день противъ сего плота оба берега Нѣмана устап-

лены были пушками и войсками; въ назначенный часъ нашъ Императоръ и Наполеонъ явились на приготовленныя шлюпки, имѣя при себѣ по равному числу особъ (при нашемъ императорѣ были генералы: Бенингсенъ, Уваровъ, кн. Лобановъ-Ростовскій, еще не помню кто); въ назначенную секунду отвалили обѣ шлюпки отъ береговъ. Наполеонъ прежде поспѣлъ къ плоту и успѣлъ принять нашего Императора съ шлюпки. Я былъ всего сего простой зритель, также и того, какъ генералъ Платовъ въ то время показывалъ его величеству королю прусскому искусство башкировъ дѣйствовать стрѣлами въ недвижущіеся и въ движеніи находящіеся предметы, какъ-то: въ положенную шапку въ такомъ отъ стрѣлка разстояніи, какое можетъ перелетѣть сильно пущенная стрѣла, они, пуская стрѣлы на рысяхъ, въ тѣ шапки попадали, также и въ бросаемыя шапки прямо вверхъ и съ одного мѣста на другое, на высотѣ, въ какую можетъ долетѣть брошенная шапка. Въ это-же время его величество король прусскій удостоилъ вкушеніемъ наше донское вино, Платовымъ поднесенное, которое удостоили своего одобренія.

Постоявъ здѣсь, пока довольно наѣздились наши въ Тильзитѣ а оттуда къ намъ, и пока утвердилось все къ миру относящееся, армія тронулась по разнымъ направленіямъ къ назначеннымъ внутри Россіи лагернымъ мѣстамъ. Нашей дивизіи назначено было мѣсто при Оршѣ и мы, какъ составлявшіе за границею арріергардъ при арміи, такъ и при дивизіи, первые къ непріятельской сторонѣ.

Въ это время былъ командиромъ нашей дивизіи впослѣдствіи знаменитый Барклай де-Толли. Онъ для излѣченія ранъ былъ въ это время въ Петербургѣ, почему до излѣченія его командованіе дивизіею поручено генералу Л., который, получа такое повелѣніе, за нужное призналъ отправиться въ Оршу нѣсколькими днями прежде. По прибытіи его въ оную нашли, что нѣкоторые полки нашей дивизіи уже были на назначенномъ свитскимъ чиновникомъ мѣстѣ расположены по обѣ стороны большой изъ Орши къ Петербургу дороги. Мѣсто это, по осмотрѣ, генералъ Л. призналъ для дивизіоннаго лагернаго расположенія неудобнымъ, какъ потому, что вагенбурги будутъ наружу, а фронты въ срединѣ, и что палатки и прочіе расположены къ скатамъ горы, а больше потому, что дивизія должна

была довольствоваться водою изъ маленькой рѣчки, которая отъ припуска къ водопою нѣсколькихъ лошадей взмутивалась и, будучи маловодна, весьма не скоро мутную воду замѣняла чистою. Я въ это время въ своей капцеляріи занимался уже дивизіонными дѣлами, почему генералъ, прибывъ съ лагернаго мѣста и призвавъ меня, объяснилъ неудобства того мѣста и приказалъ скакать отыскивать другаго, лучшаго, хотя бы оное и за нѣсколько верстъ отъ Орши отстояло. Посему, прискакавъ къ исправнику и разспроса о мѣстахъ, Оршу окружающихъ, пустился съ нимъ осматривать оныя. Выѣхавши на пригорокъ, назначенный свитскимъ офицеромъ для лагеря дивизіи, первый взоръ мой обратился направо къ Днѣпру, коего теченіе, съ удаленіемъ отъ Орши, отдалялось и отъ большой дороги. Въ семъ клиноватомъ между большою дорогою и Днѣпромъ пространствѣ заключалась обширная ровнядь, весьма достаточная для расположенія дивизіи всей въ одну линію, отстоящую отъ Днѣпра на всѣхъ пунктахъ въ равной дистанціи, только на всей этой ровняди были изрѣдка между пашенными полосами такія же трудами земледѣльцевъ неудостоенныя и потому мелкимъ березнякомъ заросшія. Я пустился скакать по сей ровняди и по скачкамъ коня разсчелъ, что на ней можно помѣстить болѣе, нежели 20 тысячъ, дивизію нашу составляющихъ, и, возвратясь къ исправнику, обратилъ къ нему убѣдительнѣйшую просьбу о томъ, чтобы ничтожный на полосахъ березничекъ, упроса владѣльцевъ, приказалъ вырубить; къ счастію моему, владѣльцы исправнику не отказали. На другой же день исправникъ извѣстилъ меня, что березникъ вырубленъ. По докладу о семъ, генералъ, призвавъ свитскаго офицера, приказалъ вмѣстѣ съ нимъ мнѣ слѣдовать на избранное мною мѣсто, назначить конечные пункты линіи, а ему провесть оную и прочія потребныя для расположенія лагеря. На семъ мѣстѣ дивизія вся была въ одной линіи не раздѣлена ни на малую дистанцію ни бугоркомъ, ни овражкомъ; пользовались Днѣпровскою водою, не имѣя причины жаловаться на неравное оной отъ палатокъ разстояніе, и представляла прелестный видъ съ большой петербургской дороги, которая противъ сего, лагеремъ занятаго, мѣста пролегала по открытой возвышенности. На семъ мѣстѣ государь императоръ изволилъ осматривать нашу дивизію и удостоилъ высочайшаго одобренія

выборъ мѣста для расположенія оной. При объясненіи генерала причинъ, побудившихъ его осмѣлиться перемѣнить утвержденное по общей дислокаціи лагерное мѣсто, коснулось какъ то, что для выбора онаго былъ употребленъ адъютантъ, Государь спросилъ: а кто твой адъютантъ, генералъ показалъ на меня, подлѣ него стоявшаго, и Его Величество, обратя свой ангельскій взоръ на меня, сказалъ: хорошо.

VI.

Прибытіе въ Оршу. — Дѣла. — Походъ въ Могилевъ. — Опять болѣзнь. — Лѣченье музыкой. — Назначеніе въ квартирмейстеры. — Война съ Швеціей. — Лагерь въ Великихъ Лукахъ. — Въ гостяхъ у бригадира. — Любовь. — Бракъ. — Ревность. — Отставка. — Князь Грузинскій. — Свиданіе съ племянникомъ. — Негодяй кучеръ. — Несчастный случай на улицѣ. — Частный приставъ. — Откупщикъ — Жалоба губернатору. — Послѣдствія ушиба.

Оршанскіе труды мои, Его Величествомъ одобренные, не даромъ мнѣ достались. По прибытіи въ Оршу, не застали мы при дивизіи ни дивизіонныхъ адъютантовъ, ни писарей и никакихъ дѣлъ канцеляріи сей дивизіи—все это было въ Петербургѣ съ раненымъ дивизіоннымъ командиромъ. По сей причинѣ всѣ дѣла, изъ полковъ поступающія, генералъ Л. принужденъ былъ поручить обработывать мнѣ съ бригадною канцеляріею, которая состояла изъ взятыхъ на время рядовыхъ Екатер., кирассирскаго, татарскаго уланскаго полка Шелухи Петрова и Алк. Гусарскаго, не помню какъ прозывается. Итакъ, я, какъ комаръ, хотѣлъ море выпить, хотѣлъ одинъ съ двумя рядовыми сдѣлать то, что долженствовало дѣлать двумъ адъютантамъ, аудитору и шести писарямъ. Дѣлъ у меня сдѣлалась куча, — особенно увеличили ихъ отчеты по обѣимъ частямъ коммисаріатской и провіантской, за все время пребыванія заграницею. Съ умноженіемъ дѣлъ увеличивалась моя дѣятельность, въ каковой я впослѣдствіи затянулся такъ, что двои сутки былъ совершенно не спавши, но третьихъ только тринадцать часовъ поработалъ и потомъ хлынула изъ меня ртомъ и носомъ кровь. Послѣ уже сего генералъ поспѣшилъ исполнить предположенную добавку своей временной канцеляріи. Онъ выписалъ изъ Е. кирас. полка поручика, для того

только, чтобы меня не отрывать отъ канцеляріи для ежедневной поѣздки въ лагерь, а самую большую помощь сдѣлалъ мнѣ тѣмъ, что выписалъ изъ пѣхотнаго полка аудитора Андрея Борисовича Лобачева, который, принявъ на себя кромѣ должности дивизіоннаго аудитора, всѣ отчеты по коммисаріатской, провіантской частямъ, тѣмъ доставилъ мнѣ способъ обработывать однѣ инспекторскія части и общій ходъ канцеляріи по всѣмъ частямъ. Сверхъ того, когда начали прибывать милиціонныя на укомплектованіе дивизіи, былъ прикомандированъ одинъ маіоръ. Итакъ, я, бывъ прапорщикъ, при маіорѣ, аудиторѣ и поручикѣ, занималъ высшую всѣхъ ихъ должность и имѣлъ ихъ, не пожелавшихъ принять на себя первенства, въ надлежащей зависимости. И по милости Всемогущаго Существа, по волѣ Коего идетъ все на землѣ и на небесахъ, поступки мои въ отношеніи къ симъ лицамъ располагались такъ, что никто изъ нихъ въ томъ, что отъ нихъ иногда требовалъ отчетности прапорщикъ, и даже не показалъ и вида претендательства.

Отсюда пошли мы въ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ вскорѣ по прибытіи я занемогъ и сдѣлался опасно боленъ. Кирассирскіе офицеры, пріѣзжавшіе ко мнѣ для забавъ въ собраніи, начали приставать въ другомъ мѣстѣ, со мною въ квартирѣ остался одинъ только мой помощникъ кирассирскій поручикъ; да, Богъ послалъ мнѣ въ болѣзни утѣшеніе такъ-же, какъ въ Бѣлостокѣ. чрезъ женщину. Хозяюшка дома, квартиры моей, почтенная и для меня незабвенная полковница Ушакова, мать и уже бабушка, а потому умѣвшая примѣнять мое положеніе къ таковымъ же могущимъ постигнуть кого-либо изъ ея потомства, а болѣе, кажется, по ея доброму къ ближнимъ расположенію, ежедневно меня посѣщала и дѣлала всѣ къ пользѣ моей относящіяся распоряженія. Потомъ, видя неуспѣхъ въ пользованіи меня въ болѣзни, рѣшительно приступила къ товарищу моему и требовала, дабы онъ доложилъ о семъ генералу. Сей почтенный мужъ, получа такое донесеніе, немедленно прискакалъ ко мнѣ и засталъ у меня почтенную попечительницу обо мнѣ. Вмѣстѣ съ нею пожалѣли меня, какъ страдальца, и на другой день генералъ далъ повелѣніе старшему лѣкарю ѣхать по эскадронамъ для осмотра въ оныхъ больныхъ и тѣмъ далъ возможность приступить къ лѣченію меня младшему лѣкарю. Сей, найдя меня въ

такомъ состояніи, что даже всѣ мои составы при сгибахъ и разгибахъ скрипѣли, какъ немазанная ось въ колесѣ подъ возомъ или какъ деревенскія вороты во время большихъ морозовъ, употреблялъ различныя средства, дабы такъ-же, какъ въ Бѣлостокѣ, возвратить меня изъ-подъ смертной косы на службу; и между прочимъ, не знаю для чего, зная привязанность мою къ музыкѣ, приказалъ состоящему въ числѣ писарей временной дивизіонной канцеляріи, татарскому улану, ежедневно являться и играть на скрипкѣ, сперва въ другой комнатѣ, потомъ въ той же, въ которой я лежалъ, потомъ къ нему прибавилъ одного изъ полковыхъ, музыканта Грищенка; и такъ, прибавляя до квартета, поставилъ меня въ состояніе сносить звукъ общей полковой музыки, а напослѣдокъ и способнымъ на службу.

Въ то время, когда я началъ послѣ болѣзни бродить по комнатѣ, поступившій на мѣсто выбывшаго въ отставку квартермистера какъ-то запутался по счетамъ, то эскадронные командиры приступили къ генералу съ просьбою—меня въ квартирмейстеры. Генералъ, не желая выпустить меня изъ адъютантовъ, сперва отказалъ имъ тѣмъ, что у меня еще не окончены къ сдачѣ дивизіонныя дѣла, но потомъ, уважая единогласную просьбу эскадронныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ, приказалъ меня представить предъ себя и корпусъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Первый вопросъ генерала мнѣ сдѣланъ былъ: во сколько времени я по выздоровленіи могу сдѣлать отчетъ по дѣламъ дивизіи за время его командованія оною, не ожидая слышать о томъ, что это еще не окончено, я сказалъ, что, не зная, до чего доведена по то время сія отчетность, опредѣлить не могу; а потому, обратясь къ г. Лобачеву, съ начала и въ продолженіи моей болѣзни дивизіонными дѣлами занимавшемуся, узналъ, что по опымъ все уже при окончаніи и явился съ симъ къ генералу, а какъ сіе происходило при всемъ полковомъ офицерствѣ, то оные удостоили незаслуженной еще мною чести, прежде нежели генералъ изъявилъ свое согласіе, поздравили меня квартирмейстеромъ. И я принялся сперва за распутываніе дѣлъ моего предмѣстника.

По наступленіи лѣта 1808 года велѣно нашему полку слѣдовать противъ шведовъ; по маршруту назначено только въ Витебскѣ остановиться въ квартирахъ, впрочемъ, все въ лаге-

ряхъ, хотя разбивка лагеря и была извѣстна, но оная производясь исподволь по одному разу въ годъ, а иногда и въ теченіи негоднаго года ни разу, при томъ же въ войнѣ 1806 и 1807 годовъ палатки не употреблялись,—то предстала мнѣ забота въ изысканіи средствъ научить всѣхъ, въ квартермистерской моей командѣ состоящихъ, разбивать лагерь правильно и скоро. Почему я, разбивши лагерь при Шкловѣ, велѣлъ квартермистрамъ каждаго эскадрона протянуть поперекъ линіи арканы и каждую изъ нихъ замѣтить узлами, тѣми же арканами измѣрять длину линіи для каждаго эскадрона, а чтобы соблюсти и прямые углы, то я показалъ имъ средство арканомъ же, вмѣсто циркуля, посредствомъ трехъ колышковъ, находить правильные перпендикулы; почему впослѣдствіи только избиралъ для лагеря удобное мѣсто и назначалъ первую линію и симъ средствомъ отстранилъ и неотступное наблюденіе за разбивкою лагеря и это время употреблялъ на другія по моей должности занятія, въ числѣ коихъ главное было ежедневное заготовленіе продовольствія. Такимъ образомъ дошли мы до Великихъ Лукъ, гдѣ я расположилъ лагерь на правомъ берегу Ловати, противъ самой крѣпости на возвышенности, съ которой крѣпость совершенно безоборонна.

Здѣсь получили мы повелѣніе занять квартиры и въ оныхъ ожидать другаго. Хотя и ожидали каждый день повелѣнія выступать въ походъ, однако-же это не препятствовало знакомиться въ городѣ и ближнихъ окрестностяхъ онаго. Въ семъ ожиданіи время протекло до глубокой осени, а знакомство возрастало весьма успѣшно и мы въ концѣ успенскаго мясоѣда сыграли три свадебки: подполковника С. (Семека), старшаго лѣкаря П. (Платоновича) и подпоручика Г. (Гаудринга), между тѣмъ и четвертая наклевывалась. Между знакомыми моими былъ одинъ придворный бригадиръ, хорошій пріятель генералу Л., особенно супруги ихъ свели почти дружбу. Въ одинъ воскресный день я, имѣя много дѣлъ для отправленія по почтѣ, опоздалъ исполнить общее наше обыкновеніе ѣхать куда нибудь обѣдать, рѣшился пробыть до вечера дома. Но пріятели мои, пришедъ ко мнѣ и заставъ за дѣломъ, вмѣсто привѣтствія, сдѣлали мнѣ упрекъ, что засѣлъ, и предложеніе: поѣдемъ въ гости. Отвѣтъ мой былъ: „нскогда, возьмите моихъ лошадей и поѣзжайте куда вамъ угодно“. Однако-же они, не удовольствуясь моимъ

отвѣтомъ, остались дожидать, пока я кончу дѣла, и одинъ изъ нихъ принялся усердно помогать мнѣ въ скорѣйшемъ окончаніи и предложили ѣхать къ одной приглашавшей ихъ помѣщицѣ, съ которой я, видѣвшись нѣсколько разъ, знакомства и до сей поры, не понимаю для чего, не заводилъ. По сей причинѣ, получа отказъ мой, они предложили, чтобы мнѣ остаться у упомянутаго бригадира, а имъ ѣхать къ той помѣщицѣ. Признавъ сіе возможнымъ, я велѣлъ Курилкѣ заложить тройку и пустились. Чрезъ полчаса очутились предъ домомъ бригадира, но онъ, почтенный, уже ѣхалъ къ той-же помѣщицѣ, къ которой и товарищи мои поспѣшали. Это событіе подтвердило, что дѣла наши не всегда совершаются по предположенію и я, не желая моихъ товарищей лишать удовольствія, принужденъ былъ ѣхать съ ними въ домъ той почтенной хозяйки, которой знакомства не пріобрѣлъ, имѣвъ на то много случаевъ, особенно въ бытности ея у генерала, съ супругою коего она была въ хорошей связи, потому что съ матушкою ея нѣкогда была хорошая пріятельница. Скоро и къ ней на дворъ мы прикатили; увидѣли почтеннаго бригадира и кое-кого изъ нашихъ полковыхъ, прежде насъ пріѣхавшихъ. Хозяйка принимаетъ, меня рекомендуютъ всѣ знакомые, я извиняюсь, меня оправдываютъ, выставляя хотя несправедливыя, но благовидныя причины, и такъ вводятъ въ общій кругъ гостей, въ числѣ коихъ около дюжины было барышень, и прочее все обыкновеннымъ порядкомъ шло до вечернихъ упражненій. Тутъ начались танцы, а послѣ фанты, въ коихъ безъ всякаго предположенія и даже предчувствія рѣшилась судьба моя. Я, смѣявшійся надъ томящимися подъ любовными дѣйствіями, погостивъ пріятно у новой знакомки, возвратился въ квартиру, безпрерывно въ мысляхъ укоряя себя, зачѣмъ я до того убѣгалъ знакомства сей дамы; а на другой день возродилось желаніе быть снова у нея и притомъ поскорѣе, а съ симъ вмѣстѣ возникло во мнѣ какое-то тупомысліе до того, что неразлучный мой товарищъ, замѣтя, спросилъ, что со мною сдѣлалось, напомня мнѣ, что я больной лучше дѣлалъ дѣла, нежели теперь. Не могъ онъ добиться порядочнаго объяспенія, что обладало мною, потому что я и самъ хорошо не понималъ, что со мною дѣлается; онъ началъ, какъ аудиторъ, слѣдственнымъ порядкомъ, по которому открылось, что въ сердцѣ гнѣздился образъ той особы, которую,

какъ просто говорятъ, судьба назначила быть подругою жизни моей. Казалось бы, тѣмъ должно и кончиться—однако-же, нѣтъ: открытіе причины не пристыдило бывшаго насмѣшника любовныхъ дѣйствій, почему товарищъ мой и слѣдователь осудилъ представить слѣдствіе на разсмотрѣніе генеральши, которая не преминовала повѣрить съ слѣдствіемъ ей переданное и мое личное, и какъ послѣднее было темно и непонятно, то приговоръ послѣдовалъ по первому и опредѣлено испытать тотъ предметъ, которымъ занятъ былъ подслѣдственный. А какъ и испытаніе оказало подобное, то и рѣшено соединить два предмета, кои сдѣлались по-одиночѣ никуда негодные. Но послѣ таковаго рѣшенія открылось препятствіе. Мать одного предмета обѣщала его другому и уже ожидала его прибытія для совершенія брака, не смотря на то, что обѣщанная имѣла къ нему, впрочемъ, достойному ея человѣку, даже отвращеніе. Въ это-то время потребовалось все ораторство судіи, которое, проникая въ глубину сердца, доказывало матери, со всѣмъ свойственнымъ просвѣщеннымъ женщинамъ нѣжнымъ краснорѣчіемъ и пріятельскимъ чувствованіемъ, разность соединенія по согласію и по разсчетамъ. Пріятельская связь судьи съ матерью и доброе расположеніе къ подсудимому склонилось въ пользу его и я о томъ увѣдомленъ былъ, уже за 300 верстъ удалясь отъ любимаго предмета. Дальше все шло общимъ порядкомъ и я, сдѣлавъ по своей части отчетъ, пустился съ пріятелемъ моимъ (Рогачевымъ) для исполненія опредѣленнаго, можетъ быть, прежде рожденія моего. Теперь все перемѣнилось — она оставила меня съ 7-ю умными и несчастными потомками, 14-го марта, въ 4-мъ часу, украдкою ото всѣхъ предала духъ въ руцѣ ангела, да представитъ его Судіи милосердному въ жизнь безконечную. Это прервало разсказъ, коего половина и, можетъ быть, бо́льшая едва-ли будетъ разсказана: удрученная печаль затмила и память и отказала даже слабой моей способности писать, не смотря на то, что по природѣ разсказывать охота еще не совсѣмъ исчезла.

Со времени соединенія моего бракомъ мы въ сопребываніи нашемъ наслаждались такою жизнью, какой и въ будущей жизни лучшей не желаю; но она меньше полугода для насъ существовала. Походъ противъ австрійцевъ 1809 года разлучилъ меня съ юною любимою Л. и я очутился въ Галиціи, исполнялъ

мою должность, какъ слѣдовало, а она, пріѣхавъ къ матери, ведя, какъ обыкновенно, со мною переписку, имѣла случай послушаться отъ выказывавшей себя опытною (Анны Игнатьевны Палибиной), что мужчины, спустя съ глазъ законную свою жену, забывъ ее, предаются съ подобными посвященнымъ ей чувствами другой, а отъ сей къ третьей и такъ далѣе. А какъ противъ такого разсказа о жизни мужей въ отсутствіи женъ юной, неопытной женѣ, искренно любящей мужа своего, невозможно, обозрѣвъ разсказываемое, и отнести къ личности человѣка, въ коемъ не желаетъ быть противнымъ ей поступкамъ, собраться съ духомъ и опредѣлить правильное направленіе своимъ чувствованіямъ, то искренно и чистосердечно любившая меня возвратилась ко мнѣ въ Бѣлую Церковь уже нѣсколько зараженною гибельнымъ чувствомъ ревности, которая, какъ всѣмъ извѣстно, никакими доказательствами невинности не излѣчивается. Такое чувствованіе растворяло горестью радость мою о рожденіи сына, послѣдовавшемъ за 40 верстъ, не доѣхавъ до моего квартированія между Кіевомъ и Бѣлою Церковью.

Обстоятельства, между которыми и отзывъ опекуна, что броситъ опеку, если не прибудемъ принять отъ него имѣнія, потребовали выдти мнѣ въ отставку; необходимость ихъ исполнила противъ желанія предположенное и я очутился въ П. губ. Здѣсь-то надѣялся я вылѣчить заразу неотлучнымъ сопребываніемъ, но какъ и болѣзни заразительныя не всегда излѣчиваются, то и меня надежда обманула. Крестьяне наши твердо знали происхожденіе имъ баловства изъ несогласія господъ: узнавъ слабость юной госпожи чрезъ дворовыхъ, усилили ту заразу такъ искусно, что ни я, ни она сама не могли замѣтить, чѣмъ она усиливалась и возростала даже до неприличностей. Чрезъ это-то супружеская любовь наша, существуя во всей святости, во всѣхъ случаяхъ, особенно въ важныхъ, всегда встрѣчаема была тою заразою, которая, выставляя впередъ недовѣрчивость, препятствовала производить въ дѣйствіе и самыя благія предположенія.

Къ сему разстройству присоединилась новая разлука—ополченіе и кредитное обязательство, за годъ передъ тѣмъ на 8 лѣтъ сдѣланное. Я выхожу въ походъ, а приказъ требуетъ, по неожиданному предписанію, уплаты 3,000, которыя употреблены на выкупъ женина дома, который опекунъ подарилъ ревизору

гостиннаго двора, имъ, опекуномъ, строеннаго, и показалъ, что продалъ опый за 1500, которыя употребилъ, вмѣстѣ съ десятилѣтнимъ съ имѣнія доходомъ, на уплату издержекъ для погребенія подарившаго женѣ моей тотъ домъ и имѣніе дяди ея трехъ тысячъ рублей, тогда какъ многимъ въ городѣ извѣстно было, что того дяди ея денегъ было на купцахъ болѣе 5,000 серебряныхъ рублей, которые гдѣ дѣвались по отчетамъ его, опекуна, и въ виду нѣтъ и когда похороны тѣ и тысячи рублей не стоили. По симъ обстоятельствамъ, новая разлука наша была достойна сожалѣнія всякаго благомыслящаго человѣка, съ одной стороны потому, что жена моя остается съ двумя крошечными дѣтьми, не имѣя ни въ городѣ, ни во всей губерніи ни родства, ни знакомства прежняго, ни новаго, каковаго по короткости времени пріобрѣсти еще не успѣли, съ другой—требованіе долга, который удовлетворить осемнадцатилѣтней женщинѣ при вышесказанныхъ обстоятельствахъ очень трудно, а то и другое возрождало подозрѣніе, что идти въ походъ будто была моя добрая воля, потому болѣе, что тогда подобные мнѣ, имѣя лучшія моихъ домашнія обстоятельства и окруженные родствомъ, оставались дома, подъ названіемъ запасныхъ, въ число каковыхъ меня и на время опредѣлить по многимъ моимъ просьбамъ не согласились. Еще къ сему прибавилось то, что жену мою, имѣвшую право на казенную квартиру, выгнали съ малыми дѣтьми изъ выкупленнаго того собственнаго дома въ деревню единственно потому, что оная близка къ городу, а домъ нуженъ для постоя генералу. Каково было мнѣ грѣшному получать отъ жены такія радостныя извѣстія, не имѣя средствъ помочь ничѣмъ, кромѣ жалобы губернатору, который тогда и общихъ дѣлъ обработывать едва успѣвалъ, а на подобныя моему и взглянуть не имѣлъ времени, особенно по заочности просителя.

Въ это-то стѣснительное для семейства и сердца моего время по закону, что Богъ не допускаетъ человѣка терпѣть больше дарованныхъ ему на то силъ, явился съ помощью вельможа, узнавшій по сторонѣ о стѣснительномъ положеніи моего семейства. Это былъ губернскій предводитель (кн. Грузинскій). Онъ, узнавъ, что жена моя, живя въ деревнѣ на большой дорогѣ, обезпокоивается и даже переноситъ безвинныя ругательства отъ проходившихъ военныхъ и бродягъ или мародеровъ, которые,

собравшись партіями, не разъ разгоняли изъ домовъ всѣхъ небольшой ея деревни крестьянъ и напослѣдокъ принудили взять для защиты правъ своихъ противъ своевольныхъ и противо-законныхъ требованій и дѣйствій колья и прочее и тѣмъ выгонять притѣснителей изъ деревни, ибо исправникъ, усмотрѣвъ таковыхъ бродягъ неповиновеніе его власти, приказалъ жителямъ защищаться отъ нихъ самимъ; а потому и былъ случай, что они, вооружась кольями, прогнали вооруженныхъ саблями, которые, безъ надобности, сбили съ амбаровъ нашихъ замки и начали изъ оныхъ отмѣривать овесъ и рожь въ вороха на землю противъ амбаровъ. По такимъ-то въ глазахъ ея совершавшимся происшествіямъ тотъ благодѣтельный вельможа настоялъ, чтобы въ нашемъ городскомъ домѣ двѣ комнаты очистить для пребыванія жены моей съ дѣтьми, а впослѣдствіи и доставилъ случай получить за постой въ оном домѣ доходъ, которымъ съ прибавкою деревенскаго доставилъ возможность и приказу долгъ уплатить. Въ семъ благодѣтельномъ содѣйствіи много участвовала покойная княжна Марья Ивановна Л. Р., которая, расположась въ нашемъ домѣ, не допускала полицейскихъ дѣйствій ставить казенный постой до того времени, когда она имѣла возможность оставить нашъ городъ.

11-го ноября, въ воскресенье, благополучно вставъ, сходилъ къ заутрени и, возвратясь, провелъ время въ обыкновенныхъ домашнихъ занятіяхъ; а когда начали благовѣстить къ обѣднѣ, я пошелъ къ одному изъ почтенныхъ пріятелю, съ коимъ переговоря, что нужно было, пошедъ въ свою приходскую церковь, поспѣлъ къ началу литургіи. По окончаніи оной, возвратясь въ домъ свой, увидѣлъ сидящаго съ не бывшею у обѣдни десятилѣтнею моею дочерью офицера, который, увидя вошедшаго меня и спроса дочь мою: кто, бросился ко мнѣ: я вашъ племянникъ. Лицо его хотя и подтвердило, что онъ есть который-нибудь изъ сыновей брата моего, но какъ я ихъ видѣлъ еще маленькихъ, то и вылетѣлъ вопросъ: который? Михаилъ. Радость въ семъ случаѣ равнялась протекшему безъ свиданія времени, въ которое онъ выросъ и уже офицеръ, и въ такой радости и разспросахъ о родинѣ, которую онъ видѣлъ послѣ меня, а дѣти въ заботливости чѣмъ угостить впервые увидѣннаго братца, который такъ, какъ и отецъ его, ничего, называемаго веселящимъ

сердце, не пьетъ—словомъ, не видали, какъ прошелъ маленькій ноябрьскій день и приближалось время, въ каковое происходятъ театральныя представленія, а потому и разговоръ нашъ коснулся о театрахъ. Онъ разсказывалъ о харьковскомъ и тамбовскомъ и прочихъ и виданныхъ, а я про свой, а изъ того возникало желаніе видѣть оный. Хотя я и люблю быть въ театрѣ только тогда, когда въ немъ піеса, которую я прежде не видалъ, а потому и не былъ въ немъ больше года, но, желая удовлетворить любопытству племянника, рѣшился съ нимъ ѣхать, не предзная даже, что въ немъ будетъ представлено, для чего въ наступившее время приказалъ заложить лошадь; только мнѣ доложили, что кучеръ не можетъ ѣхать: безъ спроса пьянъ напился у своей пріятельницы на именинахъ.

Здѣсь нужно сказать нѣчто о кучерѣ и объ обстоятельствахъ прежде 11-го ноября, какъ будто предшествовавшихъ разсказываемому несчастному событію. Кучеръ сей недавно взятъ по сиротству изъ мужиковъ и уже успѣлъ нѣсколько разъ проситься въ солдаты; успѣлъ съ хозяйскимъ человѣкомъ и еще съ сосѣдскимъ ночью сходить изъ города въ деревню и тамъ, переодѣвшись въ сарафаны, оборвать отданный на съемъ плодовъ садъ; успѣлъ убить хотя уже не молодую, но хорошую пристяжную лошадь, которую я не продалъ, по его представленію, торговавшимъ ее. Онъ ее, предъ поѣздомъ дѣтей въ деревню, въ бытность мою въ палатѣ, въ присутствіи, попотчивалъ конюшеннымъ запоромъ и потому опа, ѣдучи еще въ деревню, задъ почти волокла, а на обратномъ пути стала и вскорѣ послѣ того издохла. Другой же пристяжной перебилъ ноги, а третьей, коренной, надѣлалъ на всѣхъ ногахъ засѣчки. За всѣ таковыя дѣянія его хотя и былъ наказываиъ, но наказываиъ какъ молодой двадцатилѣтній мальчишка, въ ожиданіи исправленія; но напослѣдокъ, незадолго предъ 11-мъ ноября, для наказанія, отправилъ его съ запискою въ часть. Вслѣдъ за нимъ побѣжала та его пріятельница, которая напоила его пьянаго несчастнаго для меня 11-го ноября, и по предстательству ея г. частный не наказалъ его, а таковою куплепною у него милостью сдѣлалъ то, что кучеръ, будучи посланъ въ ряды наскоро, не возвратился оттоль съ покупкою до того, что принуждены были послать за тою покупкою другаго человѣка съ другими деньгами, а онъ уже вернулся ночью, притомъ пьяный. Такъ онъ

и 11-го ноября, какъ уже сказалъ я, напился у пріятельницы на именинахъ пьяный и не могъ ѣхать съ нами въ театръ, а потому отвезъ насъ туда горничный человѣкъ. Сему человѣку должно было возвратиться домой, а потому и приказывалъ я ему, чтобы не опоздался пріѣхать за нами, но онъ минутами тремя или четырьмя опоздался, почему мы принуждены были изъ театра идти пѣшкомъ. Надобно сказать, что во время разъѣзда изъ театра опасно для пѣшеходцевъ перейти лежащую мимо театра улицу; для чего мы отъ боковаго театральнаго крыльца перешли къ переднему и снарова то время, когда карета отъѣхала, а въ другую стали садиться, мы въ то время перебѣжали улицу безопасно. Дошедъ, такимъ образомъ, на противолежащій театру тротуаръ, шли по немъ саженъ тридцать; потомъ увидя, что шедшій предъ нами народъ, по тѣснотѣ тротуара или по другой какой причинѣ, склонился на мостовую и шелъ близъ лѣвой стороны проѣзда, который на срединѣ улицы по снѣгу былъ укатанъ такой ширины, что по немъ можно было проѣхать не только въ три, но и въ четыре рядомъ экипажа, а за тѣмъ народомъ и мы съ племянникомъ шли. Ночь была и не мѣсячная, но по снѣгу предметы были видны, почему экипажи разъѣзжались, другъ друга обгоняя, слѣдовательно и въ два ряда по ширинѣ накатаннаго проѣзда далеко насъ и шедшаго предъ нами народа не касаясь. Пройдя, такимъ образомъ, довольно большую дистанцію, вдругъ слышимъ лѣвѣй всѣхъ проѣхавшихъ уже экипажей, позади насъ: поди! — потому едва успѣли оглянуться назадъ, увидѣли надъ собою головы лошадей. Племянникъ мой, помимо же меня, успѣлъ отскочить, а меня, хотѣвшаго то-же сдѣлать, тѣми лошадьми сшибли и, ударя правымъ бокомъ о мостовую, надвинули на меня и экипажъ, такъ что я очутился подъ дышломъ, между заднихъ лошадиныхъ ногъ, изъ коихъ правая сдѣлала мнѣ нѣсколько ранъ на лбу и прочихъ частяхъ тѣла, а между тѣмъ экипажъ еще понадвинулся, такъ что меня уже и стельвагою накрыло. Въ семъ случаѣ хотя и можно было соскочить и, скинувъ постромку, отвернуть лошадь и меня изъ столь ужаснаго положенія освободить, но сего не сдѣлано; а вмѣсто того кучеръ, увидя меня уже подобраннаго подъ стельвагу, когда племянникъ мой хотѣлъ схватить за возжу или иначе какъ остановить, кучеръ пріударилъ по лошадямъ и поскакалъ

съ намѣреніемъ, по общему ихъ правилу: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, хотя до смерти задавить, только бы, переѣхавъ, ускакать и скрыться въ ночной темнотѣ неузнаннымъ между многими экипажами или, по ихъ правиламъ, хоть узнаннымъ, да не пойманнымъ. Въ семъ случаѣ меня подобрало по поясъ подъ самый экипажъ и я, схватясь за выгибы полозьевъ, уперся, чтобы всего меня туда не подобрало, приподнявъ сколько можно было голову подъ стельвагу, катился на брюхѣ больше половины квартала, пока по требованію народа повозка та остановилась. Какъ воспрепятствованное злонамѣреніе приводитъ иногда злодѣя въ изступленіе, то то же самое обладало и изувѣчившими меня, ибо они, остановясь, всѣ бросились не освобождать меня, а къ частному о чемъ-то совѣтоваться или просить о прикрытіи злодѣйства ихъ; и если-бы лошади были не смирны, то могли свободно снова меня таскать въ такомъ ужасномъ положеніи. Въ то время я, видя, что ни задавившіе, ни частный освобождать меня и не думаютъ, я принужденъ спросить: „да скажите мнѣ хоть то, на которой сторонѣ у васъ лошадь посмирнѣй“? — и тогда, услышавъ вопрошающій голосъ: на которой, вотъ такая-то, назвавшій ее по имени и отвѣтъ: на лѣвой, я, вытаща половину себя, бывшую подъ повозкою, вылѣзъ между выгибомъ лѣваго полоза и задними ногами заложенной на лѣвой сторонѣ лошади. Вылѣзши, такимъ образомъ, увидѣлъ, что ни кучера, ни лакея при повозкѣ нѣтъ и въ повозкѣ также никого; сѣдоки скрылись, только одна женская фигура тряслась отъ холода или страха, стоя съ правой стороны подлѣ повозки, а племянникъ мой, подбѣжавъ, держалъ за возжу лошадей, а кучеръ, лакей, а, можетъ быть, съ ними и сѣдоки въ сторонѣ, окружа частнаго, о чемъ-то совѣщались. Народъ бросился вытаскивать изъ-подъ полозьевъ шинель мою и когда оную мнѣ уже подали, тогда-то уже г. частный, подошедъ ко мнѣ, спросилъ, что я чувствую. Жалѣю, что тогда силы не было треснуть его въ рожу, ибо, чувствуя сильную боль въ спинѣ, не до того было, а потому и сказалъ ему только о боли въ спинѣ; по окружавшій народъ въ то-же время говорилъ мнѣ: да у васъ со лба кровь ручьями течетъ, а потомъ, когда поднятую назади и поданную мнѣ шапку сталъ надѣвать, сказали мнѣ, что изъ руки также кровь течетъ. Симъ только опоздился человѣкъ мой пріѣхать за нами, т. е. тѣмъ

только временемъ, въ которое совершилось надо мною такое убійственное приключеніе, отошедшаго меня встрѣтилъ ѣдучи за нами.

Прибывъ въ домъ въ крови и багрово-синихъ опухоляхъ, перепугалъ семейство взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей, коихъ однимъ безчувствіемъ боли успокоить могъ. Въ самомъ дѣлѣ, я, размывъ съ ранъ кровь и посредствомъ зеркала уже видя ихъ, не чувствовалъ, какъ должно, боли ни въ чемъ, кромѣ спины, какъ на мѣстѣ частному объявилъ, и правой руки, которая тогда ломила выше и ниже локтя; а впослѣдствіи оказалось, что у первой повреждено ребро, а у послѣдней плечо.

Г. частный хотя и видѣлъ текущую изъ меня кровь и зналъ боль спины, но видно потому, что я самъ вылѣзъ изъ-подъ повозки и пошелъ, не благоволилъ и лѣкаря ко мнѣ прислать и я принужденъ былъ послать за нимъ самъ.

Лѣкарь, осмотря наружныя раны, велѣлъ мнѣ поводить рукою, и какъ я сгоряча ею махнулъ взадъ и впередъ, то онъ, заключа, что не изломлена, ранъ же и ушибы на закрытыхъ мѣстахъ, хотя по изорванному платью и должно было ихъ предполагать, но какъ я не чувствовалъ ихъ боли, онъ не осматривалъ и потомъ, прописавъ къ ранамъ примочку, а къ рукѣ и прочимъ ушибамъ мазь, спросилъ: пускалъ ли я кровь и давно ли и, получилъ мой отвѣтъ, что кровь я пускалъ одинъ разъ въ жизни, назадъ тому лѣтъ пятнадцать; и потому ли, что одинъ разъ въ жизни, назадъ тому 15 лѣтъ, кровь пускалъ и что мнѣ уже отъ роду вторая половина шестаго десятка или потому, что крови довольно истекло изъ ранъ, назначилъ мнѣ баню съ тѣмъ, чтобы въ бытность въ ней обвязать раны такъ, чтобы до нихъ паръ не дошелъ. Тамъ уже открылись раны и ушибы на закрытыхъ мѣстахъ. Всѣхъ ихъ оказалось кромѣ плеча и ребра двѣнадцать, шесть такихъ, изъ коихъ кровь текла, и шесть же ушибовъ съ синими опухолями, въ которыхъ боль къ собственному моему удивленію чувствовалъ только тогда, когда до нихъ дотрогивались.

На другой день частный узнать о здоровьи присылалъ ко мнѣ: сперва буточника, потомъ квартальнаго, потомъ самъ пріѣхалъ и, объявя мнѣ, что изувѣчилъ меня г-нъ откупщикъ, у коего, какъ видно, и онъ вмѣстѣ съ правами питейной

торговли на откупѣ, увидя меня на ногахъ, уже не вникалъ въ сущность приключенія и истинное состояніе моего здоровья, а только сказалъ: я доложу Ефиму Михайловичу, т. е. его высокомощности, изувѣчившему меня откупщику. По таковому г-на частнаго докладу, самъ откупщикъ не благоволилъ ко мнѣ пожаловать, а часу въ 11-мъ прислалъ ко мнѣ повѣреннаго своего Мокошина, который, прибывъ ко мнѣ, привѣтствовалъ тѣмъ, что его прислалъ Ефимъ Михайловичъ узнать о моемъ здоровьѣ и, осмотрѣвъ, какъ будто не довѣряя моему болѣзненному состоянію; но для выведенія его изъ того заблужденія достаточно было показать одинъ почернѣвшій отъ сопредѣльныхъ ранъ глазъ и онъ откланялся, повторяя слова: пользуйтесь. Въ вечеру же того же числа онъ, повѣренный, прискакалъ ко мнѣ единственно затѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что яко-бы повелителя его, откупщика, когда онъ хотѣлъ задавить меня, въ повозкѣ не было и что онъ яко-бы того вечера выѣхалъ въ Арзамасъ съ купцомъ Поросенковымъ, поставляющимъ ему, откупщику, на винокуренный заводъ муку, а были яко-бы только его, откупщиковы, дѣти; но я, освободясь изъ-подъ повозки, никого въ ней не видалъ, а только, какъ выше сказалъ, видѣлъ подлѣ повозки одну женщину или дѣвицу, а въ повозкѣ никого не было. Самого же откупщика, между народомъ скрывшагося, я, какъ по тѣлесной болѣзни, такъ разстроеннымъ испугомъ умственнымъ способностямъ, отыскивать не могъ, а думалъ прямо оттуда явиться къ его превосходительству г-ну военному губернатору и одно только безобразіе отъ ранъ, крови и изорваннаго платья удержало отъ того, а послѣ, обмывши и перевязавши раны, уже не доставало на то силы.

Въ ночи съ 12-го на 13-е число, какъ видно, все, причиненное мнѣ лошадьми и повозкою, болѣе половины квартала меня подъ собою тащившею, начало дѣйствовать совокупно; и я, почувствовавъ себя въ опасномъ положеніи, писалъ о томъ его превосходительству г-ну военному губернатору и просилъ, чтобы повелѣно было кому нибудь написать при духовникѣ моемъ, лѣкарѣ и которомъ нибудь изъ сочленовъ моихъ гражданской палаты мое объясненіе. Вслѣдствіе той просьбы уже 14-го числа г. полицеймейстеръ, прибывъ ко мнѣ, и вмѣсто священника, лѣкаря и сочлена моего, привезъ съ собою того частнаго, который есть

почти главная причина постигшаго меня случая: если бы онъ наказалъ по просьбѣ моей моего кучера, то онъ бы, можетъ быть, не осмѣлился 11-го ноября напиться пьянымъ и я не шелъ бы изъ театра пѣшкомъ. Почему я г-ну полицеймейстеру къ прибывшему безъ просимыхъ мною особъ, объясня, сколько могъ, на словахъ все происшествіе, а болѣе подтверждалъ то, что откупщикъ или кучеръ его, увидя меня уже подобраннаго подъ повозку, не допустя племянника моего схватить за возжу, пріударилъ лошадей и поскакалъ съ тѣмъ, чтобы, задавя меня хоть до смерти, ускакать и скрыться, а остановился уже по требованію народа—просилъ его, полицеймейстера, объявить его превосходительству г-ну военному губернатору, что я паки надѣюсь на продолженіе жизни. Выслушавъ такое мое объясненіе и просьбу, и г-нъ полицеймейстеръ, какъ будто въ утѣшеніе мнѣ сказалъ, что и онъ такъ же, какъ частный, доложитъ его высокомощности Ефиму Михайловичу и по таковому его, полицеймейстера, какъ видно, докладу явился ко мнѣ тотъ же повѣренный; онъ, подошедъ къ столу, положилъ свертокъ въ бумагѣ, сказалъ: „вотъ вамъ Ефимъ Михайловичъ прислалъ безъ малаго сто рублей, возьмите“.

Принявъ такой поступокъ явною насмѣшкою, а болѣе убѣдясь тѣмъ, что откупщикъ задавитъ и еще десятерыхъ и будетъ откупаться по сту рублей, не подвергаясь сужденію по законамъ, я велѣлъ повѣренному возвратить тѣ безъ малаго сто рублей пославшему его, ибо онъ долженъ быть, какъ нанесшій увѣчье, взятъ подъ стражу и отосланъ къ суду; почему онъ, взявъ деньги и вышедъ отъ меня, что-то пильничалъ съ молодымъ лакеемъ.

Послѣ того изъ полицейскихъ и со стороны откупщика никто меня не навѣщалъ. Лѣкарь, замазавши поскорѣй сатурниною мнѣ раны, увѣрялъ, что рука вылѣчится прописанною имъ мазью, отъ которой до декабря мѣсяца лучше не было; а между тѣмъ, какъ ему обязанности въ уѣздѣ не позволяли лѣченіемъ меня заниматься, вогнанная изъ-подъ ранъ и прочихъ синихъ опухолей кровь, сдѣлавъ приливъ, отшибла было у меня пол-головы—то мученіе и опасность скоропостижно лишиться жизни заставили меня просить помощи доктора, который хотя и отвратилъ опасность, но не избѣгъ моего подозрѣнія и даже выговоровъ, проис-

шедшихъ отъ разстройства умственныхъ способностей. Но сей почтенный мужъ, зная отчего то происходило, перепесъ великодушно и въ теченіе слѣдовавшаго времени все исправилъ: руку же хотя костоправъ и правилъ, но и послѣ того мало поправленія. Сей только доказалъ, что спина сперва и бокъ потомъ болѣли отъ ребра, которое повреждено, и уже сдѣлался на поврежденномъ мѣстѣ паростъ, а конецъ его вогнулся внутрь.

Нынѣ я хотя и явился паки на службу, но рукою, какъ должествовало по прежнему, владѣть не могу, а также и ребро не позволяетъ ни малѣйшей подтяжки, а также и въ сидѣньи не позволяетъ ни малѣйшаго спины изгиба.....

Никита Толубѣевъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются записки Толубѣева; далѣе слѣдуетъ приписка тѣмъ-же почеркомъ, какъ и первыя строки въ началѣ рукописи, а именно:

«Потомъ онъ, пріятель мой, началъ было вкороткѣ разсказывать приключенія свои: въ ополченіи (которое не иначе называлъ, какъ въ сравненіи регулярнаго войска), огорченіемъ, какъ онъ сформировалъ батальонъ онаго и сдалъ по старшинству; походъ съ разительными ему приключеніями, воспрепятствовавшія ему участвовать съ онымъ въ топтаніи земли за границею; возвращеніе, послѣдствія, въ коихъ случившееся недопущеніе его на службу потому, что у него хотя и были аттестаты отъ военнаго начальства, разныя свидѣтельства, рескриптъ на орденъ и обыкновенный отъ полка паспортъ, до полученія изъ Военной коллегіи объ отставкѣ указа данный, но указа того не было, разсказывалъ со слезами, что сіе обстоятельство кончилось тѣмъ, что ему вмѣсто того указа, по прошенію его, прислана изъ главнаго штаба копія формулярнаго списка съ означеніемъ времени отставки и по оному онъ началъ статскую, въ совѣстномъ судѣ засѣдателемъ, службу, которая ему съ самаго вступленія почти безпрерывными командировками для производенія слѣдствій и опротивѣла, и сдѣлала разстройство чрезъ отлучку отъ присмотра за маленькимъ имѣньишкомъ, а болѣе чрезъ издержки на тѣхъ слѣдствіяхъ,

въ коихъ по пропущенности временъ, за смертію и другими убылями прикосновенныхъ людей, не всякое можно было сдѣлать въ короткое время,—и потомъ дошедъ до того, что онъ, прослужа два трехлѣтія въ совѣстномъ судѣ, на третье опредѣленъ въ гражданскую, засѣдателемъ-же, палату, разсказалъ постигшій его, по прослуженіи въ той палатѣ десяти мѣсяцевъ, слѣдующій убійственный случай».....

Здѣсь рукопись оканчивается, очевидно, что послѣдніе листы утрачены.

Дабы узнать, кто былъ Н. И. Т., я обратился къ многоуважаемому Августу Казиміровичу Жизневскому, основателю Тверскаго музея.

Августъ Казиміровичъ списался съ орловскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, который отвѣтилъ, что изъ дѣлъ орловскаго депутатскаго собранія видно, что при рѣкѣ Неполоди, въ Орловскомъ уѣздѣ [1]), жили дворяне Толубѣевы, изъ числа которыхъ штабсъ-капитанъ Никита Ивановичъ Толубѣевъ записанъ въ дворянскую родословную книгу Орловской губерніи 30-го апрѣля 1821 года.

Годъ смерти Никиты Ивановича Толубѣева намъ неизвѣстенъ.

А. А. Титовъ.

1887 года, октября 6-го.
Ростовъ-Великій.

---

[1]) Извилистая рѣка эта протекаетъ въ 15 верстахъ отъ Орла. А. Т.

Вышла и разсылается подписчикамъ «Русской Старины» на 1889 годъ

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ

ПОРТРЕТЫ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

[НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна **ЧЕТЫРЕ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе вышедшаго **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинъ. — Гр. Г. Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинъ — Гр. С. Строгоновъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѳедоръ — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Получить эту книгу можно въ редакціи «Русской Старины». С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7, и во всѣхъ ея конторахъ.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» *по 25-е декабря 1888 г.* **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою, а послѣ того срока **ДВА** р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1889 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1889 года, награвировано художниками Ѳ. А. Мѣркинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ, В. В. Матэ и Г. И. Грачевымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, по прежнему, помѣщаетъ въ 1889 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1889 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подьяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).